

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 11

СОЦИОЛОГИЯ

2023 – 3

Издается с 1991 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 2.11

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии «Социология»

М.А. Ядова – канд. социол. наук, гл. ред. (ИНИОН РАН); *Г.С. Абдирайымова* – д-р социол. наук (КазНУ им. аль-Фараби); *Е.В. Андрианова* – канд. социол. наук (ТюмГУ, ЗСФ ФНИСЦ РАН); *А.С. Готлиб* – д-р социол. наук (СамГУ); *Л.Д. Гудков* – д-р филос. наук (Аналитический центр Ю. Левады); *В.А. Давыденко* – д-р социол. наук (ТюмГУ); *Я.В. Евсеева* – (Университет Витовта Великого); *Д.В. Ефременко* – д-р полит. наук (ИНИОН РАН); *М.В. Ильин* – д-р полит. наук (МГИМО МИД России, ИНИОН РАН, НИУ ВШЭ); *А.Ю. Казакова* – д-р социол. наук (КГУ им. К.Э. Циолковского, ИНИОН РАН); *Е.В. Карчагин* – д-р филос. наук (ВолгГТУ); *Ю.А. Кимелев* – д-р филос. наук (ИНИОН РАН); *В.Г. Немировский* – д-р социол. наук (ИНИОН РАН); *В.Г. Николаев* – канд. социол. наук (НИУ ВШЭ, ИНИОН РАН); *Г.А. Погосян* – д-р социол. наук, академик НАН РА, иностранный член РАН (Институт философии, социологии и права НАН РА); *Е.Ю. Рождественская* – д-р социол. наук (НИУ ВШЭ; ФНИСЦ РАН); *А. Степченко* – PhD (Латвийский ун-т); *Л.Г. Титаренко* – д-р социол. наук (БГУ); *Н.Н. Федотова* – д-р социол. наук (МГИМО МИД России); *А.Ф. Филиппов* – д-р социол. наук (НИУ ВШЭ); *Е.В. Якимова* – канд. филос. наук (ИНИОН РАН); *А.Ю. Долгов* – канд. социол. наук, отв. секретарь (ИНИОН РАН, НИУ ВШЭ)

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

DOI: 10.31249/tsoc/2023.03.00

ISSN 2219-8830

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-80063 от 31.12.2020

© ИНИОН РАН, 2023

INSTITUTE OF SCIENTIFIC INFORMATION FOR SOCIAL
SCIENCES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

(INION RAN)

**SOCIAL SCIENCES
AND
HUMANITIES**

DOMESTIC AND FOREIGN LITERATURE

INFORMATION-ANALYTICAL
JOURNAL

SERIES 11

SOCIOLOGY

2023 – 3

Published since 1991
Frequency: 4 issues per year
Series index 2.11

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board of the «Sociology» Series

M.A. Yadova – Candidate of Sociological Sciences, Editor-in-Chief (INION RAN); *G.S. Abdirajymova* – Doctor of Sociological Sciences (Al-Farabi Kazakh National University); *E.V. Andrianova* – Candidate of Sociological Sciences (Tyumen State University, WSB – FCTAS RAS); *A.S. Gotlib* – Doctor of Sociological Sciences (Samara University); *L.D. Gudkov* – Doctor of Philosophical Sciences (Levada Analytical Center); *V.A. Davydenko* – Doctor of Sociological Sciences (Tyumen State University); *Ya.V. Evseeva* – (Vytautas Magnus University); *D.V. Efremenko* – Doctor of Political Sciences (INION RAN); *M.V. Ilyin* – Doctor of Political Sciences (MGIMO-University, MFA of Russia; INION RAN; HSE University); *A.Yu. Kazakova* – Doctor of Sociological Sciences (INION RAN, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski); *E.V. Karchagin* – Doctor of Philosophical Sciences (Volgograd State Technical University); *Yu.A. Kimelev* – Doctor of Philosophical Sciences (INION RAN); *V.G. Nemirovsky* – Doctor of Sociological Sciences (INION RAN); *V.G. Nikolaev* – Candidate of Sociological Sciences (HSE University; INION RAN); *G.A. Pogosyan* – Doctor of Sociological Sciences, Full Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philosophy, Sociology and Law of NAS RA); *E.Yu. Rozhdestvenskaya* – Doctor of Sociological Sciences (HSE University; FCTAS RAS); *A. Stepčenko* – PhD (University of Latvia); *L.G. Titarenko* – Doctor of Sociological Sciences (Belarusian State University); *N.N. Fedotova* – Doctor of Sociological Sciences (MGIMO-University, MFA of Russia); *A.F. Filippov* – Doctor of Sociological Sciences (HSE University); *E.V. Yakimova* – Candidate of Philosophical Sciences (INION RAN); *A.Yu. Dolgov* – Candidate of Sociological Sciences, Executive Secretary (INION RAN; HSE University)

The information-analytical journal «Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11. Sociologiya = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology» is indexed in Russian Science Citation Index (RSCI).

DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.00
ISSN 2219-8830

© INION RAN, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА

Долгов А.Ю. О социологических исследованиях одиночества: введение к тематическому разделу	9
Якимова Е.В. Одиночество и чувство принадлежности: новые концептуальные и эмпирические подходы. (Обзор)	16
Василенко В.В. Социальное и культурное одиночество как атрибуты мобильного общества: П.А. Сорокин и интегральные концепции одиночества	42
Немировский В.Г. Парасоциальные отношения как фактор снижения остроты переживания одиночества в обществе травмы	59
Казаква А.Ю. Широта освоенного пространства и дружеских связей студентов: опыт картографирования	86
Долгов А.Ю. Рецензия на книгу: Yang K. Loneliness: a social problem. [Ян К. Одиночество как социальная проблема]	105

СОЦИОЛОГИЯ НАДЕЖДЫ

Евсеева Я.В. Социология надежды – новая область исследований. (Обзор)	117
---	-----

ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Реф. ст.: Лаптон Д. Социология мобильных приложений	140
---	-----

СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ

Пряжникова О.Н. Совместное производство знаний: некоторые элементы концепции. (Обзор)	154
---	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- Ядова М.А. Рецензия на книгу: Травин Д.Я. Как государство богатеет: путеводитель по исторической социологии 163

СОЦИОЛОГИЯ БУДУЩЕГО

- Раренко А.А. Социология будущего: цели и перспективы. (Обзор) 170

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Козин С.В., Жидяева Т.П. Постковидное общество в фокусе социологии: старые и новые тренды. (Обзор по итогам XVI Ковалевских чтений) 178

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

- Парсонс Т. Структура социального действия. Глава 3. Некоторые фазы исторического развития индивидуалистического позитивизма в теории действия. (Перевод с англ. В.Г. Николаева) 189

CONTENTS

ISSUE THEME: SOCIOLOGICAL STUDIES OF LONELINESS

Dolgov A.Yu. On sociological studies of loneliness: introduction to the thematic section	9
Yakimova E.V. Loneliness and sense of belonging: new conceptual and empirical approaches. (Literature review)	16
Vasilenko V.V. Social and cultural loneliness as attributes of a mobile society: P.A. Sorokin and integral concepts of loneliness	42
Nemirovsky V.G. Parasocial relationships as a factor reducing the severity of experiencing loneliness in a society of trauma	59
Kazakova A.Yu. The breadth of the mastered space and friendly relations of students: mapping experience	86
Dolgov A.Yu. Book review: Yang K. Loneliness: a social problem ..	105

SOCIOLOGY OF HOPE

Evseeva Ya.V. Sociology of hope: a new research branch. (Literature review)	117
---	-----

DIGITAL SOCIOLOGY

Article summary: Lupton D. The sociology of mobile apps	140
---	-----

SOCIOLOGY OF KNOWLEDGE

Pryazhnikova O.N. Co-production of knowledge: some elements of the concept. (Literature review)	154
---	-----

HISTORICAL SOCIOLOGY

- Yadova M.A. Book review: Travin D.Ya. How the state is getting wealthy: a guide to historical sociology 163

SOCIOLOGY OF THE FUTURE

- Rarenko A.A. Sociology of the future: objectives and prospects. (Literature review) 170

SCIENTIFIC LIFE

- Kozin S.V., Zhidyaeva T.P. Post-COVID society in the focus of sociology: old and new trends. (Review of the XVI Kovalevsky Readings) 178

CURRICULUM: SOCIOLOGICAL CLASSICS

- Parsons T. The structure of social action. Chapter 3. Some phases of the historical development of individualistic positivism in the theory of action. (Translated from English by V.G. Nikolaev) ... 189

**ТЕМА НОМЕРА:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА**

УДК 316.47

DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.01

ДОЛГОВ А.Ю.* О СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ОДИНОЧЕСТВА: *введение к тематическому разделу*

Аннотация. Во введении к тематическому разделу кратко описываются основные проблемы исследований одиночества на концептуальном и операциональном уровнях, приводятся данные о распространенности одиночества в России, делается резюме работ, включенных в подборку номера.

Ключевые слова: одиночество; жизнь в одиночку; социальные связи; социальные отношения.

Для цитирования: Долгов А.Ю. О социологических исследованиях одиночества : введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 3. – С. 9–15. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.01

Статья поступила: 31.07.2023.

Принята к публикации: 06.08.2023.

* Долгов Александр Юрьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН, старший преподаватель департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; dolgovalexandr@yandex.ru

DOLGOV A.Yu.** On sociological studies of loneliness: introduction to the thematic section

Abstract. The introduction to the thematic section briefly describes main problems of loneliness research at conceptual and operational levels, provides data on the prevalence of loneliness in Russia, and summarizes the works included in the issue.

Keywords: loneliness; living alone; social bonds; social relationships.

For citation: Dolgov A.Yu. On sociological studies of loneliness : introduction to the thematic section. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 3. – P. 9–15. DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.01

Received: 31.07.2023.

Accepted: 06.08.2023.

В социальной теории и социологии тема одиночества так или иначе присутствует во многих исследованиях. Если какому-то автору нужно было сделать описание досоциального состояния, социального кризиса, разрыва социальных связей и отношений, жизни чужака или маргинала и т.п., то в нем скорее всего присутствовало одиночество как одна из основных характеристик. Например, описывая «естественное состояние», Томас Гоббс отмечал, что в нем «жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, зверина и кратковременна» [Гоббс, 2019, с. 134]. И хотя одиночество преимущественно воспринималось и продолжает восприниматься негативно, тенденции «текучей современности» [Бауман, 2008] с ее непостоянными, нестабильными социальными формами и индивидуализацией заставили исследователей увидеть в одиночестве новые смыслы (обзор теорий одиночества см.: [Покровский, Иванченко, 2008]). Выделение разных смыслов в одиночестве ста-

** Dolgov Aleksandr Yur'ievich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Senior Lecturer of the Department of Sociology, National Research University «Higher School of Economics»; dolgovalexandr@yandex.ru

ло возможным в том числе благодаря четкому различению между одиночеством (*loneliness*), жизнью в одиночку (*aloneness*) и уединением (*solitude*). Сегодня как на уровне академических исследований, так и на уровне повседневных представлений есть понимание того, что быть одному – не значит обязательно чувствовать себя одиноким. Но тема одиночества из-за его различных интерпретаций все равно остается трудной и противоречивой.

На повседневном уровне противоречивое отношение людей к проблеме одиночества проявляется, с одной стороны, в страхе перед ним (аутофобии) или его стигматизации (синглизме) [DePaulo, 2011], с другой – в возрастающей популярности «жизни соло», или жизни синглтонов, – людей, предпочитающих не создавать семьи и жить по одиночке [Кляйненберг, 2014]. Кроме того, если вспомнить недавние ограничения, которые вводились из-за пандемии COVID-19, то для одних людей принудительная изоляция стала серьезным испытанием, в то время как для других подобный образ жизни – желаемый и добровольный выбор (один из ярких примеров – «хикikomори», явление, получившее название от японского слова, где *hiku* означает «отступить», *komoru* – «уединиться»).

Измерение одиночества – тоже трудная задача. Так, по данным «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» 2016 г. на вопрос: «Как часто Вы испытываете чувство одиночества?», «Никогда» ответили 52,9% респондентов, «Редко» – 33,8, «Часто» – 9,5, «Всегда» – 2,7, затруднились ответить – 1% [Куфлина, Рощина, 2018, с. 125]. Судя по этим ответам, 46% респондентов с разной частотой испытывали одиночество.

В 2021 г. исследователи из ВЦИОМа задавали людям следующий вопрос: «В разный период жизни все так или иначе могут чувствовать себя одиноко. Скажите, за последние полгода-год у Вас возникало или не возникало чувство одиночества, ощущение, что нет никого, с кем можно было бы поговорить или провести время? Если да, то как часто Вы испытывали это чувство?». «Никогда» ответили 76% респондентов, «Периодически (время от времени)» – 19, «Постоянно» – 4, затруднились ответить – 1% [Одиночество, 2021]. Итого: 23% опрошенных ответили, что они чувствовали себя одиноко периодически или постоянно. В этом же

исследовании на вопрос «Скажите, с кем Вы проживаете в настоящий момент?» «Один / одна» ответили – 18% респондентов [Одиночество, 2021].

Конечно, вопросы в этих исследованиях сформулированы по-разному, и делать какие-либо однозначные выводы на полученных данных нельзя, но мы видим, что доля тех, кто испытывал одиночество, отличается в 2 раза: 46% в 2016 г. и 23% – в 2021 г. Действительно ли происходят такие значительные колебания в количестве тех, кто испытывает одиночество? Если да, то чем это объясняется? Если нет, то что люди понимают под одиночеством, когда к ним обращаются с вопросом, испытывают ли они это чувство? И как указанные данные соотносятся с тем, что в 2012 г., по результатам Европейского социального исследования (ESS)¹, в России был зафиксирован один из самых высоких уровней одиночества в Европе [Yang, 2020, p. 165], а по результатам Всероссийской переписи населения 2021 г. впервые выявлено преобладание домохозяйств, состоящих из одного человека – 27,6 млн (41,8%) из 66,1 млн [Прокофьева, Корчагина, 2023]. Таким образом, одиночество остается трудно измеряемым объектом с размытыми границами.

Чтобы показать не только трудности, но и перспективы изучения одиночества, авторы представленного тематического раздела взглянули на него с разных сторон, используя различные теоретические и эмпирические ресурсы социологии.

Тема номера открывается обзором *Е.В. Якимовой*, которая фокусируется на ряде актуальных дискуссий о проблеме одиночества. Представлен взгляд на одиночество в контексте пространственной и временной вовлеченности в социальные отношения, социальной географии и географической принадлежности, феминистской теории и стратегий социальной политики на национальном уровне (на примере Австралии, Великобритании, Германии).

В статье *В.В. Василенко* реконструируется подход русско-американского социолога Питирима Сорокина (1889–1968) к изучению одиночества. Автор, в частности, концентрирует свое вни-

¹ В этом исследовании вопрос звучал следующим образом: «Сколько времени в течение последней недели Вы чувствовали себя одиноким?». В России 14,9% респондентов указали «большую часть времени» и «все или почти все время», цит. данных по: [Yang, 2020, p. 166–167].

мание на связи социальной мобильности и одиночества. Так, можно предположить, что, если человек живет в условиях имобильного общества, он с меньшей вероятностью столкнется с необходимостью разрывать социальные связи и социальные отношения, а мобильное общество повышает для человека риск остаться в одиночестве. Автор также находит общие черты в интегральном подходе П.А. Сорокина и модели одиночества, предложенной американскими исследователями У.А. Садлером и Т.Б. Джонсоном.

В.Г. Немировский рассматривает одиночество как явление, сопутствующее обществу травмы, и анализирует связь одиночества с парасоциальными отношениями. Такой тип отношений построен на односторонней привязанности поклонника к его кумиру – как правило, какой-нибудь популярной медийной персоне. Автор приходит к выводу, что, по сути, парасоциальные отношения возникают для временного уменьшения негативных переживаний одиночества и выступают как компенсация «настоящим» социальным отношениям.

В статье *А.Ю. Казаковой* излагаются результаты исследования, в котором на примере калужан изучено влияние виртуального освоения города и онлайн-общения на социальные связи. Для любого города, характеризующегося значительной степенью анонимности, мобильности и одиночества, это очень актуальный вопрос. В частности, автором делается вывод, что онлайн-контакты увеличивают оффлайн-контакты, а число знакомых виртуальных пространств коррелирует с числом реально посещаемых объектов.

Тематический раздел завершается рецензией *А.Ю. Долгова* на книгу ассоциированного профессора Даремского университета (Великобритания) Кэмина Яна «Одиночество как социальная проблема». В своей работе К. Ян указывает на сложности концептуализации и операционализации одиночества, проводит сравнительный социальный анализ по странам, фиксируя различия в распространенности в них одиночества, проверяет связь одиночества с различными переменными (возраст, гендер, уровень дохода и др.) и формулирует рекомендации по борьбе с одиночеством.

Материалы темы номера, на наш взгляд, в очередной раз продемонстрировали, что одиночество, при всем внимании к нему со стороны исследователей, остается трудным объектом для теоретического описания и эмпирического измерения. Многие фунда-

ментальные исследовательские вопросы об одиночестве социальным ученым еще только предстоит поставить и решить.

Список литературы

- Бауман З. Текущая современность. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 240 с.
- Гоббс Т. Левиафан / пер. с англ. А. Гутермана. – Москва : РИПОЛ классик, 2019. – 624 с.
- Кляйненберг Э. Жизнь соло : новая социальная реальность : пер. с англ. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2014. – 279 с.
- Куфлина Е.Д., Рощина Я.М. Дифференциация социального капитала россиян и ее факторы // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE) : сб. науч. ст. [электронный ресурс] / отв. ред. П.М. Козырева. – Москва : Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2018. – Вып. 8 – С. 113–135. – URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/493059365.pdf> (дата обращения: 30.07.2023).
- Одиночество и как с ним бороться : аналитический обзор / ВЦИОМ. – 2021. – 19 августа. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odinochestvo-i-kak-s-nim-borotsja> (дата обращения: 30.07.2023).
- Покровский Н.Е., Иванченко Г.В. Универсум одиночества : социологические и психологические очерки. – Москва : Логос, 2008. – 408 с.
- Прокофьева Л.М., Корчагина И.И. Демографическая структура семей и домохозяйств в России, ее динамика по данным переписей населения // Демографическое обозрение. – 2023. – Т. 10, № 2. – С. 4–17.
- DePaulo B. *Singlism : what it is, why it matters, and how to stop it.* – Lexington : DoubleDoor Books, 2011. – 266 p.
- Yang K. *Loneliness : a social problem.* – London : Routledge, 2020. – XI, 240 p.

References

- Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid modernity]. – Saint Petersburg : Piter, 2008. – 240 p. (In Russian)
- DePaulo B. *Singlism : what it is, why it matters, and how to stop it.* – Lexington : DoubleDoor Books, 2011. – 266 p.
- Hobbes T. *Leviathan*. Translated from English by A. Guterman. – Moscow : RIPOL klassik, 2019. – 624 p. (In Russian)
- Klinenberg E. *Zhizn' solo : novaya social'naya real'nost'* [Living solo : a new social reality]. Translated from English. – Moscow : Al'pina non-fikshn, 2014. – 279 p. (In Russian)
- Kuflina E.D., Roshchina Ya.M. *Differenciaciya social'nogo kapitala rossiyan i ee faktory* [Differentiation of social capital in russia and its factors]. *Vestnik Rossijskogo monitoring ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VShE* [The Russia longitudinal monitoring survey – Higher school of economics

**О социологических исследованиях одиночества:
введение к тематическому разделу**

(RLMS-HSE)]. – Moscow : HSE University, 2018. – Vol. 8. – P. 113–135. – URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/493059365.pdf> (accessed: 30.07.2023). (In Russian)

Odinochestvo i kak s nim borot'sya : analiticheskij obzor [Loneliness and how to deal with it : an analytical review]. – WCIOM. – 2021. – August 19. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odinochestvo-i-kak-s-nim-borotsja> (accessed: 30.07.2023). (In Russian)

Pokrovsky N.E., Ivanchenko G.V. *Universum odinochestva : sociologicheskie i psihologicheskie ocherki* [The universe of loneliness : sociological and psychological essays]. – Moscow : Logos, 2008. – 408 p. (In Russian)

Prokofieva L.M., Korchagina I.I. Demograficheskaya struktura semej i domohozyajstv v Rossii, ee dinamika po dannym perepisej naseleniya [The demographic structure of families and households in Russia, its dynamics according to population censuses]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic review]. – 2023. – Vol. 10, N 2. – P. 4–17. (In Russian)

Yang K. *Loneliness : a social problem*. – London : Routledge, 2020. – XI, 240 p.

ЯКИМОВА Е.В.* ОДИНОЧЕСТВО И ЧУВСТВО ПРИНАДЛЕЖНОСТИ: НОВЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ. (Обзор)

Аннотация. В обзоре представлены новейшие социально-психологические и социологические трактовки феномена одиночества в обществе позднего модерна, характерные для социального знания последнего десятилетия. Анализируются интерпретации генезиса и природы одиночества как «болезни XXI века», включая как теоретические и эмпирические аспекты проблемы, так и вопросы социальной политики в странах Западной Европы и Австралии.

Ключевые слова: одиночество; принадлежность; социальная изоляция; жизнь-в-одиночку; уединение; жизненный цикл; социальная география; географическая психология; феминизм; неолитерализм.

Для цитирования: Якимова Е.В. Одиночество и чувство принадлежности : новые концептуальные и эмпирические подходы. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 3. – С. 16–41. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.02

Статья поступила: 08.05.2023.

Принята к публикации: 15.06.2023.

* Якимова Екатерина Витальевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; e.yakimova2011@yandex.ru

YAKIMOVA E.V.** Loneliness and sense of belonging: new conceptual and empirical approaches. (Literature review)

Abstract. The review presents the recent socio-psychological and sociological interpretations of the phenomenon of loneliness in late modern society, characteristic of social knowledge of the last decade. Interpretations of the genesis and nature of loneliness as a «disease of the 21st century» are analyzed, including both theoretical and empirical aspects of the problem and social policy issues in Western Europe and Australia.

Keywords: loneliness; belonging; social isolation; living alone; solitude; life cycle; social geography; geographical psychology; feminism; neoliberalism.

For citation: Yakimova E.V. Loneliness and sense of belonging: new conceptual and empirical approaches. (Literature review). *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology].* – 2023. – N 3. – P. 16–41. DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.02

Received: 08.05.2023.

Accepted: 15.06.2023.

В настоящий обзор вошли публикации 2021–2022 гг., касающиеся темы одиночества в современном мире. Данные публикации носят мультидисциплинарный характер и дают представление о направлениях эмпирических и теоретических исследований природы и генезиса одиночества как явления, которое в XXI столетии все чаще называют «эпидемией» или «болезнью века», подлежащей лечению, в том числе – путем пересмотра социальной политики. Помимо традиционного социологического и социально-психологического осмысления феномена одиночества в терминах жизненного цикла, социальных связей и межличностных отношений (как факторов, усугубляющих либо нивелирующих субъектив-

** Yakimova Ekaterina Vital'evna – Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; e.yakimova2011@yandex.ru

ное ощущение социальной изоляции и выключенности из жизни), авторы статей, вошедших в обзор, рассматривают также практические аспекты проблемы. Наибольший интерес в этом отношении представляет анализ одиночества в терминах пространственной и временной вовлеченности, социальной географии и географической принадлежности, феминистской теории, а также с учетом новых социально-политических стратегий на уровне национальных правительств (Австралия, Великобритания, Германия). Исследователи оказались единодушны в том, что феномен одиночества претерпевает существенные изменения в эпоху неолиберализма, мультикультурализма и глобализации, приобретая все более масштабный характер, в особенности на фоне удлинения индивидуального жизненного цикла. В этой связи авторы публикаций предлагают те или иные варианты «противостояния одиночеству», начиная с нетривиальных способов концептуализации этого явления и заканчивая конструктивной критикой социально-политических стратегий на уровне государственных институтов.

В статье австралийцев Э. Франклина (Университет Южной Австралии, г. Аделаида) и Б. Трантера (Университет Тасмании, г. Хобарт) одиночество рассматривается через призму межличностной и социальной принадлежности (*belonging*), или вовлеченности в тот или иной контекст значимых контактов и отношений [Franklin, Tranter, 2021]. Чувство принадлежности, поясняют авторы, отражает потребность человека в совокупности взаимных связей самой разной природы (принадлежность к родственному клану, семье, соседской общине, месту пребывания, возрастной когорте, этническому или гендерному меньшинству / большинству и т.п.). Поскольку состояние одиночества так или иначе ассоциируется с дефицитом желаемого круга общения и «со-участия», его необходимой предпосылкой и / или следствием выступает неудовлетворенная потребность в «принадлежности». К сожалению, в социальной литературе двух последних десятилетий, касающейся глобального кризиса одиночества в эпоху позднего модерна, данный аспект одиночества, его генезиса и последствий (социальной изоляции и негативного личностного опыта) практически не упоминается. Франклин и Трантер предлагают заполнить этот концептуальный пробел, обратившись к междисциплинарным источникам (история, антропология, сравнительные культурные

исследования, этнография, социальная география и психология, миграционные исследования). Именно таким путем можно расширить границы традиционного прочтения темы одиночества и наметить практические пути для решения проблемы в контексте базовых составляющих чувства принадлежности. Для реализации этой задачи они выделяют следующие направления концептуализации опыта принадлежности и его эмпирических характеристик: а) культура, родство, этничность; б) аспекты принадлежности, выходящие за рамки собственно человеческого (non-human); в) принадлежность в ее географическом прочтении; г) временные и поколенческие параметры принадлежности.

Франклин и Трантер разделяют точку зрения социальных исследователей из разных дисциплин, согласно которой человеку в любой ситуации необходим хотя бы минимальный набор длительных, позитивно окрашенных, значимых межличностных отношений, вне которых он чувствует себя «находящимся за бортом» – изолированным от мира и одиноким [Franklin, Tranter, 2021, p. 58]. Если культурная обусловленность подобных отношений сегодня не вызывает сомнений, то культурная структурированность чувства принадлежности, а также его содержание, обусловленное традицией и историей, крайне редко обсуждаются в работах современных исследователей. Между тем именно эти аспекты вовлеченности / причастности / принадлежности приобретают особое значение в современном мультикультурном пространстве, в особенности в сообществах мигрантов. Как свидетельствуют работы антропологов прошлого столетия, культурные и традиционные паттерны родства и причастности сохраняют свою устойчивость даже в таких ситуациях, когда среда обитания, повседневная организация жизни и статусная иерархия претерпевают кардинальные изменения.

Ключевое значение для сохранения чувства принадлежности в иной культурной среде приобретают те принятые в той или иной этнической и / или культурной группе принципы установления родства и родственных связей в пределах общины, клана, семьи и т.п. Существенную роль играют также форма организации домохозяйств и принятые гендерные роли. Авторы ссылаются на ряд полевых исследований повседневной жизни мигрантов в Австралии и США, в которых воссоздаются принципы исчисления родства

и организации семейно-родственных связей англо-австралийских, итальянских и африканских мигрантских сообществ [Towards an understanding ... , 2019]. В каждом из описанных случаев принадлежность (семье, клану, этносу) внутри сообщества мигрантов и характер адаптации к изменившимся условиям жизни предопределялись доминирующей исторической системой родства и культурно-специфическим толкованием автономии и свободы. Нуэры (выходцы из Судана) оставались верны принципу патрилинейных родственных связей, восходящих к единому предку-мужчине; здесь поддерживалась практика кровных связей (кровного родства) исключительно по мужской линии, четко фиксируя принадлежность и вовлеченность в пределах родственного клана. Этот тип родственной принадлежности нуэры сохраняли и в последующих поколениях переселенцев, наводнивших Миннесоту и Небраску после трагических событий в Судане, противопоставляя чувству одиночества и заброшенности традиционную коллективную идентичность [Franklin, Tranter, 2021, p. 59]. Англо-австралийские и итальянские системы родства ориентированы на партнерские отношения и свободу, кровными родственниками в рамках этих систем, помимо детей и родителей, считаются только братья и сестры, а формы семейной принадлежности эгоцентричны и могут меняться на протяжении жизненного цикла индивида. Таким образом, пишут Франклин и Трантер, «адекватное осмысление и тем более изменение паттернов одиночества требуют учета специфических систем родства и норм общежития, которые структурируют потребности в принадлежности в пределах разных культурных групп» [ibid.].

Переходя к анализу не-человеческих параметров чувства принадлежности, авторы подчеркивают, что опыт успешной / неуспешной вовлеченности, равно как и опыт одиночества, не исчерпываются сферой «соприсутствия человека». Следуя философским идеям Делёза, пост-гуманистическим концепциям и принципам нового материализма, социальные исследователи сегодня все реже видят в «социальном» дискретную онтологическую единицу и все чаще обращаются к теме присутствия социального за границами собственно человеческого. Первостепенную роль в формировании именно таких аспектов чувства принадлежности играют следующие факторы: пространство; время; среда обитания

и ее воплощенные составляющие (материальные, технологические, эстетические); а также память и воспоминания.

Авторы иллюстрируют эти теоретические идеи данными, которые были получены в ходе двух национальных опросов, посвященных одиночеству в Австралии [Franklin, Tranter, 2008]. В перечне ответов о главной причине одиночества, который был предложен респондентам, фигурировали в том числе и такие варианты, как «не знаю» и «другое». К удивлению организаторов проекта, именно эти варианты оказались особенно популярны среди участников опросов: их выбрал 51% женщин и 61% мужчин (33% женщин и 36% мужчин предпочли ответ «другое»; 18 и 25% соответственно выбрали ответ «не знаю») [Franklin, Tranter, 2021, p. 60]. По мнению Франклина и Трантера, причины такого специфического выбора со стороны респондентов связаны с размыванием социальной приверженности и вовлеченности в условиях «текущей современности» (в терминологии З. Баумана). Прежние рычаги вовлеченности, такие как профессиональная востребованность, коллеги, партнеры, локальные сообщества, политические взгляды, сегодня уже не могут обеспечить того ощущения принадлежности, которое было характерно для предшествующих исторических эпох. Другими словами, социальные связи сохранили свой формальный характер, но их защитная сила перед лицом одиночества существенно ослабла [ibid.].

Респонденты не могли назвать конкретной причины ощущения изолированности от жизни именно потому, что таких причин оказалось слишком много, полагают авторы. Что же касается выбора «другое» как предпосылки чувства одиночества, то здесь, по всей вероятности, ключевую роль сыграли как раз не-человеческие факторы, которые отсылали участников опроса к тем или иным аспектам их прошлого (время и место, связанные с тем или иным этапом жизни; культурный ареал; язык общения). «Мы действительно можем чувствовать свою принадлежность к специфическому отрезку времени и культурному ареалу» и в этом контексте «конструировать чувство самой глубокой принадлежности к конкретному месту пребывания, временному периоду (детство, семья, однокурсники, коллеги), домашним животным, увлечениям (спорт, политика) или просто юности», замечают авторы [Franklin, Tranter, 2021, p. 60]. Чувство принадлежности, таким образом, состоит из

ансамблей, объединяющих элементы самой разной природы: это язык и литература, эстетический вкус и арт-объекты, политические пристрастия, тексты, ритмы, юмор, физические материалы (дерево, камень, железо, кирпич) и т.д. Такие ансамбли «формируют наш круг общения и делают для нас значимыми всех тех, кто разделяет наш образ жизни» [Franklin, Tranter, 2021, p. 60]. В своем предельном выражении чувство принадлежности может быть редуцировано до «исключительной вовлеченности в самого себя» – именно такой вариант принадлежности, в принципе исключающий одиночество, в наибольшей мере отвечает идеалу неолиберализма с его глубоко индивидуализированной трактовкой жизненных целей и стремлений, замечают Франклин и Трантер.

Особое место среди не-человеческих параметров принадлежности занимают временные и локальные ассоциации (среда обитания, контексты пребывания, поколение, память). С ними связаны такие атрибуты «включенности» и / или одиночества, как ностальгия и воспоминания, которые играют заметную роль в мироощущении пожилых людей, вынужденных переселенцев и мигрантов (тоска по ушедшим временам и дорогим местам). Несмотря на то, что подобные этнические и локальные сообщества обычно пытаются воссоздать на чужбине прежние формы домохозяйств и родственных отношений, привычный образ жизни и даже «структуру чувств», тоска по былым временам и знакомым пейзажам остается неизменным спутником эмиграции.

Особый интерес для социальных исследователей представляет печальный опыт возвращения переселенцев в родные края после длительной эмиграции, который, как правило, делает очевидной психологическую невозможность «возврата к истокам», усугубляя ностальгию и чувство социальной изоляции. В качестве примера материализовавшейся ностальгии Франклин и Трантер приводят итальянскую пьяццу – площадь, которая служит публичным местом досуга и общения местных жителей. Именно образ пьяццы олицетворял для итальянских переселенцев в Аделаиде «личностную принадлежность и вовлеченность», которых они лишились на чужбине и не смогли обрести вновь по возвращении на родину [Franklin, Tranter, 2021, p. 62]. Согласно данным эмпирических исследований, вынужденные переселенцы, а также студенты, обучающиеся вдали от страны происхождения, чаще жалуются на

разорванность прежних связей, чем на отсутствие новых друзей. Таким образом, резюмируют свои наблюдения авторы, можно с уверенностью предположить, что «устойчивое чувство принадлежности имеет в своей основе связи и привязанности разного генеза, включая материальные и нематериальные обстоятельства, условия, и отношения, выходящие далеко за пределы собственно человеческого» [Franklin, Tranter, 2021, p. 62]. В этой связи перспективным направлением осмысления одиночества и чувства принадлежности авторы считают социологический анализ таких мест локализации, которые, в сущности, являются «не-местами» – аэропортов, отелей, супермаркетов, моллов и тому подобных нейтральных территорий, не предполагающих ни вовлеченности в социальные отношения, ни групповой идентичности, ни ощущения включенности [ibid., p. 64].

Временной аспект чувства принадлежности тесно связан с территориальным: и тот, и другой участвуют в конституировании и сохранении устойчивого Я в калейдоскопе жизненных событий. Воспоминания, включая память о прошлых привязанностях (к людям, питомцам, улицам, домам, городам, поселениям), увлечениях, художественных и музыкальных пристрастиях и единомышленниках, играют первостепенную роль в оформлении психологического принятия / неприятия индивидом текущей реальности и радикальных социальных трансформаций. С этой точки зрения, ностальгию – как «тоску по прошлому» – можно рассматривать не столько в качестве инструмента личностной деструкции, сколько как резервуар новых сценариев соучастия в изменившейся жизни общества, уверены авторы. Как отмечает В. Мэй, существует по крайней мере две разновидности «принадлежности издалека» (belonging from afar) – временное замещение и временная миграция [May, 2017]. Первый способ вернуть прошлое и былые привязанности связан со стойким ощущением принадлежности, которое возникает в контексте общения либо любой социальной практики в момент возвращения в прежнюю, пусть изменившуюся, но некогда знакомую среду. «Изменившиеся места локализации, – поясняют авторы, – остаются источником чувства вовлеченности в момент их посещения даже в том случае, если этот опыт окрашен грустью и горечью утраты» [Franklin, Tranter, 2021, p. 65]. Второй способ связан с ностальгией по ушедшей эпохе, с ощущением своей принадлежно-

сти к «добрым старым временам», где остались давно покинувшие этот мир мать и отец, одноклассники, товарищи по университету, первая любовь, профессиональное становление и т.п. В определенной мере «временная эмиграция» связана с понятием поколенческой принадлежности и разделяемых со сверстниками жизненных и культурных ценностей, моды, поп-культуры и общей жизненной атмосферы. Этот аспект социальной изоляции часто присутствует в мироощущении обитателей домов престарелых, которые страдают не столько от дефицита общения, сколько от невозможности общаться с теми, с кем их объединяют общие воспоминания, ценности и увлечения, подчеркивают Франклин и Трантер [Franklin, Tranter, 2021, p. 66].

В завершение своей статьи австралийские социологи обращают внимание на тесную связь выявленных ими факторов дефицита вовлеченности как предпосылки одиночества с понятием текучей современности. Как показывают исследования последнего десятилетия, углубление социальной изоляции и чувства одиночества в современном неолиберальном обществе обусловлено широким спектром кардинальных социоструктурных изменений позднего модерна. Осмысление этих изменений (трансформации института семьи; новых форм организации мест досуга и отдыха; градостроительной политики; стандартов потребления; индивидуализированных ценностей) может стать серьезным практическим подспорьем для пересмотра государственной политики в отношении индивидов и сообществ, наиболее уязвимых в плане «дефицита включенности» и одиночества как его следствия [Franklin, Tranter, 2021, p. 67].

В продолжение темы не-человеческих (внешних, объективных) факторов одиночества группа исследователей из Германии и Великобритании под руководством С. Бюккер (Рурский университет в Бохуме, Германия) обсуждают возможную связь между чувством социальной изоляции и географическим местом проживания [In a lonely place ... , 2021]. Коллектив авторов намерен выяснить, насколько человек «одинок в уединенном месте», а также понять, влияет ли социальная география на «географическую психологию». Речь идет о том, в какой мере уровень экономического развития региона, характер инфраструктуры, доступность мест досуга и медицинских услуг сопряжены с субъективным чувством одино-

чества и количеством жителей, испытывающих дефицит социальных связей.

Одиночество как индивидуальная психологическая характеристика достаточно полно описана в специальной литературе, в том числе – в междисциплинарных исследованиях. Число публикаций, посвященных этому феномену, заметно возросло за последнее десятилетие на фоне стремительного увеличения количества одиноких людей в европейских странах, что вызывает озабоченность правительств, политических партий и общественных организаций (в частности, в ФРГ и в Великобритании). Однако новые публикации практически не затрагивают такой очевидный фактор генезиса одиночества, как географический регион проживания, замечают Бюккер и ее соавторы. Между тем «локальная специфика жизни» служит не менее значимой причиной дефицита социальных связей и социальной изоляции, чем традиционный анализ одиночества на уровне индивидуальной психологии и мировосприятия, и потому должна учитываться в рамках эффективной социальной политики [In a lonely place ... , 2021, p. 147].

В качестве теоретической базы исследования макрорегиональной специфики одиночества и его географического «распределения» авторы используют социально-экологическую перспективу. В рамках этой концептуальной схемы предметом анализа является воздействие на индивида (его чувства, поведение и мышление) «объективных физических и социальных параметров среды, а не их субъективного восприятия или толкования» [In a lonely place ... , 2021, p. 147]. В основе социально-экологического подхода лежит убеждение в том, что контекстуальные факторы макроуровня формируют тип и определяют направление процессов уровня индивидуального. Например, стремительные социальные изменения могут способствовать ощущению изолированности от новой социальной реальности, в которую индивид больше не вписывается.

Обзор исследований последних лет, в которых так или иначе присутствуют региональные измерения одиночества, показывает, что на данном этапе нельзя сделать однозначного вывода о характере влияния региональных (макроуровневых) структурных особенностей на ощущение социальной изоляции и одиночества. По мнению Бюккер и ее соавторов, собранные эмпирические данные

неоднозначны и противоречивы. Можно выделить несколько региональных аспектов одиночества, которые учитываются в новейших релевантных публикациях, сфокусированных на его индивидуально-психических параметрах. Это – возраст (возрастная когорта, поколение); плотность населения; удаленность; городская или сельская среда обитания; уровень экономического развития региона; инфраструктура. Так, пожилые австралийцы чувствовали себя одиночками как в плотно заселенных городских центрах с развитой инфраструктурой (Сидней, Мельбурн), так и в малонаселенных сельских районах Южной и Западной Австралии. В Канаде социальная изоляция оказалась наиболее типичной для регионов с низким уровнем экономического развития, однако такая зависимость прослеживалась только для людей преклонного возраста. Как показали эмпирические исследования, одиночество и социальная изоляция – это связанные, но отдельные реальности, так как первое состояние ассоциируется с объективными характеристиками среды обитания, а второе – с субъективной неудовлетворенностью объемом межличностных связей. Регионы с высокой плотностью населения, на первый взгляд, демонстрируют более низкий уровень одиночества, однако, как известно, условия большого города способствуют отчуждению, анонимности, более низкой социальной сплоченности, что вместе с быстрой социальной трансформацией усугубляет чувство социальной изоляции и одиночества (по сравнению с сельскими регионами). Например, в Финляндии девушки-подростки, живущие в селах, чаще говорили о том, что чувствуют себя одиночками, чем их сверстницы в больших городах; однако эта закономерность не прослеживалась в отношении сверстников-юношей. В Великобритании у респондентов, ощущавших себя одиночками, высокая плотность населения и городская среда ассоциировались с угрожающим уровнем преступности, депривации, социального неравенства и низким уровнем эмпатии. Между тем в Нидерландах те же самые характеристики городской среды обитания не являлись однозначными маркерами высоких показателей социальной изоляции и аномии. Социально-экономический статус региона, напротив, имел положительные корреляции с чувством одиночества в Нидерландах, но не был существенен для участников аналогичного исследовательского проекта в Великобритании [In a lonely place ... , 2021,

р. 148]. Таким образом, резюмируют свои наблюдения авторы статьи, можно констатировать, что исследования объективных (макрорегиональных и географических) параметров одиночества и их вероятной связи с субъективными (индивидуально-психическими) факторами социальной изоляции пока находятся в стадии становления.

В своем собственном коллективном эмпирическом проекте Бюккер и ее коллеги постарались учесть недостатки уже реализованных попыток сопоставить микро- и макропараметры одиночества, которые опирались на фрагментированные и нерепрезентативные данные. Поэтому они использовали сведения, собранные в ходе ежегодных общенациональных социально-экономических опросов в Германии, которые дают достоверное представление о населении страны с учетом базовых демографических характеристик, экономического и образовательного статуса и географического региона. Авторы использовали данные общегерманского панельного опроса за 2013 г. (как наиболее релевантные задаче осмысления феномена одиночества) – 17 602 респондента из 25 481 опрошенных [In a lonely place ... , 2021, p. 149]. Проект Бюккер включал два этапа. На первом (картирование одиночества в Германии) предстояло выяснить, действительно ли уровень одиночества имеет региональную специфику (путем количественного сопоставления процента людей, которые сочли себя одинокими или изолированными от жизни в разных географических регионах Германии). На втором этапе анализу подлежали индивидуальные особенности чувства одиночества в контексте макрорегиональных переменных. В фокусе внимания находились индивидуальные маркеры предрасположенности к одиночеству в их сочетании с локальной спецификой региона проживания. Сопоставлению подлежали возрастные, гендерные, образовательные, профессиональные, статусные и прочие стандартные социально-демографические личностные переменные, с одной стороны, и макропоказатели социально-экономического статуса региона, степени развития его инфраструктуры, плотности населения, преобладающего – городского или сельского – типа поселений, уровня депривации, роста / убыли населения, его возрастного состава, географической удаленности от культурных и образовательных центров – с другой. В ходе реализации своего проекта авторы стремились выяснить,

«действительно ли выявленная региональная специфика одиночества связана с макроконтекстуальными характеристиками либо эта специфика является всего лишь побочным продуктом индивидуальных особенностей чувства одиночества» [In a lonely place ... , 2021, p. 149]. Задача состояла в том, чтобы проследить вероятную связь между описанными в литературе индивидуально-психическими индикаторами – «предвестниками» одиночества и географической локализацией региона с учетом объективных параметров его социально-экономического развития.

По итогам проделанной работы Бюккер и ее коллеги пришли к следующим заключениям. Во-первых, региональное картирование одиночества продемонстрировало существенные различия между Восточной и Западной Германией; именно в восточных районах страны уровень одиночества и социальной изоляции значительно превышал средний показатель по стране. В Западной Германии картина оказалась менее однородной и с преобладанием одиноких людей на юге, юго-востоке и северо-западе региона. Эти различия обусловлены в том числе макроконтекстуальными факторами (меньшая плотность населения восточных территорий, и большая удаленность мест проживания значительной части резидентов от региональных центров по сравнению с большей однородностью этих переменных в западных регионах) [ibid., p. 150–151].

Во-вторых, анализ макроконтекстуальных факторов одиночества (в сопоставлении с переменными индивидуального уровня) свидетельствует о нелинейном характере связей между индикаторами одиночества в терминах индивидуальной и географической психологии. С одной стороны, конечные результаты настоящего проекта оказались столь же неоднозначными, что и выводы предыдущих исследований в этом направлении. Одни факторы указывали на однозначную связь с чувством одиночества (потеря близкого человека или супруга, пожилой возраст, миграция, гендер), тогда как влияние других оказалось менее очевидным либо противоречивым. В ряде случаев одни и те же индивидуально-психологические и макрорегиональные индикаторы одиночества вступали в противоречие (например, плотность населения, возраст, гендер, социально-экономический статус).

Несмотря на неоднозначные результаты, Бюккер и ее коллеги видят ценность своего исследования в «создании детализиро-

ванной и крайне интересной географии одиночества – географии, которая не исчерпывается примитивными сопоставлениями городской и сельской среды обитания» с их общеизвестными специфическими характеристиками [In a lonely place ... , 2021, p. 152]. Перечень таких характеристик пополнился переменными, имеющими ключевое значение для определения уровня одиночества (в том числе быстрый рост населения региона, стремительная социальная трансформация, реновация, эмиграция, иммиграция). К числу малосущественных факторов одиночества на макроуровне можно отнести удаленность, плотность населения, его возрастной состав, уровень экономического развития и социально-экономический статус (при том, что на индивидуальном уровне такие переменные, как возраст и статус, остаются значимыми факторами одиночества и социальной изоляции). В конечном счете, пишут в заключение Бюккер и ее коллеги, проведенное исследование показало, что для возникновения чувства одиночества «важно не только то, кем мы являемся или не являемся, но и место проживания». Поэтому, независимо от конкретных причин, породивших ощущение одиночества и социальной изоляции, «одиночество, по всей видимости, имеет тенденцию к региональной концентрации», что требует корректировки социальной политики на местах [ibid., p. 153].

Группа социальных психологов из Нидерландов во главе с Э. Хуттен (Открытый университет, г. Херлен) анализируют факторы риска, связанные с возникновением чувства одиночества на разных этапах жизненного цикла [Risk factors ... , 2022]. В соответствии с данными многочисленных эмпирических исследований, а также со стереотипами массового сознания и суждениями здравого смысла, возраст как таковой принято считать едва ли не самым очевидным фактором риска, когда речь идет о социальной изоляции: чем старше человек, тем уже его круг общения и мимолетнее социальные контакты. Однако на фоне этих утверждений открытым остается вопрос, как именно те факторы (социально-психические и демографические), которые обычно относят к разряду катализаторов одиночества, усугубляют либо нивелируют ощущение социальной изоляции и «выключенности из жизни» в зависимости от возрастного этапа жизненного цикла. Какие из этих факторов существенны в юности, а какие становятся ключевыми в зрелые годы или на склоне лет? Задача социального психо-

лога в таком случае состоит в том, замечают авторы статьи, чтобы выяснить, имеет ли чувство одиночества возрастную специфику и каким образом одни и те же «переменные риска» участвуют в формировании одиночества в зависимости от возраста.

Социальные исследователи и психологи чаще всего рассматривают два жизненных этапа в качестве наиболее уязвимых с точки зрения дефицита социальных связей и риска одиночества – подростковый возраст (ранняя юность, «заря жизни») и очень пожилой возраст (глубокая старость, «жизненный закат»). Не опровергая тезиса о том, что возрастные индикаторы являются едва ли не самыми значительными и «само собой разумеющимися» детерминантами одиночества, Хуттен и ее коллеги намерены выяснить, связаны ли факторы, усугубляющие одиночество и социальную изоляцию, с конкретной фазой жизненного цикла и в чем заключается эта вероятная связь. В качестве факторов риска в проекте нидерландских психологов фигурирует стандартный набор демографических и социально-психологических переменных (пол, возраст, уровень образования и доходов, социальный статус, чувство удовлетворенности жизнью, субъективное здоровье, тип профессиональной занятости, социальные контакты, семья, досуг, увлечения). Авторы выделяют три возрастных категории, которые, по их мнению, представляют интерес для сравнительного анализа факторов риска, ассоциированных с одиночеством: ранняя зрелость (молодость) – от 17 до 30 лет; зрелость (средний возраст) – от 30 до 64 лет; поздняя зрелость (пожилой возраст, старость) – 65 лет и старше [Risk factors ... , p. 1486]. В качестве эмпирического материала в проекте Хуттен использовались данные регионального опроса, проводившегося службой общественного здоровья нидерландской провинции Лимбург в 2016 г. Из общего числа респондентов, которые приняли участие в региональном опросе, были отобраны ответы 52 341 человека (53% из них – женщины) в возрасте от 17 лет до 101 года. Среди прочих тем, предлагавшихся участникам опроса, в анкетах фигурировала и оценка степени эмоционального и социального одиночества (по шкале от 0 до 11 баллов). Примером социального типа одиночества служил, в частности, такой вариант ответа: я чувствую, что вокруг меня слишком мало людей [ibid.].

В своей работе с отобранными данными нидерландские психологи учитывали следующие группы факторов риска: демографические переменные (возраст, пол, тип резиденции, миграционный статус, жизнь с партнером или в одиночку), показатели социально-экономического статуса (образование и финансовые ресурсы), наличие физического недостатка (инвалидность, увечье), психическое здоровье и душевное равновесие, участие в общественной жизни (оплачиваемая работа, волонтерство, неформальная забота о родственниках), частота межличностных контактов (семья, друзья, знакомые, коллеги), тип сетей общения (локальных, соседских и т.п.) [Risk factors ... , p. 1486].

Гипотеза авторов базируется на концепции количественной и качественной трансформации социальных контактов и интеракций на разных этапах жизненного цикла индивида. Нидерландские психологи также приняли во внимание такой показатель, как соответствие / несоответствие социальных отношений и интеракций индивида принятым в обществе социальным ожиданиям и временным нормативам применительно к тем или иным жизненным этапам (романтические отношения в юности; профессиональное становление и профессиональные контакты в молодости; семейные привязанности и социальное признание в зрелые годы). Очевидно, что любая длительная «задержка в пути», т.е. несоответствие поведения и социальных контактов индивида нормативным возрастным ожиданиям, может стать источником социальной стигматизации, эксклюзии и, как следствие, чувства одиночества. Другими словами, объем и направленность социальных и межличностных интеракций выступают побудительной силой для успешного / неуспешного перехода индивида с одной жизненной (возрастной) ступени на другую; минуя, по возможности, опыт одиночества. Поэтому рассмотрение феномена одиночества в терминах жизненного цикла позволяет понять, отличаются ли друг от друга факторы риска, характерные для разных возрастных групп. «Несмотря на то, что одиночество является пожизненным спутником человека, его истоки и причины должны варьироваться в зависимости от возраста», – поясняют свою позицию Хуттен и ее соавторы [ibid., p. 1483]. С учетом сказанного, задача настоящего эмпирического проекта – это скрупулезное изучение возрастного распределения одиночества на материалах репрезентативной национальной вы-

борки путем сопоставления многочисленных факторов риска в молодые, зрелые и преклонные годы.

Подводя итоги проделанной ими сопоставительной аналитической работы, авторы подчеркивают, что полученные результаты в принципе подтверждают тезис о линейной зависимости чувства одиночества от возрастного этапа жизненного цикла. Нашли статистическое и эмпирическое подтверждение и связи между возрастом, одиночеством и рядом параметров, которые можно отнести к факторам риска. Так, наивысшая степень субъективного одиночества была характерна для лиц мужского пола старше 85 лет, которые проживали в одиночку, имели проблемы со здоровьем, осуществляли неформальную заботу о тяжело немощном родственнике или супруге либо являлись вдовцами, испытывали дефицит локальных социальных связей и межличностных контактов.

Однако эти выводы не выглядят тривиальными, если принять во внимание существенные расхождения в возрастных измерениях общезначимых факторов одиночества, которые были выявлены в ходе анализа ответов респондентов, замечают Хуттен и ее соавторы. Следует также учесть, что, как выяснилось, в трех возрастных группах (молодость, зрелость, старость) роль одних и тех же катализаторов социальной изоляции существенно варьировалась, равно как и характер их взаимного влияния. Прежде всего, пожилой возраст (65+) как наиболее вероятный фактор одиночества оказывался решающим только в сочетании с другими переменными, сопряженными с социальной изоляцией (физическая немощь, склонность к депрессии, высокий уровень тревожности, принадлежность к мужскому полу). То же самое наблюдалось и в отношении двух других возрастных групп: как в ранней молодости (17–30 лет), так и зрелые годы (31–64 года) возрастные особенности проявляли себя в качестве факторов риска только на фоне переменных иного типа (физический недостаток, психическая лабильность, дефицит нормативных социальных и межличностных связей).

В глубокой старости, продолжают свои рассуждения авторы, первостепенное значение для возникновения прогрессирующего чувства одиночества (помимо болезней и физического угасания) приобретают масштабы и содержание социальных контактов на уровне локальных и соседских сообществ, то есть таких, которые

выходят за пределы рутинного (внутрисемейного, домашнего) общения. В ранней молодости, напротив, предвестниками одиночества могут стать семейные неурядицы и разрыв родственных связей, которые более или менее удачно компенсируются отношениями со сверстниками. Примечательно, что респонденты-мужчины демонстрировали большую уязвимость в плане социальной изоляции и одиночества, чем женщины (во всех возрастных категориях), которые компенсировали утрату близких отношений (супружеских, партнерских, семейных) новыми знакомствами со сверстницами. Вместе с тем женщины (опять-таки независимо от возраста) были более склонны к душевной нестабильности и депрессивным состояниям (как индикаторам разрыва социальных контактов), чем мужчины.

В конечном счете, пишут в заключение Хуттен и ее соавторы, можно сделать вывод о существовании ряда факторов, способствующих одиночеству, которые являются универсальными и сохраняют свое значение на протяжении всего жизненного цикла. Это душевное здоровье, частота и стабильность социальных контактов, тип сетей общения, бремя неформальной заботы, социально-экономический статус, а также гендерная принадлежность. Тем не менее, более корректно будет расценивать перечисленные факторы в качестве «ключевых коррелятов одиночества», которые специфичны для разных возрастных этапов жизненного цикла и проявляют себя в соответствии с жизненными ситуациями [Risk factors ... , p. 1499]. Наиболее вероятным объяснением универсальности факторов одиночества нидерландские психологи считают их способность оказывать прямое либо опосредованное влияние на межличностные отношения людей и их социальные контакты. Такое объяснение согласуется с классическим постулатом социальной психологии об универсальной определяющей роли межличностных и социальных интеракций для успешного психосоциального развития личности.

Э. Уилкинсон (Университет Саутгемптона, г. Лондон, Великобритания) обращается к анализу одиночества с позиций критической феминистской теории и задается вопросом о неоднозначности неолиберальных трактовок этого феномена как преимущественно индивидуального психического состояния на грани патологии и личностной деструкции [Wilkinson, 2022]. Феминистский подход,

поясняет свою точку зрения Уилкинсон, может предложить нечто большее, чем рутинные исследования воздействия одиночества на женщин. Феминизм помогает поставить под сомнение доминирующее в обществе неолиберальное «оформление» феномена одиночества в теории и на практике, когда чувство одиночества отождествляется с опытом жизни в одиночку и позиционируется как ощущение «обездоленности» в сфере социальных контактов и их «жажды» [Wilkinson, 2022, p. 23–24]. Усомнившись в правомерности неолиберальных рецептов для излечения «болезни века», феминистская критическая повестка может стать отправным пунктом кардинального пересмотра «трагического образа одиночки» и осмысления его в качестве элемента социоструктурной ценностной иерархии современного общества и потенциала для создания «иных миров» [ibid., p. 24].

Неолиберальное прочтение одиночества – это интерпретация его как личного, профессионального и общественного фиаско в контексте гетеронормативного партнерства (семья, брак, супружество, совместное проживание, жизнь в паре) как залога успешной самореализации, в особенности женской. В этом смысле одиночество понимается как антитеза счастью в неолиберальной же его интерпретации: индивиду следует избегать одиночества и стремиться к расширению социальных связей.

Критический анализ доминирующего сегодня образа одиночества (в обыденном сознании, СМИ, литературе, науке, медицине) как «проблемы века» и «социальной эпидемии» представлен в статье в виде сопоставления феминистских исследований двух последних десятилетий и «современных британских реалий». Автор имеет в виду стратегию противодействия одиночеству, которую с 2018 г. осуществляет правительство Великобритании¹. Свою зада-

¹ Правительственная стратегия сокращения одиночества, нацеленная на борьбу с проблемой растущего числа одиноких людей в Великобритании, была представлена общественности премьер-министром Терезой Мэй в октябре 2018 г. (вскоре после опубликования итогового доклада комиссии депутата Джо Кокс, которая трагически погибла от рук экстремистов в 2017 г.). Стратегия была обозначена как первый этап долгосрочной политики противостояния одиночеству и сокращения его масштабов в стране. В рамках Министерства по делам спорта и гражданского общества была создана специальная министерская должность. На протяжении последних лет публиковались ежегодные отчеты о работе правитель-

чу Уилкинсон видит не столько в том, чтобы еще раз поговорить о природе одиночества и ответить на вопрос «что это такое», сколько в том, чтобы выяснить, «как это лечится» и насколько эффективен предложенный неолиберальный «антидот». Страх одиночества, сопровождающий неолиберальное толкование этого феномена и присутствующий как мотив в стратегической инициативе британского правительства, – это «жесткие тиски», которые сдерживают поиск иных, менее индивидуализированных и «зашоренных» способов интерпретации и решения проблемы, не заикленных на укреплении партнерских и социальных связей. Сложность состоит в том, подчеркивает Уилкинсон, что одиночество до сих пор не рассматривают как структурно обусловленный элемент устройства общества на принципах неолиберализма. Данная статья – это попытка переформатирования феномена одиночества в качестве структурной составляющей или социально-политического «обстоятельства», но не индивидуальной психологической неудачи личности, не вписавшейся в гетеронормативную систему ценностных и социальных координат неолиберализма [Wilkinson, 2022, p. 24].

В неолиберальной системе жизненных координат чувство одиночества четко ассоциировано с физическим состоянием «жизни-в-одиночку» (без пары, без семьи, без супруга, без партнера). С позиций гетерогенной нормативности «жизнь-в-одиночку» чревата риском потери социальных и романтических контактов и страхом «остаться одному». Одиноким человеком автоматически становится объектом сочувствия, сострадания и жалости – недаром одинокими в первую очередь считаются (и сами позиционируют себя в качестве таковых) вдовы и вдовцы, а также те, кто лишился семьи или партнера. Помимо сожаления, одиночество часто отождествляется с социальной и психопатологической девиацией, жестокостью и агрессией. Примером таких устойчивых социальных стереотипов может служить вызывающая усмешку «полубезумная кошатница» – женщина неопределенного возраста,

ства в этом направлении. Практическая реализация данной стратегии предполагает разработку статистической программы измерения одиночества и осуществление финансовой поддержки организаций и фондов (частных, благотворительных, общественных), а также соответствующих служб здравоохранения. Подробнее см.: [A connected society ... , 2018].

не преуспевшая на гендерном и социальном поприщах и заменившая контакты с миром общением с питомцами. Другой, более свежий мем – агрессивно настроенные инцелы, смертельно обиженные на женщин¹. Несмотря на то, что феминистские исследования содержат массу примеров социально адаптированной, профессионально успешной и психически уравновешенной женщины, которая сделала выбор в пользу жизни-в-одиночку, «призрак старой девы до сих пор бродит по закоулкам массового сознания», – подчеркивает автор статьи [Wilkinson, 2022, p. 27]. Кроме того, традиционные стереотипы затрудняют восприятие феминистских свидетельств того, что женщина, окруженная семьей и родственниками (например, мать семейства из пригорода), может испытывать отчуждение, одиночество и ощущение изолированности от мира. По мнению Уилкинсон, феномен инцелов и прочие гендерно окрашенные мемы неolibеральной культуры являются следствием «императива принудительного спаривания» и образа «токсичной маскулинности». Что же касается устойчивых тенденций к восприятию и социальной презентации себя в качестве трагического одиночки (например в контексте онлайн-интервью и опросов), то в значительной степени это обусловлено воздействием внешних, социально предписанных параметров жизни, где существование без пары однозначно трактуется в терминах одиночества. Другими словами, подобные самопрезентации и репрезентации не столько отражают внутренний мир рефлексирующего респондента, сколько воспроизводят неolibеральную систему ценностей, акцентирующих утрату нуклеарной семьи и общинной солидарности. В неolibеральной однолинейной цепочке жизненных этапов (соответствие гендерным стандартам → самореализация → социальная востребованность → жизнь в паре) одиночество может присутствовать только в виде кратковременного промежуточного этапа становления и поисков себя; в противном случае одиночка рискует стать трагической фигурой, вынужденной вести социально неприемлемый, саморазрушительный и даже опасный образ

¹ Инцелы (невольно воздерживающиеся) – представители современной онлайн-субкультуры, которые описывают себя как индивидов, не способных найти сексуального партнера, несмотря на сильное желание сделать это. Вину за вынужденное сексуальное воздержание инцелы целиком и полностью возлагают на женщин, призывая к актам физической мести и изнасилованиям.

жизни. Следовательно, резюмирует свои рассуждения Уилкинсон, «в современных неочевидных интерпретациях одиночества базовым тропом выступает тождество эмоциональных переживаний и физического состояния жизни-в-одиночку» [Wilkinson, 2022, p. 27].

Кроме фигуры трагического одиночки, в современной культуре присутствует еще один «пугающий» образ – социальная эпидемия одиночества, которая в XXI столетии достигла небывалых исторических масштабов и стала индикатором глобального социального кризиса, продолжает автор. Обсуждение одиночества в биомедицинских терминах (как неконтролируемой «болезни века», имеющей, помимо прочего, контагиозные свойства и грозящей распадом личности и социального порядка) набирает популярность в Великобритании с 2010-х годов. Именно эта тема задает общий тон документам, которые определяют правительственную стратегию сокращения одиночества в стране. В ежегодных министерских отчетах, касающихся мер по противодействию распространения одиночества, неизменно присутствует мотив серьезного финансового ущерба экономике Великобритании, вызванного ощутимыми материальными расходами систем здравоохранения и социального обеспечения. Речь идет о расходах на устранение таких последствий «эпидемии одиночества», как массовые депрессивные состояния, психическая девиация, дегенеративные изменения личности, вспышки агрессии, болезнь Альцгеймера и т.п. Как это ни парадоксально, продолжает Уилкинсон, правительственные меры по преодолению кризиса, вызванного неконтролируемым распространением одиночества, пронизаны скрытой ностальгией по нуклеарной семье и общинным связям, которые выступали основанием социального порядка патриархальных времен. Очевидно, что романтическая неолиберальная ностальгия в этом ключе оставляет за скобками неприглядные, дискриминационные реалии традиционной семьи и общины, включая насилие и гендерное и этническое неравенство как обыденные социальные практики. В правительственной программе противостояния одиночеству имплицитно присутствует утопическая надежда на то, что тенденции позднего модерна (трансформация института семьи и поведения людей в интимной сфере, кардинальное изменение репродуктивных стратегий в связи с возможностью для женщин получать об-

разование и занимать руководящие посты в разных сферах жизни общества) чудесным образом изменяют свое направление и повернут вспять в поисках утраченных ценностей. Подобные нарративы представляют стабильную нуклеарную семью и крепкие родственные и соседские связи как панацею от одиночества, игнорируя тот факт, что домашняя сцена была и остается ареной насилия, отчуждения и изоляции, замечает автор статьи. В этой связи одной из задач феминизма – как совокупности теорий и практик, нацеленных на устранение глобального социального неравенства, является «осмысление способов, посредством которых массовая паника, вызванная эпидемией одиночества, становится основанием для более масштабной, неоконсервативной и неолиберальной политической повестки, связанной с популяризацией традиционных семейных ценностей» [Wilkinson, 2022, p. 30].

В соответствии с этой повесткой британская правительственная стратегия противостояния одиночеству акцентируется на таких факторах, как личная ответственность граждан и сплоченность локальных сообществ: усилия в этом направлении должны стать главным орудием борьбы с ростом числа одиноких людей в стране. В рамках неолиберальной политической логики причиной эпидемии одиночества выступает фрагментация общества, которая, в свою очередь, обусловлена дестабилизацией института семьи и размыванием социальных связей (коммунальных, соседских, общинных, локальных), поясняет Уилкинсон. В документах, освещающих правительственную стратегию в отношении одиночества, прямо говорится, что люди разучились заводить друзей, создавать семьи и расширять круг общения, поэтому они чувствуют себя одиночками. Как отмечается в одном из ежегодных отчетов профильного британского министерства, «создание более сплоченного общества, которое избавит нас от одиночества, зависит от нас самих» [цит. по: Wilkinson, 2022, p. 31]. Тем самым ответственным за решение проблемы одиночества становятся отдельный индивид и локальные сообщества. Другими словами, неолиберальная стратегия предполагает минимальное участие государства и государственных структур в решении поставленной проблемы.

Однако государственная «риторика увещаний» упускает из виду (либо намеренно оставляет в стороне) финансовые и социально-экономические обстоятельства, которые усугубляют болезнь

одиночества в Великобритании и способствуют ее распространению. Автор имеет в виду политику жесткой экономии и связанный с ней кризис стоимости жизни в стране, усугубленный локдауном в период пандемии. В последние годы в рамках новой социальной политики происходит сокращение бюджетных ассигнований на содержание именно тех объектов социальной инфраструктуры, которые способствуют расширению круга общения людей и препятствуют чувству социальной и личной изоляции (публичные места досуга, общественные парки, центры психологической помощи и реабилитации, антикризисные организации, «убежища» и приюты и т.п.).

Лейтмотивом британской стратегии борьбы с одиночеством служит тезис о том, что одиночество не является способом дискриминации; тогда как эмпирические данные последнего десятилетия свидетельствуют об обратном. В списке одиноких людей и сегодня преобладают представители маргинальных и социально незащищенных групп, которые стали первыми жертвами мер жесткой экономии (одинокие матери, люди с низким уровнем образования и доходов, жертвы домашнего насилия, вынужденные переселенцы, инвалиды, мигранты, разделенные семьи). Неолиберальный «язык одиночества» используется там, где следовало бы говорить о социальной политике, о структурных проблемах и отчуждении в эпоху позднего капитализма. Этот язык маскирует глубокий социоструктурный и экономический кризис общества и сдерживает поиски альтернативных вариантов осмысления феномена одиночества, поддерживая доминирующий гетеропатриархальный дискурс, констатирует автор [Wilkinson, 2022, p. 32–33].

Главная задача реформирования проблемы одиночества как актуальной темы политической повестки феминизма, пишет в заключение Уилкинсон, состоит в том, чтобы выйти за пределы ее «терапевтических» обсуждений в качестве «болезни, которую надо лечить». Следует задуматься о том, чтобы в фокусе дискуссии об одиночестве оказалось право человека быть одному, не впадая в романтизацию и идеализацию подобного выбора. Первый шаг в этом направлении – это отказ от отождествления таких понятий, как одиночество, жизнь-в-одиночку и уединение. В такой сравнительной трактовке одиночество как индивидуальный выбор становится потенциалом креативности и свободы. Второй шаг – это ос-

мысление одиночества как антипода чрезмерной близости, которая (как психическое и физическое состояние) характерна для членов этнических и прочих социальных меньшинств, преимущественно женщин, вынужденных работать в сферах ухода и социального обслуживания. Инклюзия и совместность позиционируются сегодня как неолиберальная тактика решения проблем неравенства и дискриминации. Однако, призыв к «объединению на фоне различий» не учитывает сложностей на этом пути для маргинальных и пограничных социальных групп, когда чрезмерная близость может привести к потере собственного Я. Поэтому с позиций феминизма одиночество следует рассматривать в его сопоставлении с процессом и результатом «разделения». Третий шаг в переосмыслении доминирующих сегодня интерпретаций одиночества – это попытка его концептуализации в качестве ресурса для создания иных, вообразимых миров в противовес отчуждению, изоляции и неудовлетворенности жизнью, резюмирует автор [Wilkinson, 2022, p. 33–35].

Список литературы

A connected society : a strategy for tackling loneliness – laying the foundations for change / Department for digital, culture, media and sport (DCMS). – London: HM Government, 2018. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/936725/6.4882_DCMS_Loneliness_Strategy_web_Update_V2.pdf (accessed: 01.05.2023).

Franklin A., Tranter B. Loneliness and the cultural, spatial, temporal and generational basis of belonging // Australian journal of psychology. – 2021. – Vol. 73, N 1. – P. 57–69.

Franklin A., Tranter B. Loneliness in Australia / Housing and community research. – Hobart : University of Tasmania, 2008. – Paper N 13. – URL: <https://library.bsl.org.au/jspui/bitstream/1/602/1/Loneliness%20in%20Australia.pdf> (accessed: 01.05.2023).

In a lonely place : investigating regional differences in loneliness / Buecker S., Ebert T., Gotz F.M., Entringer T.M., Luhmann M. // Social psychology and personality science. – 2021. – Vol. 12, N 2. – P. 147–155.

May V. Belonging from afar : nostalgia, time and memory // The sociological review. – 2017 – Vol. 65, N 2. – P. 401–415.

Risk factors of loneliness across the life span / Hutten E., Jongen E.M.M., Hajema K., Ruiter R.A.C., Hamers F., Bos A.E.R. // Journal of social and personal relationships. – 2022. – Vol. 39, N 5. – P. 1482–1507.

Towards an understanding of loneliness among Australian men : gender, cultures, embodied expression and the social bases of belonging / Franklin A., Neves B., Hookway N., Patulny R., Tranter B., Jaworsky K. // *Journal of sociology*. – 2019. – Vol. 55, N 1. – P. 124–143.

Wilkinson E. Loneliness as a feminist issue // *Feminist theory*. – 2022. – Vol. 23, N 1. – P. 23–38.

References

- A connected society : a strategy for tackling loneliness – laying the foundations for change* / Department for digital, culture, media and sport (DCMS). – London : HM Government, 2018. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/936725/6.4882_DCMS_Loneliness_Strategy_web_Update_V2.pdf (accessed: 01.05.2023).
- Franklin A., Tranter B. Loneliness and the cultural, spatial, temporal and generational basis of belonging. *Australian journal of psychology*. – 2021. – Vol. 73, N 1. – P. 57–69.
- Franklin A., Tranter B. *Loneliness in Australia* / Housing and community research. – Hobart : University of Tasmania, 2008. – Paper N 13. – URL: <https://library.bsl.org.au/jspui/bitstream/1/602/1/Loneliness%20in%20Australia.pdf> (accessed: 01.05.2023).
- In a lonely place : investigating regional differences in loneliness / Buecker S., Ebert T., Gotz F.M., Entringer T.M., Luhmann M. *Social psychology and personality science*. – 2021. – Vol. 12, N 2. – P. 147–155.
- May V. Belonging from afar : nostalgia, time and memory. *The sociological review*. – 2017. – Vol. 65, N 2. – P. 401–415.
- Risk factors of loneliness across the life span / Hutten E., Jongen E.M.M., Hajema K., Ruiter R.A.C., Hamers F., Bos A.E.R. *Journal of social and personal relationships*. – 2022. – Vol. 39, N 5. – P. 1482–1507.
- Towards an understanding of loneliness among Australian men : gender, cultures, embodied expression and the social bases of belonging / Franklin A., Neves B., Hookway N., Patulny R., Tranter B., Jaworsky K. *Journal of sociology*. – 2019. – Vol. 55, N1. – P. 124–143.
- Wilkinson E. Loneliness as a feminist issue. *Feminist theory*. – 2022. – Vol. 23, N 1. – P. 23–38.

ВАСИЛЕНКО В.В.* СОЦИАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ОДИНОЧЕСТВО КАК АТРИБУТЫ МОБИЛЬНОГО ОБЩЕСТВА: П.А. СОРОКИН И ИНТЕГРАЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ОДИНОЧЕСТВА

Аннотация. В статье освещаются основные идеи П.А. Сорокина о социальном одиночестве. Они рассматриваются в контексте теорий социальной мобильности и интегральной методологии. Показано влияние Э. Дюркгейма, Р. Мертона и П.А. Сорокина на формирование интегральной модели одиночества У. Садлера и Т. Джонсона. Поднимается вопрос о соотношении явлений социальной изоляции и культурного одиночества.

Ключевые слова: социальная изоляция; одиночество; Э. Дюркгейм; П. Сорокин; Р. Мертон; У. Садлер; Т. Джонсон; интегральная методология, теория мобильности, теория социокультурной динамики; космическое одиночество; культурное одиночество; социальное одиночество; тотальное одиночество; интенсивное одиночество.

Для цитирования: Василенко В.В. Социальное и культурное одиночество как атрибуты мобильного общества: П.А. Сорокин и интегральные концепции одиночества // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 3. – С. 42–58. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.03

Статья поступила: 02.06.2023.

Принята к публикации: 01.07.2023.

* © Василенко В.В., статья, 2023

Василенко Виктория Валерьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры философии, истории и теории искусства Академии Русского балета имени А.Я. Вагановой, г. Санкт-Петербург; профессор кафедры дизайна Высшей школы креативных индустрий Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь; vasilvika@yandex.ru

VASILENKO V.V.** Social and cultural loneliness as attributes of a mobile society: P.A. Sorokin and integral concepts of loneliness

Abstract. The article highlights the main ideas of P.A. Sorokin on social loneliness. They are considered in the context of theories of social mobility and integral methodology. The influence of Emile Durkheim, Robert Merton and Pitirim Sorokin on the formation of the integral model of loneliness by William Sadler and Thomas Johnson is shown. The question of the correlation of the phenomena of social isolation and cultural loneliness is raised.

Keywords: social isolation; loneliness; E. Durkheim; P. Sorokin; R. Merton; W. Sadler; T. Johnson; integral methodology, theory of mobility, theory of socio-cultural dynamics; cosmic loneliness; cultural loneliness; social loneliness; total loneliness; intense loneliness.

For citation: Vasilenko V.V. Social and cultural loneliness as attributes of a mobile society : P.A. Sorokin and integral concepts of loneliness. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology]. – 2023. – N 3. – P. 42–58. DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.03

Received: 02.06.2023.

Accepted: 01.07.2023.

Введение

В 2020–2021 гг. во всем мире миллионы людей столкнулись с совершенно новым явлением принудительной физической социальной изоляции. Впервые в истории человечества для того, чтобы предотвратить массовое распространение COVID-19, на продолжительное время был введен режим полной самоизоляции. Многие государства взяли на себя регулирование взаимодействия и общения людей. Специалисты предупреждали о серьезных последствиях: неизбежном повышении уровня одиночества, росте депрессий

** Vasilenko Victoria Valeryevna – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Vaganova Academy of Russian Ballet, St. Petersburg; Professor of the Department of Design, Higher School of Creative Industries of the North Caucasus Federal University, Stavropol; vasilvika@yandex.ru

и суицидальных наклонностей и др. Вместе с тем психологи отмечали явление «позитивного одиночества», связанного с увеличением времени, которое люди проводили со своими семьями, и снижение общего уровня одиночества на 5–8% по сравнению с данными, полученными до пандемии [Ученые СПбГУ, 2021].

За время пандемии и в постпандемийный период представителями разных научных дисциплин, включая психологов и психиатров, социологов и религиоведов, культурологов и др., был собран внушительный эмпирический материал, требующий своего дальнейшего осмысления и интерпретаций.

События 2022–2023 гг. подтвердили, что современный мир находится в той стадии, которую академик В.С. Стёпин (1934–2018) обозначил как «состояние переходного динамического хаоса» [Стёпин, 2013, с. 53, 56]. На современном этапе развития научного знания, в постнеклассическом типе рациональности объектом познания становится сложный тип системной целостности человеческого мира во всем многообразии связей и взаимодействий природы, общества, человека и культуры. В настоящий период эта сложная самоорганизующаяся система проявляет признаки перехода от одного вида саморегуляции к другому, контуры которого пока трудно определимы. В этой связи возрастает роль и значение интегральной методологии, нацеленной на познание всей целостности сложной системы в ее изменчивости. Феномен одиночества как неотъемлемая часть современного общества и культуры также требует системного подхода с учетом достижений современной науки.

Интегральная концепция П.А. Сорокина

Тенденция к интеграции гуманитарных, социальных, естественных и технических наук начала проявляться с середины XX в. Одним из первых, кто задумался о необходимости новой интегральной методологии, которая позволила бы не только объяснять происходящие в мире процессы, но и прогнозировать будущее, был российско-американский мыслитель, социолог, культуролог П.А. Сорокин (1889–1968). Выработка цельного интегрального знания была провозглашена им как главный познавательный идеал. Целенаправленно, преодолевая узкие предметные рамки от-

дельных научных дисциплин, он стремился выйти на уровень междисциплинарного осмысления человека и окружающего его мира во всей его многозначности и полноте. Подчеркнем, что побудительным мотивом для П.А. Сорокина стала практическая необходимость поиска объяснительной модели процессов, происходящих в мире в 1905–1960-х гг., включая российские революции 1905 и 1917 гг., Первую и Вторую мировые войны, холодную войну и др. Об инструментальном значении интегральной методологии П.А. Сорокин писал: «она рассматривает всю действительность как бесконечное X бесконечных качеств и количеств: духовных и материальных, ментальных и вечных, вечно-меняющихся и неизменных, личностных и сверхличностных, временных и безвременных, пространственных и лишенных пространства, единых и многих, меньших, чем малое, и больших, чем большое» [Сорокин, 1992, с. 134].

Интегральная концепция П.А. Сорокина представляет собой систему логически взаимосвязанных между собой теорий. Они выдвигались в следующей последовательности: теория факторов, теория социальной мобильности, теория социокультурной динамики, теория кризиса, теория конвергенции, теория познания и творчества, теория созидательного альтруизма [Василенко, 2022, с. 291]. Центральное место в нашей работе отводится теории мобильности и теории социальной и культурной динамики. На значение «самодельной карты» интегрализма, созданной «интегральным первопроходцем» П.А. Сорокиным, обращал внимание английский историк А. Тойнби [Тойнби, 2004, с. 14].

Специальных трудов, посвященных исследованию проблемы одиночества, П.А. Сорокин не оставил. Однако, исследуя социальную мобильность, он останавливается на социальном одиночестве как атрибуте любого мобильного общества. Он подробно рассматривает влияние мобильности на поведение и психологию людей и приходит к выводу, что «мобильность разрушает тесные связи между людьми и увеличивает психологическую изоляцию и одиночество индивидов» [Сорокин, 2005, с. 479]. Помимо того, что в «Социальной мобильности» в научный оборот были введены такие понятия, как «социальная мобильность», «социальная стратификация», «культурный комплекс» или «социально-культурный об-

лик», им были намечены контуры анализа явления социального одиночества.

Ряд положений, обозначенных в теории социальной мобильности, получили свое дальнейшее развитие в теории социальной и культурной динамики, что в свою очередь нашло отражение и в интегральной концепции. Например, понятие «социально-культурного комплекса» как уникальной комбинации многих социальных и культурных характеристик было доведено П.А. Сорокиным до уровня категории «социокультурная суперсистема».

П.А. Сорокин неоднократно указывал на то, что в российский период находился под влиянием социологии Э. Дюркгейма. И.А. Голосенко одним из первых обратил на это внимание, высказав следующую мысль: «Без сомнения, Дюркгейма можно считать наряду с М.М. Ковалевским и Е.В. Де Роберти главным духовником молодого ученого; <...> практически все мало-мальски значимые работы социолога, как русского, так и американского периодов пестрят сносками на труды Дюркгейма, в особенности на “Самоубийство”, “Метод социологии”, “О разделении общественного труда” и “Элементарные формы религиозной жизни”; <...> примечательно при этом, что позднее зрелого Сорокина привлекали в Дюркгейме в первую очередь метод, логика социального исследования, подходы к изучению социального феномена, и в гораздо меньшей степени его теоретические взгляды как таковые» [Голосенко, 1992, с. 120]. О том, что П.А. Сорокин «стал одним из проводников дюркгеймовской социологии в <...> стране», пишет А.Б. Гофман [Гофман, 1999, с. 70–71]. Доказательством служит опубликованная переписка Э. Дюркгейма с П.А. Сорокиным. В одном из писем Э. Дюркгейм благодарил П.А. Сорокина за труд «изучить и осветить» его социологию среди соотечественников [Письмо Э. Дюркгейма ... , 1992, с. 120].

Общеизвестен факт того, что основы социологической теории одиночества были заложены Э. Дюркгеймом. Одиночество он рассматривал как одну из причин самоубийства. Под одиночеством он понимал исторически устойчивый феномен, обусловленный социальными и психическими причинами, в том числе конкуренцией, эгоизмом, творчеством, законопослушанием, эмпатией и др. [Дюркгейм, 1994]. Э. Дюркгейм установил следующую закономерность: «у старого, уже сбитого с пути народа, на почве нев-

растении легко пустят корни отвращение к жизни, инертность и меланхолия со всеми печальными свойствами и последствиями. Наоборот, в молодом еще обществе на этой почве по преимуществу разовьются пылкий, великодушный прозелитизм, деятельная самоотверженность» [там же, с. 61].

О том, что в своих ранних трудах российского периода П.А. Сорокин опирался на концепцию аномии, выдвинутую Э. Дюркгеймом, П.А. Сорокин сам неоднократно упоминал. В статье «Самоубийство как общественное явление» он приводит статистические данные, свидетельствующие об увеличении количества самоубийств в России в пять раз за период с 1870 по 1908 г. [Сорокин, 2014б, с. 426]. Основные причины самоубийств, как и Э. Дюркгейм, П.А. Сорокин связывает с социальными факторами. Он подчеркивает, что «причины или факторы самоубийства следует искать в социальной, или общественной жизни людей, <...> факторы физиологические и биологические – имеют не главное, а второстепенное значение» [там же, с. 435]. По информации П.А. Сорокина, в России «...после 1905–1906 гг. самоубийства стали <...> настоящим “бытовым явлением”, <...> число самоубийств с ростом культуры и цивилизации очень быстро растет, в нашу эпоху оно настолько быстро, что становится какой-то эпидемией, угрожающей всему обществу вообще и каждому из его членов в частности» [там же, с. 426]. Как и Э. Дюркгейм, П.А. Сорокин заключает: «...темное и зловещее пятно нашей цивилизации и нашей культуры» приводит к «сознательному предпочтению смерти перед жизнью», «...чем культурнее и цивилизованнее народ, – тем в среднем больше самоубийств происходит в его среде» [там же, с. 428–429].

Одиночество, с точки зрения П.А. Сорокина, – это признак цивилизованного общества. К нему приводит «оторванность личности от общества, быстрый и лихорадочный бег жизни, распыленность общества, падение религиозных верований, неуравновешенность и неустойчивость жизни» [Сорокин, 2014б, с. 438]. Неодиноким человек – это такой человек, который связан общностью интересов, целей, верований, обычаев и т.п. наравне с другими людьми данного общества.

В «Системе социологии» П.А. Сорокин вводит понятие «культура», под которой понимается все, что создано или моди-

фицировано сознательной или бессознательной деятельностью двух или более индивидов, взаимодействующих друг с другом или влияющих друг на друга своим поведением. Личность рассматривается как сложный, многомерный объект познания, включающий «космо-, био-, психо-, социо-, культурный, духовный, экзистенциальный компоненты» во всей надорганической целостности человека [Сорокин, 1993].

Труд «Социальная мобильность» стал одним из первых значимых произведений П.А. Сорокина, опубликованных в США. В нем П.А. Сорокин описывает мобильные и иммобильные общества, выделяет особые мобильные периоды в истории, когда возрастает уровень социального одиночества. П.А. Сорокин отмечает, что, когда такая «эпоха подходит к концу, многие обнаруживают, что оказались в совершенно новом социальном положении, среди абсолютно новых и часто враждебных людей, тогда как от прежних друзей они изолированы» [Сорокин, 2005, с. 482]. В эти периоды «...почти все окружающие нас люди как будто что-то потеряли и теперь все время пытаются это найти. И старые, и молодые – все чем-то обеспокоены. То, на чем раньше держался душевный мир и покой, практически исчезло. Нигде нет не то, чтобы прочного, но даже хоть какого-нибудь мира: ни в религии, ни в философии, ни в этике, ни в политике, ни в бизнесе. Все и вся находится в процессе перестройки, конца которой не видно» [там же, с. 483]. Вместе с ростом социальных волнений, забастовок, беспорядков, революций, войн в такие периоды наблюдаются рост социального одиночества, связанные с ним депрессивные состояния, самоубийства и др.

Поскольку социология, по П.А. Сорокину, – это «наука о душе, ценностях, культуре и цивилизации» [Сорокин, 2014а, с. 390], то важным условием возникновения социальных связей является душевная близость между людьми. С точки зрения П.А. Сорокина, тем, что определяет возможность установления душевной близости между людьми, является усиление или ослабление мобильности. Человек, который постоянно находится в окружении одних и тех же людей, то есть в иммобильном обществе, не испытывает особых сложностей в установлении прочной духовной близости с окружающими людьми. В современном же мобильном обществе, в котором способность к вертикальной и горизонтальной мобильно-

сти становится действенным ресурсом повышения уровня материального благополучия человека и «делания денег», люди с легкостью совершают перемещения, рискуя остаться в одиночестве. Современному человеку намного чаще приходится разрывать «узы, которые привязывают его к родным местам, занятиям, партии, стране, религии, семье, гражданству, <...> люди становятся менее душевными не только в своих взаимоотношениях, но и по отношению к вещам» [Сорокин, 2005, с. 481]. Современного человека П.А. Сорокин сравнивает с осенним листком, «оторвавшимся от дерева и гонимым ветром». Одинокие люди мечутся как «социально неприкаянный атом» [там же]. Социальное одиночество сопровождается стремлением раствориться в толпе, приводит к безудержному потреблению разнообразных товаров и услуг, заикленности на личном физическом здоровье и безопасности, желанию участвовать в различных объединениях, партиях, фракциях, клубах и др. Одинокие люди чаще имитируют близкие дружеские отношения, они склонны к поспешному заключению и расторжению брака, случайным сексуальным связям и др.

В «Социальной и культурной динамике» [Сорокин, 2006] он ввел понятие «социокультурная система» и установил два вида интеграции – эмпирические системы и суперкультуры. В социокультурной системе выделяются две стороны: социальная, образованная осмысленным взаимодействием людей, и культурная, или ценностная. Взаимодействие между людьми должно носить не формальный характер, а представлять собой прочную связь, люди должны быть связаны «тесными социальными узлами с другими людьми» [там же, с. 480]. Прочная связь возникает на основе культурного компонента, так как каждый человек нуждается в тесной душевной близости с другими людьми, в окружении которых он живет. Стадию перехода от одной суперкультуры к другой П.А. Сорокин обозначает термином «кризис», который в его представлении и есть особо мобильный период истории.

Теория социокультурной динамики со стороны американского профессионального сообщества была воспринята неоднозначно. Одни обвиняли П.А. Сорокина в отсутствии исследовательской стратегии, размывании предметных границ социологии и излишнем морализаторстве [Зюзев, 2009]. Другие, наоборот, подчеркивали «пионерский характер работы», брали за основу для

дальнейших исследований [Попов, 2005, с. XIV]. А. Тойнби сразу же после выхода «Социальной и культурной динамики» подчеркивал, что в будущем на основе «самодельной карты» интегральной методологии П.А. Сорокина будет вестись все познание «дел человеческих» [Тойнби, 2004, с. 14].

Интегральная концепция одиночества Т. Джонсона и У. Садлера

В США был опубликован труд Т. Джонсона и У. Садлера под названием «От одиночества к аномии» [Садлер, Джонсон, 1989]. В основу работы легли материалы полевых исследований отвергнутых обществом трудных подростков, проживающих в Сан-Франциско. Обосновывалась «интегративная модель одиночества». Установка авторов была следующей. Одиночество – это «...характерное для человека очень важное явление, требующее гораздо более внимательного изучения социальными и медицинскими науками, чем оно изучалось до сих пор» [там же]. Они подчеркивали, что в построении интегральной модели отталкивались от положений, выдвинутых ранее двумя выдающимися социологами Э. Дюркгеймом и Р. Мертоном. Имя П.А. Сорокина и его теории в работе никак не упоминались. А между тем, при обращении к тексту в глаза бросается ряд основополагающих положений интегральной концепции П.А. Сорокина. Во-первых, само название концепции, обозначенное как «интегральная модель одиночества», и методологический подход, требующий интеграции социальных и медицинских наук. Во-вторых, в качестве одной из главных причин одиночества устанавливается «высокая степень мобильности» современных человека и общества. В-третьих, анализ одиночества проводится через внутреннюю мир личности, культурный стиль жизни в динамической изменчивости.

Американские авторы интегральной модели одиночества предпочли сослаться на идеи Э. Дюркгейма и Р. Мертона. Как отмечают отечественные исследователи, Р. Мертон (1910–2003) был единственным учеником, с которым П.А. Сорокин поддерживал связь до конца своей жизни. Об этом свидетельствует опубликованная личная переписка П.А. Сорокина и Р. Мертона [Переписка ... , 2012]. В 1967 г. в одном из писем Р. Мертоны П.А. Сорокин

признавался: «...мы оба ценили друг друга больше и были связаны друг с другом ближе, чем высказывали это “внешне” в своих статьях друг о друге и своем внешнем взаимном поведении» [там же, с. 133]. Как научный руководитель П.А. Сорокин высоко ценил Р. Мертона – «самого лучшего выпускника Миннесоты и Гарварда», «наиболее влиятельного лидера американской социологии младшего и среднего поколений» [там же, с. 107]. Р. Мертон считал П.А. Сорокина одним из самых выдающихся социологов, наравне с Марксом, Шелером, Мангеймом, Дюркгеймом. По всей видимости, Р. Мертона к социологии Э. Дюркгейма приобщил П.А. Сорокин в годы обучения в Гарвардском университете. Так же, как и его самого – М.М. Ковалевский, который был лично знаком с французским социологом.

Как справедливо отмечает А.Ю. Долгов, «для Мертона существует “ранний” и “поздний” Сорокин, Сорокин до и после “Социальной и культурной динамики”, к которой Мертон отнесся негативно, хотя и помогал в сборе статистических материалов» [Долгов, 2012, с. 83]. «Наиболее интересной линией развития», заложенной П.А. Сорокиным, для Р. Мертона была идея культурной интеграции. Об этом он писал в 1945 г.: «...Ваша работа со степенью интеграции внутри культур знаменует несомненный шаг вперед по сравнению с прежними попытками говорить о целых культурах <...> с доминирующими ценностями общества» [Переписка ... , 2012, с. 96].

В 1959 г. именно с Р. Мертоном П.А. Сорокин поделился своим научным замыслом книги «Интегральная философия (интегральная теория реальности, ценностей, познания, личности и природы психологических и социокультурных феноменов» [Переписка ... , 2012, с. 111]. И хотя Р. Мертон никогда не скрывал, что разделял не все положения теории П.А. Сорокина, в предисловии к своему труду «Социальная теория и социальная структура» он отмечал, что П.А. Сорокин помог ему избавиться от узости кругозора, «разрушив представление о том, что эффективное изучение общества ограничивается территорией Америки, и от подсказанного трущобами представления, что основная тема социологии заключается в изучении таких периферийных проблем общественной жизни, как развод и преступность несовершеннолетних. Я с

радостью и честно признаю свой долг пред ним, который я еще не отдал» [Мертон, 2006, с. 13–14].

Как и П.А. Сорокин, одиночество Р. Мертон рассматривал с опорой на теорию аномии Э. Дюркгейма. Аномия, по Р. Мертону, – это состояние нормативной неопределенности, влекущее напряженность в поведении и конфликт с социальной реальностью [Мертон, 1966]. В отличие от Р. Мертона, Т. Джонсон и У. Садлер аномию рассматривают как следствие двух или более видов одиночества. Они не совсем следуют по пути, проложенном Э. Дюркгеймом, который связывал аномию прежде всего с социальными факторами и психической несостоятельностью индивида. Существенное значение они придают культурному фактору, что ближе к теории П.А. Сорокина. Т. Джонсон и У. Садлер различают такие виды одиночества, как космическое, культурное, социальное, межличностное и всеобъемлющее. Авторы интегральной модели исходят из понимания одиночества как «...остро субъективного, сугубо индивидуального и часто уникального переживания, вызывающего комплексное и острое чувство, которое выражает определенную форму самосознания, и показывающего раскол основной реальной сети отношений и связей внутреннего мира личности» [Садлер, Джонсон, 1989, с. 21]. Это комплексное явление необходимо исследовать доступными средствами разных наук, используя единую интегральную методологию.

Опасность одиночества заключается в том, что личность отрывается от прошлого и не видит будущего, что порождает тревогу и страх. Принципиально новым в этой концепции становится различение одиночества и социальной изоляции. Изоляция действительно может способствовать одиночеству, но в современном мире, с тем уровнем коммуникации, который доступен человеку, не сводится исключительно к нему. Т. Джонсон и У. Садлер подчеркивают, что «...одиночество не может быть приравнено к физическому состоянию изолированного человека», так как «значение изоляции <...> большей частью зависит от того, каким значением человек наделяет это состояние» [Садлер, Джонсон, 1989]. Изолированные индивиды могут получать даже удовольствие от изоляции в связи с появившейся возможностью для саморазвития и творческого роста. Среди основных причин одиночества они называют высокую степень мобильности, увеличивающуюся

раздробленность общества вместе с растущей социализацией, неопределенность и распад традиционных социальных групп, короткую жизнь социальных групп, претендующих на свое лидирующее место в обществе, высокий уровень ожиданий, связанных с социальной позицией, высокую степень озабоченности современных людей своим социальным положением и статусом, сомнения и тревогу по поводу социальной идентичности и др. Они образуют целый комплекс факторов, вызывающих чувство одиночества у человека.

Еще одной отличительной особенностью интегральной модели одиночества У.А. Садлера и Т.Б. Джонсона является ее многомерность и плюрализм. Многомерность одиночества устанавливается через термин «измерение», под которым понимается «эквивалент специальных указаний на особые динамические возможности в плюралистической структуре личностного мира» [Садлер, Джонсон, 1989]. Так же, как и П.А. Сорокин, они различают космический уровень, или уровень Вселенной; культурный, социальный и межличностный уровни. Человек, познавая мир, ищет свое место в этом быстро меняющемся мире на всех четырех уровнях измерения. Ему чрезвычайно сложно устанавливать связи разного уровня, он испытывает «чувство утраты связи с бытием и Богом». Поэтому самым тяжелым видом одиночества, с точки зрения У.А. Садлера и Т.Б. Джонсона, является космическое одиночество. Оно предполагает три разные формы самовосприятия: постижение себя как цельной реальности, благодаря чему человек соотносится с природой и космосом; причастность к мистическим, таинственным аспектам жизни, предельно близким к Богу или к глубинам бытия; вера человека в уникальность своей судьбы или причастность к великим историческим целям.

Культурное одиночество «проявляется <...> в малых группах, когда люди ощущают, что их связь с собственным культурным наследием порвана, или что общепринятая культура неприемлема для их внутреннего мира» [Садлер, Джонсон, 1989]. С точки зрения У.А. Садлера и Т.Б. Джонсона, чаще всего культурное одиночество проявляется в периоды «резких социальных изменений», то есть, пользуясь терминологией П.А. Сорокина, в особо мобильные периоды истории – кризисы. Как отмечают исследователи, особенно подвержена культурному одиночеству та часть молоде-

жи, которая не может найти пристанища в культуре общества, в котором они рождены и воспитаны. Непонимание и неприятие той системы ценностей и смыслов культуры, которые приняты в обществе большинством, приводит к отчуждению человека от культуры. Отсутствие культурной связи со средой приводит к культурному одиночеству, и как следствие, «человек сам себя начинает воспринимать как заблудившегося одиночку, чуждого данному обществу, лишённого общества, изгнанника, ищущего выход в эмиграции» [Садлер, Джонсон, 1989].

Несовпадение «культурного стиля», или культурных смыслов, ценностей и норм, которые в соответствии с теорией социокультурной динамики П.А. Сорокина образуют социокультурную систему и подвержены изменениям, приводит к социальной изоляции и социальному одиночеству. По мнению У.А. Садлера и Т.Б. Джонсона, социальное одиночество испытывают люди, ощущающие политическое и экономическое бессилие, то есть те люди, которые удалены от процесса принятия важных решений и созидания общего блага. По данным У.А. Садлера и Т.Б. Джонсона, «многие люди испытывают наиболее мучительное состояние одиночества не в физической изолированности, а находясь как раз в центре группы, в кругу семьи, в обществе близких друзей» [Садлер, Джонсон, 1989]. Аномия, с их точки зрения, возникает тогда, когда есть два или более вида одиночества. Утрата основополагающих связей на каждом из четырех перечисленных выше уровнях одиночества ведет к так называемому тотальному, или «интенсивному, всеобъемлющему одиночеству». Тотальное одиночество характеризуется полным разрывом социальных и культурных связей, иными словами – их отсутствием вообще.

Заключение

Таким образом, нетрудно заметить, что интегральная модель одиночества У.А. Садлера и Т.Б. Джонсона во многом пересекается с интегральной концепцией и методологией, разработанной выдающимся российско-американским мыслителем П.А. Сорокиным. Инструментальная ценность интегральной концепции одиночества, сформулированной У.А. Садлером и Т.Б. Джонсоном, состоит в возможности выявления конкретного вида одиночества, а также

степени нарастания его интенсивности. И, наконец, социальная изоляция не является основной и единственной причиной для возникновения культурного или межличностного одиночества. В настоящий период наиболее остро стоит проблема не столько социального, сколько культурного одиночества, которая в совокупности с каким-либо другим видом одиночества грозит тотальным, или интенсивным одиночеством.

Список литературы

Василенко В.В. Проблема историко-культурного процесса в интегральной концепции П.А. Сорокина // Идеи интегрализма в социальных науках : дискуссия российских и американских исследователей : сб. науч. тр. / под ред. Д.В. Ефременко, А.Ю. Долгова, К. Родса ; пер. с англ. Я.В. Евсеевой, В.В. Сапова. – Москва : ИНИОН РАН, 2022. – С. 290–302.

Голосенко И.А. Социология Питирима Сорокина : русский период деятельности. – Самара : Социологический центр «Социо», 1992. – 154 с.

Гофман А.Б. Эмиль Дюркгейм в России : рецепция дюркгеймовской социологии в российской социальной мысли. – Москва : ГУ-ВШЭ, 1999. – URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/215599992.pdf> (дата обращения: 24.03.2023).

Долгов А.Ю. Питирим Сорокин и Роберт Мертон: взаимоотношения в науке и жизни // Питирим Сорокин : новые материалы к научной биографии : сб. науч. тр. / отв. ред. Д.В. Ефременко, П.П. Кротов. – Москва : ИНИОН РАН, 2012. – С. 82–86.

Дюркгейм Э. Самоубийство : социологический этюд : пер с фр. с сокр. / под ред. В.А. Базарова. – Москва : Мысль, 1994. – 399 с.

Зюзев Н.Ф. «Американские горки» Питирима Сорокина: «зырянский мудрец» глазами заокеанских социологов. – Сыктывкар : Эском, 2009. – 240 с.

Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности (современные буржуазные теории) : сборник статей. – Москва : Прогресс, 1966. – С. 299–313.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – Москва : АСТ : Хранитель, 2006. – 873 с.

Переписка П.А. Сорокина и Р.К. Мертона // Питирим Сорокин : новые материалы к научной биографии : сб. науч. тр. / отв. ред. Д.В. Ефременко, П.П. Кротов. – Москва : ИНИОН РАН, 2012. – С. 86–135.

Письмо Э. Дюркгейма к П. Сорокину // Голосенко И.А. Социология Питирима Сорокина: русский период деятельности. – Самара : Социологический центр «Социо», 1992. – С. 120.

Попов В.А. Долгая дорога на Родину : заметки редактора // Сорокин П.А. Социальная мобильность / пер. с англ. М.В. Соколовой ; под общей ред. В.В. Сапова. – Москва : Academia : LVS, 2005. – С. XIII–XV.

Садлер У.А., Джонсон Т.Б. От одиночества – к аномии // Лабиринты одиночества / сост, общ, ред. и предисл. Н.Е. Покровского. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 21–52.

Сорокин П. Система социологии. Т. 1–2 / изд. подгот. А.В. Липский и В.В. Сапов. – Москва : Наука, 1993. – Т. 1. – 447 с.

Сорокин П.А. Границы и предмет социологии // Сорокин П.А. Ранние сочинения: 1910–1914 годы / сост., вст. ст. В.В. Сапова, коммент В.В. Сапова и С.Н. Казакова. – Санкт-Петербург : Изд. дом «Мирь», 2014а. – С. 379–407.

Сорокин П.А. Моя философия – интегрализм // Социологические исследования. – 1992. – № 10. – С. 134–139.

Сорокин П.А. Самоубийство как общественное явление // Сорокин П.А. Ранние сочинения: 1910–1914 годы / сост., вст. ст. В.В. Сапова, коммент В.В. Сапова и С.Н. Казакова. – Санкт-Петербург : Изд. дом «Мирь», 2014б. – С. 426–441.

Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – Москва : Астрель, 2006. – 1176 с.

Сорокин П.А. Социальная мобильность. – Москва : АCADEMIA, 2005. – 588 с.

Стёпин В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2013. – № 4. – С. 45–59.

Тойнби А.Дж. Философия истории Сорокина // Социологические исследования. – 2004. – № 10. – С. 14–26.

Ученые СПбГУ : у взрослых людей в период пандемии снизилось ощущение одиночества / Санкт-Петербургский государственный университет. – 2021. – 22 октября. – URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/uchenye-spbgu-u-vzroslyh-lyudey-v-period-pandemii-snizilos-oshchushchenie> (дата обращения: 24.03.2023).

References

Dolgov A.Yu. Pitirim Sorokin i Robert Merton : vzaimootnosheniYa v nauke i zhizni [Pitirim Sorokin and Robert Merton : relationships in science and life]. *Pitirim Sorokin : novye materialy k nauchnoj biografii* [Pitirim Sorokin : new materials for scientific biography]. Ed. by D.V. Efremenko, P.P. Krotov. – Moscow : INION RAN, 2012. – P. 82–86. (In Russian)

Durkheim E. *Samoubijstvo : sociologicheskij etjud* [Suicide : a sociological etude]. Translated from French with a summary ; ed. by V.A. Bazarov. – Moscow : Mysl', 1994. – 399 p. (In Russian)

Gofman A.B. *Emil' Dyurkgejm v Rossii : recepciya dyurkgejmovskoj sociologii v rossijskoj social'noj mysli* [Emil Durkheim in Russia : reception of Durkheim sociology in Russian social thought]. – Moscow : HSE University, 1999. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/215599992.pdf> (accessed: 24.03.2023). (In Russian)

Golosenko I.A. *Sociologiya Pitirima Sorokina : russkij period deyatel'nosti* [Sociology of Pitirim Sorokin : Russian period of activity]. – Samara : Sociological Center «Socio», 1992. – 154 p. (In Russian)

Merton R. Social'naya struktura i anomiya [Social structure and anomie]. *Sociologiya prestupnosti (Sovremennye burzhuaznye teorii)* [Sociology of crime (Modern bourgeois theories)]. – Moscow : Progress, 1966. – P. 299–313. (In Russian)

Merton R. *Social'naya teoriya i social'naya struktura* [Social theory and social structure]. – Moscow : AST ; Hranitel', 2006. – 873 p. (In Russian)

Perepiska P.A. Sorokina i R.K. Mertona [Correspondence between P.A. Sorokin and R.K. Merton]. *Pitirim Sorokin : novye materialy k nauchnoj biografii* [Pitirim Sorokin : new materials for scientific biography]. Ed. by D.V. Efremenko, P.P. Krotov. – Moscow : INION RAN, 2012. – P. 86–135. (In Russian)

Pis'mo E. Dyurkgejma k P. Sorokinu [E. Durkheim's letter to P. Sorokin]. Golosenko I.A. *Sociologiya Pitirima Sorokina : russkij period deyatel'nosti* [Sociology of Pitirim Sorokin : Russian period of activity]. – Samara: Sociological Center «Socio», 1992. – P. 120. (In Russian)

Popov V.A. Dolgaya doroga na Rodinu : zametki redaktora [The long road to the Motherland : editor's notes]. *Sorokin P.A. Social'naya mobil'nost'* [Social mobility]. Translated from English by M.V. Sokolova ; ed. by V.V. Sapov. – Moscow : Academia ; LVS, 2005. – P. XIII–XV. (In Russian)

Sadler U.A., Johnson T.B. Ot odinochestva – k anomii [From loneliness to anomie]. *Labirinty odinochestva* [Labyrinths of loneliness]. Ed. by N. E. Pokrovsky. – Moscow : Progress, 1989. – P. 21–52. (In Russian)

Sorokin P. *Sistema sociologii : tt. 1–2* [System of sociology : v. 1–2]. Ed. by A.V. Lipskij, V.V. Sapov. – Moscow : Nauka, 1993. – Vol. 1. – 447 p. (In Russian)

Sorokin P.A. Granicy i predmet sociologii [Boundaries and subject of sociology]. *Sorokin P.A. Rannie sochineniya : 1910–1914 gody* [Early writings : 1910–1914]. Ed. by V.V. Sapov. – Saint Petersburg : Mir, 2014 a. – P. 379–407. (In Russian)

Sorokin P.A. Integralism is my philosophy. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological studies]. – 1992. – N 10. – P. 134–139. (In Russian)

Sorokin P.A. Samoubijstvo kak obshhestvennoe yavlenie [Suicide as a social phenomenon]. *Sorokin P.A. Rannie sochineniya : 1910–1914 gody* [Early writings : 1910–1914]. Ed. by V.V. Sapov. – Saint Petersburg : Mir, 2014 b. – P. 426–441. (In Russian)

Sorokin P.A. *Social'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and cultural dynamics]. – Moscow : Astrel, 2006. – 1176 p. (In Russian)

Stepin V.S. Tipy nauchnoj racional'nosti i sinergeticheskaya paradigma [Types of scientific rationality and synergetic paradigm]. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* [Complexity. The mind. Postnonclassics]. – 2013. – N 4. – P. 45–59. (In Russian)

Toynbee A.J. Filosofiya istorii Sorokina [Sorokin's Philosophy of history]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2004. – N 10. – P. 14–26. (In Russian)

Uchenye SPbGU : u vzroslykh lyudej v period pandemii snizilos' oshhushhenie odinochestva [SPbSU scientists : adults have reduced feelings of loneliness during the

pandemic] / St. Petersburg State University. – 2021. – October 22. – URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/uchenye-spbgu-u-vzroslyh-lyudey-v-period-pandemii-snizi-los-oshchushchenie> (accessed: 24.03.2023). (In Russian)

Vasilenko V.V. Problema istoriko-kul'turnogo processa v integral'noj koncepcii P.A. Sorokina [The problem of the historical and cultural process in the integral concept of P.A. Sorokin]. *Idei integralizma v social'nyh naukah : diskussiya rossijskih i amerikanskih issledovatelej* [Ideas of integralism in the social sciences : discussion of Russian and American researchers]. Ed. by D.V. Efremenko, A.Yu. Dolgov, K. Rhodes ; translated from English by Ya.V. Evseeva, V.V. Sapov. – Moscow : INION RAN, 2022. – P. 290–302. (In Russian)

Zyuzev N.F. «Amerikanske gorki» Pitirima Sorokina : «zyryanskij mudrec» glazami zaokeanskih sociologov [Pitirim Sorokin's «roller coaster ride» : the «Zyryan sage» through the eyes of overseas sociologists]. – Syktyvkar : Escom, 2009. – 240 p. (In Russian)

НЕМИРОВСКИЙ В.Г.* ПАРАСОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ ОСТРОТЫ ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИ-
НОЧЕСТВА В ОБЩЕСТВЕ ТРАВМЫ

Аннотация. Одиночество является одним из атрибутов общества травмы, в состоянии которого находится современный российский социум. Цель статьи – проанализировать роль парасоциальных отношений как фактора снижения остроты переживания одиночества в обществе травмы. Статья опирается на междисциплинарный подход, сочетающий социологические и психологические теории: теорию культурной травмы П. Штомпки, теорию общества травмы Ж.Т. Тошенко, теорию парасоциальных отношений Д. Хортона и Р.Р. Уола, концепции одиночества, развиваемые другими авторами. Показано, что парасоциальные отношения служат важной формой компенсации переживаний одиночества, но не избавляют человека от этого состояния.

Ключевые слова: парасоциальные отношения; общество травмы; социальная эксклюзия; одиночество.

Для цитирования: Немировский В.Г. Парасоциальные отношения как фактор снижения остроты переживания одиночества в обществе травмы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 3. – С. 59–85. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.04

Статья поступила: 06.06.2023.

Принята к публикации: 11.07.2023.

* Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; valnemirov@mail.ru

NEMIROVSKY V.G.** Parasocial relationships as a factor reducing the severity of experiencing loneliness in a society of trauma

Abstract. Loneliness is one of the attributes of the society of trauma, which is an essential characteristic of modern Russian society. This article is aimed at analyzing parasocial relationships as a factor of mitigating the severity of the experience of loneliness in a society of trauma. The article is based on an interdisciplinary approach that combines sociological and psychological theories: the conceptions of cultural trauma by P. Sztompka, trauma society by Zh.T. Toshchenko, parasocial relations by D. Horton and R.R. Wohl, the concepts of loneliness developed by other authors. It is shown that parasocial relations act as an important form of compensation for the experiences of loneliness, but do not relieve a person from this state.

Keywords: parasocial relations; trauma society; social exclusion; loneliness.

For citation: Nemirovsky V.G. Parasocial relationships as a factor reducing the severity of experiencing loneliness in a society of trauma. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 3. – P. 59–85. DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.04

Received: 06.06.2023.

Accepted: 11.07.2023.

Введение

Одиночество как социальный феномен к настоящему времени глубоко изучено с позиций как социологии, так и психологических наук; сформулированы его дефиниции, проанализированы факторы, разработаны различные классификации и т.п. Большинство авторов, изучающих эту тему, сходятся во мнении, что одиночество порождается различными социально-экономическими, политическими, социально-психологическими, социокультурными

** Nemirovsky Valentin Gennadievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Leading Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; valnemirov@mail.ru

факторами. Среди последних можно назвать социальные катастрофы, экономические кризисы, смену общественных ценностей, процессы урбанизации, атомизацию общества, трудности социализации и многое другое. Эти факторы действуют на различных уровнях: от макросоциального до межличностного.

Особое, далеко не всегда учитываемое исследователями, своеобразие ситуации одиночества придают малоизученные в отечественной социологии парасоциальные отношения, охватывающие различные сферы общественной жизни. Парасоциальные отношения в современном российском обществе – тема, которая рассматривается в основном в психологии межличностных отношений и сфере использования средств массовой информации.

Несмотря на целый ряд исследований (главным образом, зарубежных), в настоящее время остается до конца не ясным, способствуют ли парасоциальные отношения смягчению остроты переживания одиночества. Можно предположить, что взаимодействие одиночества и парасоциальных отношений в обществе травмы, к числу которых принадлежит и современная Россия, имеет свою, пока не раскрытую специфику. К числу важных характеристик такого общества относится перманентная социальная эксклюзия; одним из ее серьезных последствий выступает распространение среди различных групп населения страны состояния одиночества.

Тем самым актуальность исследования связана с важностью поиска социальных и социально-психологических механизмов преодоления (смягчения остроты) одиночества в современном российском обществе.

Материалы и методы

Цель статьи – проанализировать роль парасоциальных отношений как фактора снижения остроты переживания одиночества в обществе травмы.

Проблема на социальном уровне выступает как противоречие между развитием в российском обществе ситуаций, приводящих к распространению одиночества, с одной стороны, и недостаточным и неэффективным использованием различных социальных и социально-психологических практик для его преодоления – с другой.

В гносеологическом плане проблему исследования можно рассматривать в качестве противоречия между знанием о широкой распространенности одиночества в обществе и отсутствием четкой научной информации о роли в процессе снижения остроты его переживания парасоциальных отношений.

Объект исследования – современный российский социум как общество травмы.

Предмет – парасоциальные отношения в российском обществе как фактор снижения остроты переживания одиночества.

Гипотеза: существует тенденция, в соответствии с которой парасоциальные отношения могут выступать своего рода «паллиативным средством», способствующим снижению остроты переживания одиночества у представителей некоторых социальных групп населения в обществе травмы.

Данная работа опирается на теорию культурной травмы П. Штомпки, теорию «общества травмы» Ж.Т. Тощенко, теорию парасоциальных отношений, созданную Д. Хортоном и Р.Р. Уолом и развиваемую их зарубежными последователями, а также на подходы к изучению одиночества, сформулированные в работах таких отечественных авторов, как Н.Е. Покровский, Г.В. Иванченко, П.М. Козырева, А.И. Смирнов. Тем самым в статье реализуется междисциплинарный подход, сочетающий социологические и психологические теории и методы.

Обзор литературы

1. Одиночество в обществе травмы. Один из социологов-классиков – П. Штомпка – для описания специфических социальных изменений выдвинул теорию культурной травмы. По его описанию: «Травма действует на три области; следовательно, возможны три типа коллективных социальных травматических симптомов. Во-первых, травма может возникнуть на биологическом, демографическом уровне коллективности, проявляясь в виде биологической деградации населения, эпидемии, умственных отклонений, снижения уровня рождаемости и роста смертности, голода и так далее <...> Во-вторых, травма действует на социальную структуру. Она может разрушить сложившиеся каналы социальных отношений, социальные системы, иерархию <...> Мы обратимся, одна-

ко, к третьему проявлению последствий травмы. Это область воздействия травмы на культуру» [Штомпка, 2001, с. 10].

Основываясь на концепциях П. Штомпки, а также других известных зарубежных социологов: Дж. Александера, З. Баумана, Р. Айермана, на значительном числе публикаций отечественных ученых, которые, хотя и не использовали данный научный концепт, но подробно писали о травмирующих аспектах в различных сферах жизни современного российского социума, Ж.Т. Тощенко сформулировал новый подход для анализа общества, которое в течение длительного периода находится в состоянии нестабильности, а традиционные антикризисные меры в большинстве случаев оказываются неэффективными. Поэтому автор полагает, что изучение общества травмы требует иного понятийного аппарата и использования других методов анализа [Тощенко, 2020, с. 27].

Данная теория вызвала активный отклик российских ученых, о чем свидетельствуют не только многочисленные рецензии на данную монографию, но и ряд дискуссий в ведущих отечественных социологических изданиях, например: [Волков, 2020, с. 16–27].

В своем выступлении на круглом столе журнала «Социологические исследования» Ж.Т. Тощенко дал следующее определение феномену «травмы общества». Это «длительное состояние неопределенности трансформации общественных отношений, характеризующееся деформацией экономических, социальных, политических и духовно-культурных процессов и имеющих непредвиденные социальные последствия. Обществу травмы присущи отсутствие стратегических целей развития, хаотичность действий, неспособность мобилизовать активные силы для реализации программы действий и преодоления деструктивных изменений. Особую роль приобретает деятельность политических и экономических акторов, ведущая к непрогнозируемым эффектам вследствие несогласованности и противоречивости их действий, олицетворяющих сугубо корпоративные и групповые эгоистические интересы» [Макаров, 2019, с. 12–13].

Более сорока лет в российском обществе происходят активные процессы социокультурной турбулентности, во многом вызванные социальными травмами и катастрофами (распад СССР, «Афганская кампания», участие в столкновениях в бывших рес-

публиках СССР, войны в горячих точках на границах страны, две чеченские кампании, «операции по принуждению к миру» Грузии в августе 2008 г., боевые действия на Донбассе, пандемия COVID-19, СВО на Украине и др.). Одним из их серьезных последствий выступает эксклюзия значительных групп населения, происходит разрыв существующих социальных связей, на микросоциальном уровне возникают проблемы в формировании новых значимых отношений. Все это способствует развитию и распространению у населения состояния одиночества, связанного с острыми негативными переживаниями. Перманентное состояние социальной эксклюзии выступает одной из важных характеристик общества травмы. Это состояние присуще и другим формам социальных изменений. Однако, на наш взгляд, перманентное травматическое состояние, в данном случае отечественного, социума приводит к состоянию застойной, непреходящей социальной эксклюзии, формы которой могут меняться на протяжении времени, но последствия не смягчаются.

Социальная эксклюзия изучается с позиций как социологии, так и психологических дисциплин. Формат данной статьи не позволяет подробно проанализировать многообразие подходов к ее анализу, существующих в современной науке, и обосновать авторское видение данного феномена. Тем не менее нельзя не отметить своеобразие эксклюзии в современной России, охарактеризованное (как, впрочем, и теоретические аспекты его социологического анализа) в публикациях Н.Е. Тихоновой и других отечественных авторов [Тихонова, 2003; Poverty and social exclusion ... , 2017; Эксклюзия как критерий ... , 2016 и пр.].

Поэтому в качестве рабочего определения социальной эксклюзии мы будем опираться на следующую дефиницию: «С позиции социологического подхода социальная эксклюзия рассматривается как ситуация социальной беды, под которой понимается процесс исключения индивида из социальной системы, ограничение доступа к механизмам интеграции в общество или отторжения от отдельных средств жизнеобеспечения» [К проблеме взаимосвязи ... , 2020, с. 64].

С точки зрения социальной психологии, эксклюзия – состояние личности, вызванное субъективным осознанием и переживанием дефицита принадлежности к социальным группам и невклю-

ченности в межличностные отношения. Более того, социальная эксклюзия часто возникает не только в виде отвержения со стороны социальной группы, но и на межличностном уровне, когда разрываются связи со значимыми для человека людьми. Это состояние можно назвать межличностной эксклюзией [К проблеме взаимосвязи ... , 2020, с. 65–66].

Последствием эксклюзии является вынужденная изоляция или добровольная обособленность индивида. В широком смысле можно сказать, что, если человек оказывается изолирован от коллективов и ресурсов коммуникаций, он чувствует себя одиноким.

Соответственно, важным проявлением различных форм эксклюзии выступает социальное одиночество, которое может быть рассмотрено, с одной стороны, как состояние, с другой – как процесс переживания этого состояния. Феномен социального одиночества активно изучается с позиций различных научных парадигм и направлений. При этом не вызывает сомнений, что данная проблема выступает как междисциплинарная.

В российской науке подходы к изучению социального одиночества в значительной мере заимствованы у зарубежных исследователей. В рамках существующих в западной науке подходов, а именно психодинамического, интеракционистского, когнитивного, социологического и феноменологического, оно оценивается как отрицательное явление. Большинство авторов, анализирующих состояние одиночества с позиций психологии, оценивают его как негативное психоэмоциональное переживание [Михайлова, 2018, с. 422–423].

В своей фундаментальной монографии Н.Е. Покровский и Г.В. Иванченко, опираясь на социокультурный подход, предлагают следующую формулировку: «Одиночество представляет собой широкую социокультурную категорию, которая в самом общем виде отражает присущий личности страх перед социально-психологической изоляцией и разрывом общественных связей, составляющих суть жизненного мира» [Покровский, Иванченко, 2008, с. 11].

П.М. Козырева и А.И. Смирнов, исследующие возрастные параметры одиночества, рассматривают его как «субъективное переживание состояния, обусловленное особенностями социальной ситуации и индивидуально-возрастными особенностями чело-

века» [Козырева, Смирнов, 2020, с. 56]. Социологическому анализу одиночества посвящен цикл работ Ж.В. Пузановой [Пузанова, 2008; Пузанова, 2009]. Ряд публикаций знакомят читателей с результатами исследования одиночества различных социальных групп. Например, можно отметить работу В.О. Примакова и Е.Г. Саутиной, которые изучали одиночество социальной группы студенческой молодежи [Примаков, Саутина, 2018].

В социологической науке также рассматривается феномен, получивший наименование «новое одиночество», «актуализировавшееся в период пандемии и ставшее одним из факторов, влияющих на социальное самочувствие российского общества в условиях введения целого ряда ограничительных мер. Новое одиночество связано с ощущением утраты социальных связей и отношений, а также с дискриминацией различных групп населения во многих социально значимых сферах жизнедеятельности в условиях пандемии» [Гафиатулина, Воробьев, Шевченко, 2022, с. 223].

Вслед за авторами публикаций, которые отражены в нашей статье, мы будем опираться на широкое, комплексное понимание одиночества как формы отчуждения человека от общества, включающей и данное состояние, и переживание одиночества в единстве различных его видов и элементов.

2. Парасоциальные отношения в современном обществе.

Анализу парасоциальных отношений посвящен широкий круг исследований; значительно чаще к ним обращаются представители психологических дисциплин, существенно реже – социологии. Однако в данном случае это не имеет существенного значения, поскольку мы опираемся на междисциплинарный подход, который получает все более широкое распространение в современной социологической науке. Как известно, понятие «парасоциальное отношение» было введено в научный оборот Д. Хортоном и Р.Р. Уолом¹ в работе «Массовая коммуникация и парасоциальное взаимодействие: наблюдения за близостью на расстоянии» с целью описания односторонней привязанности зрителей телевизионных программ к медийным персонам [Horton, Wohl, 1956]. Важно подчеркнуть своеобразную «квазисоциальность» парасоциальных отношений, которые формируются, когда нет взаимного обмена информацией,

¹ Фамилия Уол имеет разное написание в научной литературе (Вол, Воль).

иными словами – диалога. Необходимо сразу отметить специфику понятий «парасоциальные отношения» и «парасоциальные взаимодействия». Иногда они используются как синонимы, но в последние годы все большее число авторов проводят различие между этими понятиями [Schramm, Hartmann, 2008 ; Dibble, Hartmann, Rosaen, 2016]. Более того, в научный оборот введен термин «парасоциальный разрыв» (PSB), означающий резкое прекращение парасоциальных отношений; см., например: [Hu, 2016].

В этой связи следует согласиться с А.С. Новиковым, который пишет, что «в настоящее время существует тенденция к разделению парасоциальных взаимодействий (PSI) и парасоциальных отношений (PSR), где PSI – род личных или кажущихся таковыми взаимоотношений, а PSR – более сложный феномен, часто включающий в себя когнитивные, аффективные и конативные компоненты» [Новиков, 2019, с. 67]. Иными словами, при длительном воздействии парасоциальное взаимодействие может перерасти в парасоциальные отношения.

Детальное представление о существующих тенденциях в исследованиях парасоциальных отношений в современной науке дает подробная обзорная статья, в которой анализируются более чем 250 исследований в области парасоциальных взаимодействий и отношений с медийными персонажами, осуществленных за последние 60 лет, а также их методологические вопросы [Liebers, Schramm, 2019].

Важной характеристикой парасоциального отношения, согласно оценке А.С. Новикова, выступает именно его односторонняя природа. Возникающее у зрителя сопереживание герою телефильма, интерес к его приключениям порождает эмоциональную включенность, однако никакого социального обмена между зрителем и героем не происходит. Другой существенной характеристикой парасоциальных отношений является их эмоциональная насыщенность; несмотря на фактическое отсутствие социального обмена, любое телевизионное шоу прежде всего вовлекает зрителя эмоционально [Новиков, 2018, с. 18].

Парасоциальными отношениями пронизана и политическая сфера жизни общества. Например, американские исследователи Дж. Коэн и Р.Л. Холберт, опираясь на результаты проведенного в 2017 г. опроса более 2000 взрослых респондентов, пришли к выво-

ду о возможности на основе анализа парасоциальных отношений прогнозировать поддержку политических кандидатов и выборных должностных лиц. В частности, их исследования показали, что парасоциальные отношения в то время оказывались мощным предиктором поддержки Д. Трампа, опережающим все другие факторы (включая поведение в прошлом голосовании 2016 г.) [Cohen, Holbert, 2018].

Целый ряд зарубежных авторов рассматривают связь населения с политическими фигурами как одну из форм парасоциальных отношений. Например, как свидетельствуют исследования М.А. Хакима, парасоциальные отношения с политиками (PSRs) представляют собой устойчивую, долгосрочную, обычно позитивную одностороннюю форму отношений, обладающую своего рода «интимностью», которая способна сформироваться по отношению и к другим общественным фигурам: звездам шоу-бизнеса или спортсменам [Наким, 2018].

Весьма похожие результаты показали исследования, которые были проведены с помощью качественных методов (фокус-групп и глубинных интервью) в регионах Сибирского Федерального округа на протяжении более десяти лет (2007–2018). По единой методике (выборочная совокупность – 758 чел., количество фокус-групп – 84) была обоснована гипотеза, в соответствии с которой «отношение к власти в действительности является не социальным отношением, а парасоциальным» [Новиков, 2018, с. 18; Новиков, 2019, с. 67].

Такой важный социальный феномен, как доверие, также не свободен от взаимосвязи с парасоциальными отношениями. В частности, нами было обосновано, что институциональное доверие в современной России сочетает парасоциальную и социальную формы. Если в первом случае влияние СМИ и Интернета является ведущим в формировании институционального доверия как парасоциального конструкта, то во втором его нельзя исключать также, однако первичны социальные отношения. Они тесно взаимосвязаны, причем первая при определенных условиях может трансформироваться во вторую [Немировский, Новиков, 2021].

Социокультурная турбулентность, усилившаяся в России в последние годы, привела к размыванию социальных норм и образцов поведения, распространению аномии в обществе. Поэтому, на

наш взгляд, следует согласиться с мнением И.Ю. Тихоновой и А.С. Кравец, в соответствии с которым «самое важное, что толкает индивидов к парасоциальным отношениям, – это отсутствие в современном социальном пространстве устойчивых ориентаций. Именно их и находят индивиды в такого рода отношениях. По сути, коммуникативное пространство становится новым жизненным пространством человека, выполняющим важнейшую социетальную функцию. Поддержание образца осуществляется через формирование определенных моделей поведения и мышления, которые воспринимаются людьми как объективные» [Тихонова, Кравец, 2022, с. 44].

Развитию парасоциальных отношений, основанных на бесконтактных, опосредованных взаимодействиях, способствует и прогрессирующее расширение использования информационно-коммуникационных технологий, «цифровизация» социальной жизни. Процессы цифровизации могут вызвать серьезные психосоциальные потрясения, связанные с изменениями в образе жизни людей. Трансформации, скорость которых увеличивается, носят глобальный характер. Причем изменения затрагивают не только отдельные сферы жизни, но и личное и социальное существование. Реакции на эти изменения, процессы обучения и адаптации вызывают новые, часто непредсказуемые последствия.

В этом смысле они приводят к формированию так называемой «новой нормальности», среди основных проявлений которой, по емкой характеристике М.Ю. Ефлова и О.А. Максимовой, можно назвать следующие: формирование комплексной цифровой среды, охватывающей самые разнообразные стороны общественной жизни; активизацию процессов оцифровки и цифровизации большинства сфер жизнедеятельности общества; погружение в цифровую среду, приводящее к развитию новой системы социальных отношений и связей, а также усилению социального неравенства и эксклюзии, в основе которых лежит неравенство цифровое; утрату существующими в обществе институтами возможности адекватного и оперативного реагирования на новые социальные и экономические вызовы; делегирование федеральным центром функций контроля за ситуацией региональным структурам; индивидуализацию стратегий и тактик выживания в условиях кризиса [Ефлова, Максимова, 2022, с. 37].

Распространению «новой нормальности» благоприятствуют также серьезные социокультурные травмы последних лет, глубоко изменившие различные сферы жизни нашего общества, в частности, пандемия COVID-19 и последующая СВО, повлекшая трансформацию геополитического положения нашей страны.

Результаты исследования

Взаимосвязь одиночества и парасоциальных отношений изучается уже довольно давно, как правило с позиций психологии. Так, более 20 лет назад выдвигалась гипотеза, в соответствии с которой «...застенчивость и одиночество будут связаны с силой “парасоциальных” отношений с “высоко заметными” знаменитостями» [Ashe, McCutcheon, 2001, p. 124].

В процессе ее проверки были получены неоднозначные результаты: «из 16 полученных коэффициентов корреляции 15 были в предсказанном направлении, но ни один из них не превышал 0,24. Либо застенчивые и одинокие люди не предрасположены к сильным парасоциальным связям со знаменитостями, либо предполагаемые отношения настолько слабы, что объясняют очень небольшую дисперсию» [Ashe, McCutcheon, 2001, p. 124].

Наряду с этим в исследовании, опирающемся на теории личности Г.Ю. Айзенка, было показано, что «поклонение знаменитостям» может отражать черты невротизма и психотизма [Maltby, Houran, McCutcheon, 2003], которые, как известно, часто бывают связаны с переживанием одиночества.

Согласно одной из более поздних публикаций, одиночество подписчиков знаменитостей в социальных сетях «положительно связано с потреблением социальных сетей знаменитости, социально-межличностным мотивом посещения их социальных сетей и удовольствием от изучения историй личной жизни знаменитости» [Kim, Kim, Yang, 2019, p. 27]. Как видим, одиночество выступает одним из побудительных мотивов вступления людей в парасоциальные отношения со знаменитостями.

К несколько иным выводам пришли Т.С. Самсонов и Д.П. Ткаченко, которые считают, что полученные ими данные «скорее, согласуются с точкой зрения о том, что парасоциальные отношения в большей степени являются попыткой человека рас-

ширить круг своего общения, а не стремлением заменить реальную коммуникацию» [Самсонов, Ткаченко, 2022, с. 256].

В действительности ситуация оказывается значительно сложнее, нежели ее представляют процитированные выше авторы – во всяком случае, на том основании, что одиночество неоднородно; существуют, по крайней мере, четыре его вида: эмоциональное (семейное и романтическое), социальное, хроническое, ситуативное и преходящее одиночество. В работе американских ученых К. Ванг, Е. Финка и Д. Кай была выдвинута гипотеза, в соответствии с которой разные типы одиночества предсказывают различное использование парасоциального взаимодействия, при этом пол выступает в качестве модератора этих эффектов. Исследование проводилось среди студентов колледжа (N=154) [Wang, Fink, Cai, 2008].

По нашему мнению, существенно, что авторами было выявлено неодинаковое взаимодействие различных видов одиночества в парасоциальных отношениях, а также обнаружены различные, часто противоположные тенденции у мужчин и женщин. Так, в целом социальное одиночество отрицательно связано с использованием парасоциального взаимодействия. Напротив, участию в нем способствовали эмоциональное и хроническое одиночество. Чем выше семейное одиночество у женщин, тем сильнее их участие в парасоциальном взаимодействии, у мужчин эффект был отрицательным. Напротив, у последних большее хроническое одиночество приводило к усилению парасоциального взаимодействия, тогда как для женщин результат оказался противоположным. Рост семейного одиночества у женщин предсказывал большее парасоциальное взаимодействие, у мужчин была обратная ситуация. «Наконец, для мужчин большее романтическое одиночество было связано с меньшим парасоциальным взаимодействием, тогда как для женщин эта связь была слегка положительной» [Wang, Fink, Cai, 2008, p. 87]. Как видим, важно учитывать, что взаимосвязь различных видов одиночества и парасоциальных отношений противоречива и существенно детерминируется гендерными факторами.

В контексте цели нашей работы особый интерес представляет анализ взаимосвязи одиночества с антагонистическими парасоциальными отношениями, которому посвятил свою статью С. Кунинтен. В отличие от подавляющего большинства других работ, где

исследуется влияние одиночества на парасоциальные отношения респондентов с любимыми персонажами, в ней прослеживается взаимосвязь одиночества у пожилых людей с *нелюбимыми* телевизионными персонажами. В процессе исследования «взрослые в возрасте 55 лет и старше сообщали о своих наиболее нелюбимых телевизионных персонажах и романтических отношениях в ходе самостоятельного опроса, а для проверки данных (*как и в большинстве других рассматриваемых нами исследований. – В.Н.*) использовалась иерархическая множественная регрессия». Результаты показали, что по мере роста депрессивных симптомов и одиночества у пожилых людей с низким уровнем избегания привязанности и неудовлетворенностью романтическими отношениями их антагонистические парасоциальные отношения усиливались [Quinten, 2019, p. 548].

Формирование романтических чувств к вымышленному персонажу может играть существенную роль в преодолении одиночества. Сегодня эти виртуальные романтические отношения доступны в романтических видеоиграх (RVG). Исследования, проведенные среди участников-японцев, в частности показали, что у одиноких людей больше желания играть в RVG. Как пишут авторы, «одиночество – единственный психологический фактор, коррелирующий с желанием играть». У участников игры формируются социальные навыки и положительные эмоции, причем у одиноких людей может быть больше желания иметь романтические отношения с виртуальным персонажем [What factors attract people ... , 2020].

В некоторых исследованиях изучалась взаимосвязь переживаний людьми одиночества с их участием в парасоциальных отношениях. Так, в процессе психологических экспериментов было установлено, что «люди, предпочитающие виртуальные отношения с вымышленными персонажами, имеют средний и высокий уровни переживания одиночества, а также позитивное отношение к одиночеству» [Черемискина, Холупова, 2022, с. 221]. Учеными делается вывод, согласно которому «виртуальные отношения с вымышленными персонажами не могут компенсировать негативные переживания молодых людей» [там же]. Данное исследование позволило подтвердить гипотезу о том, что переживание одиночества у людей, склонных к виртуальным отношениям с вымышлен-

ными персонажами, имеет связь с выраженными у них защитными механизмами (регрессией, проекцией и реактивным образованием).

К похожему выводу пришли и другие авторы в ходе онлайн-эксперимента, данные которого свидетельствуют, что «умственная активация парасоциальных отношений значительно улучшала настроение участников в той же степени, что и размышления о реальной дружбе. Однако, что касается непосредственного чувства одиночества, размышления участников о парасоциальных отношениях оказались неэффективными» [Stein, Liebers, Faiss, 2022].

Немало современных исследований посвящено одиночеству, связанному с наличием разного рода препятствий для развития связей в реальной жизни, в частности, с принадлежностью к ЛГБТ-сообществу (международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации).

Целью одного из подобных исследований было изучение парасоциальных отношений среди относительно уязвимого населения путем опроса подростков-лесбиянок, геев и бисексуалов (ЛГБ; международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации) (N=106). Для сопоставления был проведен опрос их гетеросексуальных ровесников (N=321). «Результаты показывают, что у подростков ЛГБ (международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации. – В.Н.) больше любимых медийных персон другого пола, чем у гетеросексуальных подростков мужского пола. [Они] ... чаще выбирали медиаперсонажей ЛГБ (международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации. – В.Н.) в качестве своих фаворитов, особенно если у них не было реальных друзей из ЛГБ (международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации. – В.Н.)» [Bond, 2018, p. 457].

Согласно сформулированному в статье выводу, одиночество способствовало силе парасоциальных отношений только для подростков ЛГБ (международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации), которые чаще сообщали о своих любимых медийных персонажах как о важных источниках информации по целому ряду вопросов, связанных с социализацией. Авторы приходят к заключению, что

«парасоциальные отношения могут быть компенсацией для подростков ЛГБ (*международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации. – В.Н.*), пытающихся заполнить пустоту в отношениях, образовавшуюся из-за отсутствия реальных сверстников ЛГБ (*международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации. – В.Н.*)» [Bond, 2018, p. 457].

Объектом другого интересного исследования была молодежь ЛГБТК (лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры и квир; международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации), которая, по мнению его авторов, непропорционально пострадала от пандемии COVID-19. Было изучено, как «парасоциальные отношения с ЛГБТК-ютуберами (*международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации. – В.Н.*) могут смягчить связи между поддержкой семьи, одиночеством и симптомами депрессии среди молодых ЛГБТК взрослых (*международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено в Российской Федерации. – В.Н.*), живущих со своими родителями во время пандемии COVID-19» [Parasocial relationships ... , 2021]. В статье сделан вывод, согласно которому «сила парасоциальных отношений смягчает связи между поддержкой семьи и одиночеством, а также одиночеством и симптомами депрессии» [ibid., p. 228].

Анализ того, насколько существенно одиночество влияет на парасоциальные отношения в фан-клубе Wannable¹ в Бандунге (Индонезия), показал весьма высокое значение R-квадрата – 0,514 (так называемого коэффициента детерминации, определяющего степень корреляции между независимыми и зависимыми переменными), из чего следует, что влияние независимой переменной «одиночество» на зависимую «парасоциальные отношения» в фан-клубе составило 51,4% [Nabilla, Prakoso, 2019, p. 98].

К числу важных форм парасоциальных отношений в современном обществе относится общение в социальных сетях. Можно предположить, что вовлеченность молодежи в парасоциальные отношения выступает одним из следствий нарушения у ее пред-

¹ Фан-клуб южнокорейского бойбенда Wanna One.

ставителей способности к общению. Исследование Н.П. Дедова и Н.П. Комиссарова показало, что одиночество современных подростков взаимосвязано со снижением у них коммуникативных способностей [Дедов, Комиссарова, 2020, с. 177–181]. В статье В.Р. Орестовой, Д.П. Ткаченко, А.А. Соколовой представлено исследование особенностей активности респондентов в популярных социальных сетях (Instagram, Facebook¹ и ВКонтакте) и их связи со спецификой переживания одиночества. «Выявлены различия в характере пользовательской активности между тремя возрастными группами, обусловленные тем, что пользователи старшей возрастной группы эмоционально сдержаннее и в меньшей степени склонны к личностному раскрытию в социальных сетях, в то время как для юных пользователей более характерен шуточный и поверхностный формат взаимодействия». Характерно, что молодежи, участвующей в парасоциальных отношениях, присуще более слабое стремление к самопознанию в сравнении с другими возрастными группами [Орестова, Ткаченко, Соколова, 2020, с. 31].

Интерес представляет сделанный авторами вывод, свидетельствующий о роли эмоциональных факторов участия одиноких людей в парасоциальных отношениях: «пользователи с выраженным негативным переживанием одиночества в большей мере ориентированы на частоту и позитивный эмоциональный фон публикаций, нежели на раскрытие глубинных переживаний и обсуждение лично значимых тем. Люди с нехваткой эмоциональной близости или контактов с людьми и в социальной сети также демонстрируют невысокую активность взаимодействия» [Орестова, Ткаченко, Соколова, 2020, с. 31–32].

Мы также полагаем, что следует согласиться с мнением И.И. Черемискиной и К.А. Холуповой, которое опирается на результаты эмпирических исследований, проведенных авторами: «парасоциальные отношения с виртуальными персонажами являются неким инструментом адаптации, посредством которого человек может снять стресс, понизить влияние напряжения, а также удовлетворить свои социальные потребности, если не представля-

¹ Социальные сети Instagram и Facebook принадлежат компании Meta, которая признана экстремистской организацией в России.

ется такого шанса в реальном мире» [Черемискина, Холупова, 2022, с. 224–231].

Обсуждение. Заключение

Парасоциальные отношения широко изучались в аспекте взаимодействия зрителей с медийными персонажами, актерами; избирателей – с политиками; рассматривалась включенность в них участников различных групп в социальных сетях, пользователей Интернета; был осуществлен анализ парасоциальных отношений в контексте социального доверия. Можно высказать гипотезу, что распространенность парасоциальных отношений в современном обществе носит еще более широкий характер, однако ее верификация требует проведения специальных исследований.

Следует учитывать, что данные, полученные в области зарубежных исследований взаимосвязи одиночества и участия людей в парасоциальных отношениях, не всегда однозначны. Безусловно, на результатах и их интерпретации сказывается использование различных теоретических подходов и эмпирических методик, многообразные формы парасоциальных отношений (с медийными персонажами, общение со сверстниками через социальные сети, участие в электронных играх, просмотр видеороликов и многое другое), специфика социальных групп, избранных в качестве объекта исследования (подростки, взрослые, люди пожилого возраста, лица разных национальностей и пр.). Как принято в психологии, используются ограниченные и часто весьма специфические по своему характеру выборки. Нередко не учитываются такие важные факторы, как гендерная принадлежность респондентов, возраст, уровень образования и т.п. Неодинаково влияет на те или иные виды одиночества участие людей в разных формах парасоциальных отношений. Большинство исследований по данной проблематике проведены иностранными учеными, так что пока трудно говорить об эмпирически обоснованной российской социокультурной специфике влияния парасоциальных отношений на снижение остроты переживаний одиночества. Остается открытым вопрос о возможности полностью распространять выявленные за рубежом тенденции на отечественную ситуацию.

Все это требует осуществления специализированных исследований по сопоставимым методикам более широкого, желательно – кросскультурного характера.

Тем не менее в результате осуществленного в статье анализа вырисовывается следующая логическая цепочка:

– общество травмы неизбежно продуцирует социальную эксклюзию;

– эксклюзия порождает состояния одиночества;

– представители различных, в том числе довольно специфических социальных групп, переживающие одиночество, с той или иной долей успеха пытаются преодолеть его посредством участия в парасоциальных отношениях;

– конкретные формы парасоциальных отношений (взаимосвязь с медийными персонажами, электронные игры, общение в интернет-сообществе и др.) в неодинаковой мере могут смягчить переживания некоторых видов одиночества у представителей определенных социальных групп.

На основании результатов исследований, приведенных в нашей статье, можно сделать вывод, что некоторые распространенные формы одиночества, как и отдельные психопатологические состояния в целом влияют на вступление индивидов в парасоциальные отношения. При этом последние являются одной из форм компенсации одиночества, но не избавляют от него человека. По сути, парасоциальные отношения – это временное снижение остроты негативных переживаний одиночества, его иллюзорная компенсация.

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза о существовании тенденции, в соответствии с которой парасоциальные отношения могут выступать своего рода «паллиативным средством», способствующим снижению остроты переживания одиночества у представителей некоторых социальных групп населения в обществе травмы, в основном подтвердилась. Вместе с тем речь о целенаправленном практическом использовании парасоциальных отношений как фактора снижения остроты переживания одиночества в обществе травмы пока вести рано. Необходимы всесторонние исследования этой проблемы.

Данные итоги, как и введение в научный оборот отечественной социологии ряда малоизвестных данных, полученных зарубежными учеными, составляют новизну настоящей работы.

Полученные в статье результаты могут быть основой для формирования междисциплинарной концепции парасоциальных отношений в обществе травмы. На данном этапе можно высказать еще одну гипотезу (которая нуждается в специальной проверке), что парасоциальные отношения в процессе цифровизации общества, все больше заменяя собой непосредственно социальные отношения, лишая людей непосредственного общения, способны приводить к распространению одиночества в обществе травмы.

Рассмотренная в статье проблема требует дальнейших глубоких исследований с применением подходов и методного арсенала как социологии, так и психологических наук. Отметим, что очень логичным будет использование в этом контексте социологии эмоций.

Список литературы

Волков Ю.Г. Общество травмы : поиск пути исцеления (приглашение к дискуссии) // Социологические исследования. – 2020. – № 9. – С. 16–27. – DOI: 10.31857/S013216250009344-1

Гафиатулина Н.Х., Воробьев Г.А., Шевченко А.М. Новое одиночество как фактор влияния на социальное самочувствие российского общества в условиях ограничительных мер в период пандемии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – № 1. – С. 223–228. – DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-223-228

Дедов Н.П., Комиссарова О.А. Социально-психологические особенности одиночества у современных подростков // Вестник университета. – 2020. – № 1. – С. 177–181. – DOI: 10.26425/1816-4277-2020-1-177-181

Ефлова М.Ю., Максимова О.А. Социальная эксклюзия в контексте новой нормальности : концептуализация подхода к исследованию // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2022. – № 2 (53). – С. 36–41. – DOI: 10.26907/2079-5912.2022.2.36-41

К проблеме взаимосвязи опыта социальной эксклюзии с базисными убеждениями личности : психологический подход / Семенова Г.В., Векилова С.А., Терешкина И.Б., Рудыхина О.В. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2020. – № 197. – С. 63–73. – DOI: 10.33910/1992-6464-2020-197-63-73

Козырева П.М., Смирнов А.И. Особенности возрастной структуры одиночества // Социологические исследования. – 2020. – № 9. – С. 56–69. – DOI: 10.31857/S013216250009617-1

Макаров Т. Общество травмы : между эволюцией и революцией (круглый стол) // Социологические исследования. – 2019. – № 6. – С. 3–14. – DOI: 10.31857/S013216250005477-7

Михайлова Н.В. Одиночество как междисциплинарная проблема // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2018. – № 3. – С. 420–428. – DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-420-428

Немировский В.Г., Новиков А.С. Доверие населения к институтам власти в контексте парасоциальных отношений в современном российском обществе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия Политические, социологические и экономические науки. – 2021. – Т. 6, № 4. – С. 453–462. – DOI: 10.21603/2500-3372-2021-6-4-453-462

Новиков А.С. Отношение к власти как парасоциальное отношение (опыт качественных социологических исследований в сибирских регионах) // Siberian socium. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 12–21. – DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-2-12-21

Новиков А.С. Эмоциональные процессы в парасоциальных отношениях : возможности социологических исследований // Siberian socium. – 2019. – Т. 3, № 3. – С. 65–73. – DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-3-65-73

Орестова В.Р., Ткаченко Д.П., Соколова А.А. Переживание одиночества пользователями различных социальных сетей : возрастной контекст // Вестник РГГУ. Серия Психология. Педагогика. Образование. – 2020. – № 2. – С. 31–53. – DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-31-53

Покровский Н.Е., Иванченко Г.В. Универсум одиночества : социологические и психологические очерки. – Москва : Логос, 2008. – 424 с.

Примаков В.Л., Саутина Е.Г. Одиночество студенческой молодежи как социальный феномен // Вестник МГЛУ. Общественные науки. – 2018. – № 1 (794). – С. 244–254.

Пузанова Ж.В. Одиночество : возможности эмпирического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Социология. – 2008. – № 4. – С. 28–38.

Пузанова Ж.В. «Одиночество» как предмет эмпирического анализа // Социология: методология, методы, математическое моделирование. – 2009. – № 29. – С. 132–154.

Самсонов Т.С., Ткаченко Д.П. Связь склонности к парасоциальным отношениям с особенностями межличностных отношений с близкими людьми у медиа пользователей // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека. – Коломна : Государственный социально-гуманитарный университет, 2022. – С. 252–257.

Тихонова И.Ю., Кравец А.С. Парасоциальные отношения в современном мире // Вестник ВГУ. Серия Философия. – 2022. – № 1. – С. 41–49.

Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. – 2003. – Т. 12, № 1. – С. 36–84.

Тощенко Ж.Т. Общество травмы : между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). – Москва : Весь мир, 2020. – 352 с.

Черемискина И.И., Холунова К.А. Переживание одиночества людьми, предпочитающими виртуальные отношения с вымышленными персонажами // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2022. – Т. 14, № 3. – С. 221–231. – DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2022-3/221-231

Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–14.

Эксклюзия как критерий выделения социально уязвимых групп населения / Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Леонидова Г.В., Смолева Е.О. // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 2 (44). – С. 29–47. – DOI: 10.15838/esc.2016.2.44.2

Ashe D.D., McCutcheon L.E. Shyness, loneliness, and attitude toward celebrities // Current research in social psychology. – 2001. – Vol. 6, N 9. – P. 124–132.

Bond B.J. Parasocial relationships with media personae: why they matter and how they differ among heterosexual, lesbian, gay, and bisexual adolescents // Media psychology. – 2018. – Vol. 21, N 3. – P. 457–485. – DOI: 10.1080/15213269.2017.1416295

Cohen J., Holbert R.L. Assessing the predictive value of parasocial relationship intensity in a political context // Communication research. – 2018. – Vol. 48, N 4. – P. 501–526. – DOI: 10.1177/0093650218759446

Dibble J.L., Hartmann T., Rosaen S. Parasocial interaction and parasocial relationship : conceptual clarification and a critical assessment of measures // Human communication research. – 2016. – N 42. – P. 21–44. – DOI: 10.1111/hcre.12063

Hakim M.A. Measuring the feeling of distant intimacy with political figures across cultures : development, construct validity, factor replicability, and measurement invariance of parasocial relationship with political figures (PSR-P) scale, Version 1.0 / Harvard dataverse. – 2018. – URL: <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/F3KS7M> (accessed: 01.06.2023).

Horton D., Wohl R.R. Mass communication and para-social interaction : observations on intimacy at a distance // Psychiatry. – 1956. – Vol. 19, N 3. – P. 215–229. – DOI: 10.1080/00332747.1956.11023049

Hu M. The influence of a scandal on parasocial relationship, parasocial interaction, and parasocial breakup // Psychology of popular media culture. – 2016. – Vol. 5, N 3. – P. 217–231. – DOI: 10.1037/ppm0000068

Kim J., Kim J., Yang H. Loneliness and the use of social media to follow celebrities : a moderating role of social presence // The social science journal. – 2019. – Vol. 56, N 1. – P. 21–29. – DOI: 10.1016/j.soscij.2018.12.007

Liebers N., Schramm H. Parasocial interactions and relationships with media characters : an inventory of 60 years of research // Communication research trends. – 2019. – Vol. 38, N 2. – P. 4–31.

Maltby J., Houran J., McCutcheon L.E. A clinical interpretation of attitudes and behaviors associated with celebrity worship // Journal of nervous and mental disease. – 2003. – Vol. 191, N 1. – P. 25–29.

Nabilla S.T.R., Prakoso H. Pengaruh loneliness terhadap parasocial relationship pada fansclub Wannable di Bandung // *Prosiding psikologi*. – 2019. – Vol. 5, N 1. – P. 95–102.

Parasocial relationships and depression among LGBQ emerging adults living with their parents during COVID-19 : the potential for online support / Woznicki N., Arriaga A.S., Caporale-Berkowitz N.A., Parent M.C. // *Psychology of sexual orientation and gender diversity*. – 2021. – Vol. 8, N 2. – P. 228–237. – DOI: 10.1037/sgd0000458

Poverty and social exclusion in the new Russia / ed. by N. Manning, N.E. Tikhonova. – London : Routledge, 2017. – 303 p.

Quinten S. Parasocial relationships with disliked television characters, depressive symptoms, and loneliness among older adults // *Journal of applied communication research*. – 2019. – Vol. 47, N 5. – P. 548–570. – DOI: 10.1080/00909882.2019.1679384

Schramm H., Hartmann T. The PSI-process scales : a new measure to assess the intensity and breadth of parasocial processes // *Communications*. – 2008. – N 33. – P. 385–401. – DOI: 10.1515/COMM.2008.025

Stein J.-P., Liebers N., Faiss M. Feeling better... but also less lonely? An experimental comparison of how parasocial and social relationships affect people's well-being // *Mass communication and society*. – 2022. – November 18. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/15205436.2022.2127369> (accessed: 01.06.2023).

Wang Q., Fink E.L., Cai D.A. Loneliness, gender, and parasocial interaction : a uses and gratifications approach // *Communication quarterly*. – 2008. – Vol. 56, N 1. – P. 87–109. – DOI: 10.1080/01463370701839057

What factors attract people to play romantic video games? / Koike M., Loughnan S., Stanton S.C.E., Ban M. // *PLoS ONE*. – 2020. – Vol. 15, N 4. – P. e0231535. – DOI: 10.1371/journal.pone.0231535

References

Ashe D.D., McCutcheon L.E. Shyness, loneliness, and attitude toward celebrities. *Current research in social psychology*. – 2001. – Vol. 6, N 9. – P. 124–132.

Bond B.J. Parasocial relationships with media personae: why they matter and how they differ among heterosexual, lesbian, gay, and bisexual adolescents. *Media psychology*. – 2018. – Vol. 21, N 3. – P. 457–485. – DOI: 10.1080/15213269.2017.1416295

Cheremiskina I.I., Kholupova K.A. Perezhivanie odinochestva lyud'mi, predpochitayushchimi virtual'nye otnosheniya s vymyshlennymi personazhami [The experience of loneliness by people who prefer virtual relationships with fictional characters]. *Territoriya novyh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa* [The territory of new opportunities. The herald of Vladivostok state university of economics and service]. – 2022. – Vol. 14, N 3. – P. 221–231. – DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2022-3/221-231 (In Russian)

Cohen J., Holbert R.L. Assessing the predictive value of parasocial relationship intensity in a political context. *Communication research*. – 2018. – Vol. 48, N 4. – P. 501–526. – DOI: 10.1177/0093650218759446

Dedov N.P., Komissarova O.A. Social'no-psihologicheskie osobennosti odinochestva u sovremennyh podrostkov [Socio-psychological features of loneliness in modern teenagers]. *Vestnik universiteta* [University bulletin]. – 2020. – N 1. – P. 177–181. – DOI: 10.26425/1816-4277-2020-1-177-181 (In Russian)

Dibble J.L., Hartmann T., Rosaen S. Parasocial interaction and parasocial relationship : conceptual clarification and a critical assessment of measures. *Human communication research*. – 2016. – N 42. – P. 21–44. – DOI: 10.1111/hcre.12063

Eflova M.Yu., Maksimova O.A. Social'naya eksklyuziya v kontekste novoj normal'nosti : konceptual'zaciya podhoda k issledovaniyu [Social exclusion in the context of the new normal : a conceptualization of the approach to research]. *Kazanskij social'no-gumanitarnyj vestnik* [The Kazan socially-humanitarian bulletin]. – 2022. – Vol. 53, N 2. – P. 36–41. – DOI: 10.26907/2079-5912.2022.2.36-41 (In Russian)

Gafiatulina N.Kh., Vorobyev G.A., Shevchenko A.M. Novoe odinochestvo kak faktor vliyaniya na social'noe samochuvstvie rossijskogo obshchestva v usloviyah ogranichitel'nyh mer v period pandemii [New loneliness as a factor of influence on the social well-being of the Russian society under conditions of restrictory measures during the pandemic period]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and municipal management. Scholar notes]. – 2022. – N 1. – P. 223–228. – DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-1-223-228 (In Russian)

Hakim M.A. *Measuring the feeling of distant intimacy with political figures across cultures : development, construct validity, factor replicability, and measurement invariance of parasocial relationship with political figures (PSR-P) scale, Version 1.0* / Harvard dataverse. – 2018. – URL: <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/F3KS7M> (accessed: 01.06.2023).

Horton D., Wohl R.R. Mass communication and para-social interaction : observations on intimacy at a distance. *Psychiatry*. – 1956. – Vol. 19, N 3. – P. 215–229. – DOI: 10.1080/00332747.1956.11023049

Hu M. The influence of a scandal on parasocial relationship, parasocial interaction, and parasocial breakup. *Psychology of popular media culture*. – 2016. – Vol. 5, N 3. – P. 217–231. – DOI: 10.1037/ppm0000068

K probleme vzaimosvyazi opyta social'noj eksklyuzii s bazisnymi ubezhdeniyami lichnosti : psihologicheskij podhod [The relationship between social exclusion and basic personal beliefs : a psychological approach] / Semenova G., Vekilova S., Tereshkina I., Rudykhina O. *Izvestiya rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [Izvestia : Herzen university journal of humanities & sciences]. – 2020 – N 197. – P. 63–73. – DOI: 10.33910/1992-6464-2020-197-63-73 (In Russian)

Kim J., Kim J., Yang H. Loneliness and the use of social media to follow celebrities : a moderating role of social presence. *The social science journal*. – 2019. – Vol. 56, N 1. – P. 21–29. – DOI: 10.1016/j.soscij.2018.12.007

Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Osobennosti vozrastnoj struktury odinochestva [Loneliness : age features]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2020. – N 9. – P. 56–69. – DOI: 10.31857/S013216250009617-1 (In Russian)

Liebers N., Schramm H. Parasocial interactions and relationships with media characters : an inventory of 60 years of research. *Communication research trends*. 2019. – Vol. 38, N 2. – P. 4–31.

Makarov T. Obshchestvo travmy : mezhdru evolyuciej i revolyuciej (kruglyj stol) [Society of trauma : between evolution and revolution (a round table discussion)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2019. – N 6. – P. 3–14. – DOI 10.31857/S013216250005477-7 (In Russian)

Maltby J., Houran J., McCutcheon L.E. A clinical interpretation of attitudes and behaviors associated with celebrity worship. *Journal of nervous and mental disease*. – 2003. – Vol. 191, N 1. – P. 25–29.

Mikhailova N.V. Odinochestvo kak mezhdisciplinarnaya problema [Loneliness as an interdisciplinary problem]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* [Perm university herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. – 2018. – N 3. – P. 420–428. – DOI: 10.17072/2078-7898/2018-3-420-428. (In Russian)

Nabilla S.T.R., Prakoso H. Pengaruh loneliness terhadap parasocial relationship pada fansclub Wannable di Bandung. *Prosiding psikologi*. – 2019. – Vol. 5, N 1. – P. 95–102.

Nemirovsky V. G., Novikov A. S. Doverie naseleniya k institutam vlasti v kontekste parasocial'nyh otnoshenij v sovremennom rossijskom obshchestve [People's trust in authorities as a phenomenon of parasocial relations in modern Russian society]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki* [Bulletin of the Kemerovo state university. Series: Political, sociological and economic sciences]. – 2021. – Vol. 6, N. 4. – P. 453–462. – DOI: 10.21603/2500-3372-2021-6-4-453-462 (In Russian)

Novikov A.S. Emocional'nye processy v parasocial'nyh otnosheniyah : vozmozhnosti sociologicheskikh issledovanij [Emotional processes in parasocial relationships : the possibilities of sociological studies]. *Siberian socium* [Siberian socium]. – 2019. – Vol. 9, N 3. – P. 65–73. – DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-3-65-73 (In Russian)

Novikov A.S. Otnoshenie k vlasti kak parasocial'noe otnoshenie (opyt kachestvennykh sociologicheskikh issledovanij v sibirskih regionah) [Attitude to power as a parasocial attitude (the experience of qualitative sociological research in the Siberian regions)]. *Siberian socium* [Siberian socium]. – 2018. – Vol. 2, N 2. – P. 12 – 21. – DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-2-12-21 (In Russian)

Orestova V.R., Tkachenko D.P., Sokolova A.A. Perezhivanie odinochestva pol'zovatelyami razlichnykh social'nykh setej : vozrastnoj kontekst [The experience of loneliness by users of various social networks : age context]. *Vestnik RGGU. Seriya «Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie»* [RSUH/RGGU Bulletin. «Psychology. Pedagogy. Education» Series]. – N 2. – P. 31–53. – DOI: 10.28995/2073-6398-2020-2-31-53 (In Russian)

Parasocial relationships and depression among LGBQ emerging adults living with their parents during COVID-19 : the potential for online support / Woznicki N., Arriaga A.S., Caporale-Berkowitz N.A., Parent M.C. *Psychology of sexual orientation and gender diversity*. – 2021. – Vol. 8, N 2. – P. 228–237. – DOI: 10.1037/sgd0000458

Pokrovsky N.E., Ivanchenko G.V. *Universum odinochestva : sociologicheskie i psihologicheskie ocherki* [The universe of loneliness : sociological and psychological essays]. – Moscow : Logos, 2008. – 424 p. (In Russian)

Poverty and social exclusion in the new Russia / ed. by N. Manning, N.E. Tikhonova. – London : Routledge, 2017. – 303 p.

Primakov V.L., Sautina E.G. Odinochestvo studencheskoj molodezhi kak social'nyj fenomen [Loneliness of students as a social phenomenon]. *Vestnik MGLU. Obshchestvennye nauki* [Bulletin of Moscow state linguistic university. Social sciences]. – 2018. – Vol. 794, N 1. – P. 244–254. (In Russian)

Puzanova Z.V. «Odinochestvo» kak predmet empiricheskogo analiza [«Loneliness» as a subject of empirical analysis]. *Sociologiya : metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology : Methodology, methods, mathematical modeling (Sociology : 4m)]. – 2009. – N 29. – P. 132–154. (In Russian)

Puzanova Zh.V. Odinochestvo : vozmozhnosti empiricheskogo issledovaniya [Loneliness : the potential of empirical research]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya* [RUDN journal of sociology]. – 2008. – N 4. – P. 28–38. (In Russian)

Quinten S. Parasocial relationships with disliked television characters, depressive symptoms, and loneliness among older adults. *Journal of applied communication research*. – 2019. – Vol. 47, N 5. – P. 548–570. – DOI: 10.1080/00909882.2019.1679384

Samsonov T.S., Tkachenko D.P. Svyaz' sklonnosti k parasocial'nym otnosheniyam s osobennostyami mezhluchnostnyh otnoshenij s blizkimi lyud'mi u media pol'zovatelej [Connection of propensity to parasocial relationships with the peculiarities of interpersonal relationships with close people among media users]. *Cifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskij kontekst razvitiya cheloveka* [Digital society as a cultural and historical context of human development]. – Kolomna : State social and humanitarian university, 2022. – P. 252–257. (In Russian)

Schramm H., Hartmann T. The PSI-process scales : a new measure to assess the intensity and breadth of parasocial processes. *Communications*. – 2008. – N 33. – P. 385–401. – DOI: 10.1515/COMM.2008.025

Shabunova A.A., Kalachikova O.N., Leonidova G.V., Smoleva E.O. Eksklyuziya kak kriterij vydeleniya social'no uyazvimykh grupp naseleniya [Exclusion as a criterion for selecting socially vulnerable population groups]. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny : fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social changes : facts, trends, forecast]. – 2016. – Vol. 44, N 2. – P. 29–47. – DOI: 10.15838/esc.2016.2.44.2 (In Russian)

Stein J.-P., Liebers N., Faiss M. Feeling better... but also less lonely? An experimental comparison of how parasocial and social relationships affect people's

well-being. *Mass communication and society*. – 2022. – November 18. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/15205436.2022.2127369> (accessed: 01.06.2023).

Sztompka P. *Social'noe izmenenie kak travma* [Social change as a trauma]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2001. – N 1. – P. 6–14. (In Russian)

Tihonova I.Yu., Kravets A.S. Parasocial'nye otnosheniya v sovremennom mire [Parasocial relations in the modern world]. *Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya* [Proceedings of Voronezh state university. Series: Philosophy]. – 2022. – N 1. – P. 41–49. (In Russian)

Tikhonova N.E. Fenomen social'noj eksklyuzii v usloviyah Rossii [The phenomenon of social exclusion in Russia]. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. – 2003. – Vol. 12, N 1. – P. 36–84. (In Russian)

Toshchenko Zh.T. *Obshchestvo travmy : mezhdru evolyuciej i revolyuciej (opyt teoreticheskogo i empiricheskogo analiza)*. [Society of trauma : between evolution and revolution (experience of theoretical and applied analysis)]. – Moscow : Ves mir, 2020. – 352 p. (In Russian)

Volkov Yu.G. Obshchestvo travmy : poisk puti isceleniya (priglasenie k diskussii) [Society of trauma in search of healing (invitation to the discussion)]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. – 2020. – N 9. – P. 16–27. – DOI: 10.31857/S013216250009344-1 (In Russian)

Wang Q., Fink E.L., Cai D.A. Loneliness, gender, and parasocial interaction : a uses and gratifications approach. *Communication quarterly*. – 2008. – Vol. 56, N 1. – P. 87–109. – DOI: 10.1080/01463370701839057

What factors attract people to play romantic video games? / Koike M., Loughnan S., Stanton S.C.E., Ban M. *PLoS ONE*. – 2020. – Vol. 15, N 4. – P. e0231535. – DOI: 10.1371/journal.pone.0231535

КАЗАКОВА А.Ю.* ШИРОТА ОСВОЕННОГО ПРОСТРАНСТВА И ДРУЖЕСКИХ СВЯЗЕЙ СТУДЕНТОВ: ОПЫТ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ

Аннотация. Отталкиваясь от данных, указывающих на поступательное замещение интернет-общением общения реально-го, автором рассматривается вопрос о степени влияния интернет-среды не только на конфигурацию социальных связей горожан, но и на степень присвоения ими городского пространства. Методом социального картографирования соотносятся данные, выведенные из ментальных карт городского пространства (эмоционально нагруженные места и места, соответствующие местам проживания близких, встречам с друзьями офлайн), с данными, полученными путем прокладывания на интерактивных картах маршрутов реальных передвижений по методике «вчерашнего дня». Информантами (N=49) выступают студенты младших курсов, являющиеся уроженцами города Калуга и приезжими, что вызвало также проблематизацию различий, обусловленных жилищным статусом. Выявлена ярко выраженная зависимость широты освоенного реального пространства города от качества жилищных условий и количества совместно проживающих людей и отрицательная связь между этими условиями проживания и количеством имеющихся у студента реальных друзей. Постоянные жители города демонстрируют особую тенденцию перемещений, радиус которых тем уже, чем больше партнеров по виртуальному общению, причем худшее качество жилищных условий усиливает склонность к реальному об-

* Казакова Анна Юрьевна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; kazakova.a.u@yandex.ru

щению, а большее количество совместно проживающих стимулирует большую широту и разнообразие территориального поведения.

Ключевые слова: социальное картографирование; ментальная карта; маршрут перемещений; дружба онлайн и офлайн; жилище.

Для цитирования: Казакова А.Ю. Широта освоенного пространства и дружеских связей студентов : опыт картографирования // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11 : Социология. – 2023. – № 3. – С. 86–104. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.05

Статья поступила: 29.06.2023.

Принята к публикации: 15.07.2023.

KAZAKOVA A.Yu.** The breadth of the mastered space and friendly relations of students: mapping experience

Abstract. Starting from the data indicating a progressive replacement of real communication by Internet communication, the author considers the question of the degree of influence of the Internet environment not only on the configuration of social ties of citizens, but also on the degree of appropriation of urban space by them. The method of social mapping correlates data derived from mental maps of urban space (emotionally loaded places and places corresponding to the places of residence of loved ones, meetings with friends offline) with data obtained by the laying on interactive maps of the route of real movements according to the method of «yesterday». The informants (N=49) are junior students who are natives of Kaluga and visitors, which also caused the problematization of differences due to the housing status. A pronounced dependence of the breadth of the developed real space of the city on the quality of housing conditions and the number of people living together and a negative relationship between these living conditions and the number of real friends available to the student is revealed. Permanent residents of the city demonstrate a special tendency of movement, the radius of which is narrower the more virtual communication partners there are, and a worse quality of housing conditions increases the propensity for real communication,

** Kazakova Anna Yur'evna – Doctor of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; kazakova.a.u@yandex.ru

while a larger number of cohabiting people stimulates greater breadth and diversity of territorial behavior.

Keywords: social mapping; mental map; travel route; friendship online and offline; housing.

For citation: Kazakova A.Yu. The breadth of the mastered space and friendly relations of students : mapping experience *Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023 – N 3. – P. 86–104. DOI: 10.31249/tsoc/2023.03.05

Received: 29.06.2023.

Accepted: 15.07.2023.

Введение

Увеличение интенсивности пространственных перемещений, количества и разнообразия объектов посещения, частоты изменения положения в пространстве в течение одного дня неизбежно сопровождается увеличением социальных контактов горожан. Несмотря на то, что простые пространственные контакты носят случайный, анонимный, изменчивый характер, они несут огромное количество сенсорной и социальной информации, создающей перенасыщение и усталость. По этой причине более активный и мобильный человек имеет большее количество поверхностных или слабых социальных связей, но одновременно меньше ощущает потребность в них. Иллюзорное общение индивида с городской массой способно не только компенсировать одиночество, но и создавать его, отбирая время и силы, нужные для поддержания действительно важных, близких, прочных, теплых межличностных отношений.

Эти положения, известные в социологии города со времен Г. Зиммеля и Чикагской школы, в последние десятилетия пополняются многочисленными свидетельствами ингибирующего воздействия на межличностное и внутригрупповое общение современных цифровых технологий [Глухов, 2017]. Виртуальная среда снижает коммуникативную компетентность в реальном общении: подростки «плохо понимают значение невербальных компонентов общения, таких как мимика, интонация, позы и пр.; не улавливают настроение собеседника; не умеют рассказать о себе, поддержать

разговор на разные темы; не умеют определить уместную степень откровенности в разговоре; не умеют знакомиться в реальной жизни» [Клочкова, Хухлаева, 2018, с. 155]. О.В. Сергеева и Е.Г. Лактюхина, анализируя «проблему “расщепления” – увеличения числа технических посредников» [Сергеева, Лактюхина, 2019, с. 507] даже в детско-родительских отношениях, выделяют такие негативные аспекты цифровизации внутрисемейного межпоколенного общения, как снижение детской самостоятельности, сужение частного пространства и формирование «привычки быть наблюдаемым» [там же]. Авторы подчеркивают ценность независимой мобильности применительно к детям, но очевидно, что та же проблема, пусть и менее выраженная, существует и в отношениях супругов. Об интеграции цифровых технологий в жизнь современных подростков, которые полностью меняют социальную сущность отношений дружбы и представления о ней, пишут психологи [Дубовская, Жернакова, 2022] и педагоги [Солдатова, Олькина, 2016]. Большинство исследователей озвучивают сходные положения о том, что «виртуальное общение не вытеснило реальное, оно расширило его возможности, особенно в той части, которая касается нивелирования пространственно-временных ограничений контактов» [Гужова, Василец, 2016, с. 70]; что «Интернет-коммуникация еще не достигла такого развития, чтобы заменить общение с помощью реальных сетей. Так или иначе, для поддержания дружбы требуются реальные встречи» [Давиденко, 2022, с. 156]. Тем не менее очевидно уравнивание реальной и виртуальной дружбы в глазах молодого поколения, считающего наполнение аккаунта в соцсетях продолжением реальной жизни [Носова, Кужелева-Саган, 2016, с. 87]. Представители поколения «игрек» «стремятся сохранить баланс своего реального и виртуального Я, <...> со временем присутствие в социальных сетях приобретает более функциональный характер, обеспечивая пользователей возможностями поддерживать слабые связи, которые, в свою очередь, помогают им достигать профессиональных и других социально значимых целей» [там же]. Это означает устранение из дружбы как процесса социальных взаимодействий ряда элементов, несущих только эмоциональную нагрузку и не обязательных с точки зрения достижения прагматических целей. Например, «виртуализованная» дружба может включать совместный целенаправленный по-

ход куда-то в целях проведения досуга, но все организационные моменты (договоренности, координация и ориентация в пространстве и времени, оплата возможных расходов) будут предварительно осуществлены онлайн. Исследователи подчеркивают, что «оптимизация» межличностного общения, из которого устранены «издержки на поездки с целью общения и “доставку” знаков внимания офлайн <...> меняет структуру и схемы социального взаимодействия, в которых не киберреальность живет по законам физического мира, а физическое социальное пространство подстраивается под законы киберреальности» [Гужова, Василец, 2016, с. 73–74].

Возникает вопрос о влиянии, которое виртуализация дружбы и других видов межличностных отношений оказывает на степень и характер освоения физического пространства, явленного в социальном опыте личности или группы как совокупность значимых мест реализации деятельности. Это влияние соотносится с проблематикой формирования городской идентичности, социального включения и исключения, одиночества или самодостаточности.

Наиболее релевантной методикой представляется социальное картографирование, которое успешно применяется в социологии, психологии, антропологии города, в варианте построения ментальных карт городского пространства или его отдельных участков различными типами жителей [Глазков, 2013], часто в сочетании с глубинными интервью [Сорокина, 2009]. Главной категорией анализа в этом случае со времен К. Линча становится «связность» пространства, «воображаемость» (живость) отдельного его элемента, определяющаяся ролью, которую этот элемент выполняет по отношению к целому, и выраженная в частоте упоминания различными информантами [Линч, 1982]. Но при таком подходе место хоть и является «воображенным» человеком, в центре внимания находится именно оно, а не человек. Попыток объединения ментальных карт с социальным картографированием, как процессом отображения на физической карте человеческой деятельности или ее результатов, в социологии мало. Один из удачных примеров – работа К.П. Глазкова, который выстраивает целостный образ московского Китай-города с точки зрения его наполненности эмоционально насыщенными местами и типологии уличной активности путем нанесения на карту результатов наблю-

дения уличных практик (с позиции стороннего наблюдателя) в сочетании с анализом нарисованных информантами карт [Глазков, 2013].

Э.К. Наберушкина и Н.В. Сорокина демонстрируют опыт изучения самих виртуальных карт, построенных пользователями Сети, как факторов создания образа города и территориального поведения его жителей: «Инвалид-колясочник, посмотрев на свойства доступности инфраструктуры городского парка, совершает выбор: отправиться в другое место или остаться дома. Изучив свойства городских территорий, человек принимает решение о покупке жилья в определенном районе города. Картографирование городов, описания характеристик городских ландшафтов и выкладывание фотографий городских объектов на интернет-сайты ведут к конструированию виртуальных городов» [Наберушкина, Сорокина, 2012, с. 31]. Отдельные авторы указывают на существование зависимости между интенсивностью виртуальных межрегиональных дружеских контактов и разделяющим партнеров физическим расстоянием [Ивлиева, Яшунский, 2019]. Но в целом тема связи виртуальной и реальной дружбы с виртуальным и реальным освоением городского пространства остается неизученной.

Материалы и методы

В какой степени повторяют друг друга контуры освоенного городского пространства с точки зрения образа этого пространства и реальных маршрутов перемещений; насколько виртуальная дружба совпадает с реальными дружескими связями; есть ли зависимость между широтой реального и виртуального охвата индивидуумом городского пространства и широтой его реальных и виртуальных контактов; есть ли в этом отношении существенные различия между постоянными и временными жителями города – вопросы, определившие задачи предпринятого автором в апреле 2023 г. ментального и социального картографирования «пространственно-дружеских связей» студентов Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского.

Общее количество тестиовавшихся студентов составило 49 человек, в том числе 27 уроженцев Калуги и 22 приезжих. По полу выборка не выравнивалась, поскольку половозрастные раз-

личия в результатах с точки зрения близости виртуальных и реальных социальных связей и пространственных ориентиров играют значительно меньшую роль, чем различия социально-территориальные. Однако в обеих подвыборках присутствуют почти равные доли юношей: четверо уроженцев и трое приезжих. Возраст испытуемых одинаков (отбор проводился в реальных студенческих группах первого и второго курсов).

Первоначально студентам предлагалось рисование (карандаш–бумага) карты Калуги с выделением на ней мест, являющихся местами проживания друзей и близких, встреч с друзьями, памятными местами, где в прошлом происходило что-то важное для информанта. Фиксировался адрес проживания студента, количество и статус совместно проживающих с ним людей. Дополнительно выяснялось общее количество субъективно близких студенту людей, с которыми он периодически встречается, оказывает им помощь и сам может рассчитывать на ее получение, причем количество «онлайн-друзей» и «офлайн-друзей» подсчитывалось отдельно. После завершения процедуры студенты получали задание: вспомнив свой вчерашний день, создать в сервисе 2ГИС карту суточных перемещений с учетом всех, даже непродолжительных, остановок. День недели, к которому относились перемещения, также отмечался автором исходя из предположения о росте мобильности и возможного разнообразия посещенных объектов в выходные дни.

Анализ проводился по переменным, сведенным в таблицу 1, в целом по выборке и с разбиением по переменной «Территориальность».

Таблица 1

Словарь использованных переменных

Var	Имя	Источник данных	Категории
1	2	3	4
Var 1	Территориальность	Со слов	Некалужане / калужане
Var 2	Жилищные условия	По сверке адреса с характеристиками дома на интернет-сервисах	Студенческое общежитие / комната в бывшем общежитии или коммунальной квартире / отдельная квартира или дом

**Широта освоенного пространства и дружеских связей студентов:
опыт картографирования**

1	2	3	4
Var 3	«Сопроживающие»	Со слов	Посторонние люди (соседи) / члены семьи / только один из родителей / один студент(-ка)
Var 4	Друзья онлайн	Со слов	Количественная непрерывная (число)
Var 5	Друзья оффлайн	Со слов	Количественная непрерывная (число)
Var 6	Число объектов, нанесенных на ментальные карты Калуги	Ментальная карта	Количественная непрерывная (число)
Var 7	Число неповторяющихся объектов на карте реального маршрута	Карта маршрута	Количественная непрерывная (число)
В том числе:			
Var 7.1	Места, связанные с университетом (корпуса, площадки, кроме общежитий)	Карта маршрута	Количественная непрерывная (число)
Var 7.2	Жилые пространства (в городе и в общежитиях)	Карта маршрута	Количественная непрерывная (число)
Var 7.3	Торговые пространства (ТРЦ, магазины, рынки)	Карта маршрута	Количественная непрерывная (число)
Var 7.4	Концертные пространства (филармония, театры, галереи, выставочные залы, музыкальные бары и пр.)	Карта маршрута	Количественная непрерывная (число)
Var 7.5	Рекреационные пространства (парки, скверы, набережная, бор и пр.)	Карта маршрута	Количественная непрерывная (число)
Var 7.6	Зоны перемещений (остановочные павильоны, кассы, вокзалы, транспортные магистрали)	Карта маршрута	Количественная непрерывная (число)

1	2	3	4
Var 7.7	Общепит (кафе, бары, рестораны, столовые)	Карта маршрута	Количественная непрерывная (число)
Var 8	Радиус перемещений	Карта маршрута	В пределах квартала / района / города / пригородные и междугородные перемещения
Var 9	День недели	Со слов	Будний / выходной

Надежность построенных шкал оценивалась с помощью альфы Кронбаха. Различия между двумя подгруппами и их значимость определялись по U-критерию Манна-Уитни. Для оценки связи между переменными использовались коэффициенты корреляции Спирмена (так как распределения не соответствуют нормальному).

Все наблюдения целиком валидны. Во всех процедурах анализа установленный уровень значимости 0,05.

Результаты исследования

Вопреки ожиданиям, непараметрическая проверка не показала значимых различий между разнообразием и широтой студенческих перемещений в будние и выходные дни. Это важный отрицательный результат, который требует более пристального внимания в рамках дальнейших исследований темы на большой репрезентативной выборке. Его подтверждение укажет на перестройку всей структуры социального времени современной студенческой молодежи в сторону его большей унификации и рутинизации.

Рассматривая различия и сходства между двумя подвыборками студентов, мы также обнаруживаем и унификацию территориального поведения, и унификацию контактов (см. рисунок 1, представляющий итоги проверки нулевых гипотез о равенстве распределений в подвыборках). Нулевые гипотезы ожидаемо приняты для обеих переменных, характеризующих виртуальное поведение (количество друзей в социальной сети и степень детализации образа городского пространства). Неожиданным стало

уподобление реальных маршрутов (асимптотическая значимость критерия 0,777, критерий двусторонний).

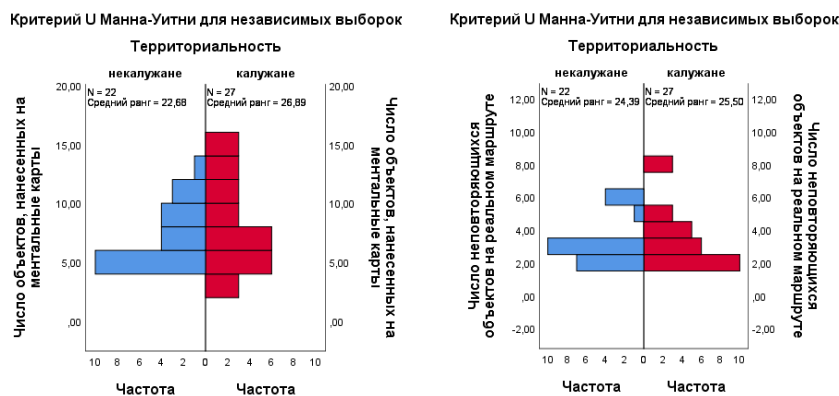

Рисунок 1

Уподобление является очевидным следствием виртуализации значительной доли студенческих взаимодействий. У абсолютного большинства студентов, независимо от места жительства, курса и типа жилья, количество близких виртуальных связей в среднем в полтора раза больше, чем связей реальных.

Как видно из таблицы 2, числа офлайн- и онлайн-друзей связаны умеренно тесной двусторонней связью, а большее количество онлайн-друзей предполагает и большее количество удерживаемых в памяти объектов городского пространства. Они же, в свою очередь, связаны с большим числом реально посещенных информантом мест. Вопреки ожиданиям, число этих мест, равно как широта или узость, компактность их расположения в пространстве не имеет связи с численностью реальных дружеских связей, но стремится к увеличению по мере улучшения жилищных условий.

Таблица 2

Корреляции (го Спирмена) в целом по выборке

Var	Статистики	Var 2	Var 3	Var 4	Var 5	Var 6	Var 7	Var 8
Var 2	го	1,000	,861**	-0,162	-0,141	0,116	,347*	,308*
	Знач. (2-сторонняя)		0,000	0,265	0,336	0,428	0,015	0,032
	n	49	49	49	49	49	49	49
Var 3	го	,861**	1,000	-0,057	-0,021	0,037	-0,049	0,221
	Знач. (2-сторонняя)	0,000		0,698	0,886	0,799	0,737	0,127
	n	49	49	49	49	49	49	49
Var 4	го	-0,162	-0,057	1,000	,397**	,359*	-0,090	-0,161
	Знач. (2-сторонняя)	0,265	0,698		0,005	0,011	0,538	0,270
	n	49	49	49	49	49	49	49
Var 5	го	-0,141	-0,021	,397**	1,000	-0,092	-0,263	-0,271
	Знач. (2-сторонняя)	0,336	0,886	0,005		0,531	0,068	0,060
	n	49	49	49	49	49	49	49
Var 6	го	0,116	0,037	,359*	-0,092	1,000	,312*	-0,281
	Знач. (2-сторонняя)	0,428	0,799	0,011	0,531		0,029	0,050
	n	49	49	49	49	49	49	49
Var 7	го	,347*	-0,049	-0,090	-0,263	,312*	1,000	0,203
	Знач. (2-сторонняя)	0,015	0,737	0,538	0,068	0,029		0,162
	n	49	49	49	49	49	49	49
Var 8	го	,308*	0,221	-0,161	-0,271	-0,281	0,203	1,000
	Знач. (2-сторонняя)	0,032	0,127	0,270	0,060	0,050	0,162	
	n	49	49	49	49	49	49	49

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Отмеченная связь территориального поведения с жилищными условиями, равно как итоги непараметрической проверки, все же указывают на важные различия между двумя подгруппами студентов, но не в количественном (интенсивность перемещений и насыщенность контактов), а в качественном отношении.

Калужане, как показывает сравнение средних с применением однофакторного дисперсионного анализа (проверка статистической значимости различий – по F-критерию), намного аккуратней посещают учебные университетские пространства и чаще наносят визиты в жилые дома, расположенные в различных районах города. Последнее важно, поскольку категория жилых пространств включала и университетские общежития – специально, чтобы по-

гасить различия между институциональным и частным жильем и частотой присутствия в университетских пространствах. Нужно отметить, что, судя по письменным комментариям студентов к ранее составленным ментальным картам, которые частично совпадают с картами маршрутов, из студенческих перемещений исчез такой тип досуга, как «поход в гости к другу домой». Поквартирные посещения, по-видимому, носят ритуальный («навестить бабушку») или экономический («отнести тете банки») характер. Кроме того, калужане вдвое чаще посещают предприятия торговли и торгово-развлекательные центры.

Некалужане досконально осваивают транспорт и объекты транспортной инфраструктуры, самые разнообразные предприятия общепита и социально-культурные учреждения (среди них выделены драмтеатр, филармония с прилегающим к нему сквером и выставочный зал Дома музыки). Эти три категории объектов на маршрутах уроженцев города отсутствуют.

Обе группы активно используют общедоступные рекреационно-прогулочные зоны (парки, бор, набережная и пр.) и, хотя калужане делают это несколько чаще, существенных межгрупповых различий не наблюдается.

Соответственно, результаты проверки пригодности составленной шкалы с опорой на критерий альфы Кронбаха указывают на то, что для подгруппы некалужан максимальная надежность 0,964 достигается при усечении шкалы до четырех пунктов: «Тип жилья», «Количество сопроживающих», «Использование объектов транспортной инфраструктуры», «Посещение общепита». Для подгруппы калужан надежно (на уровне 0,966) связаны друг с другом только два пункта: «Число неповторяющихся объектов на реальном маршруте» и «Использование торгово-развлекательных пространств». Для выборки же в целом (без разбиения по переменной «Территориальность») максимальная надежность (0,897) достигается при сохранении в шкале только трех пунктов: «Тип жилья», «Число неповторяющихся объектов на реальном маршруте» и «Использование торгово-развлекательных пространств».

Сравнение этих статистик подсказывает, что интенсивность освоения городского пространства на раннем этапе академической миграции перестает направляться чувством одиночества. Если в досетевую эпоху переезд к месту учебы означал резкое изменение,

а поначалу и резкое сужение среды социального общения, компенсировать его могло присутствие в публичных пространствах. В эпоху тотальной цифровизации чувство потерянности, дезориентации, утраты привычных форм общения и партнеров сглаживаются сохранностью онлайн-связей с близкими. Главным стресс-фактором становится жилищная среда и коммунальный образ жизни. Сказанное подтверждает корреляционный анализ с разбивкой на подвыборки (см. таблицу 3).

Таблица 3

Корреляции (rо Спирмена) с разбивкой на подгруппы

Под-группа	Var	Статистики	Var 2	Var 3	Var 4	Var 5	Var 6	Var 7	Var 8	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
некалужане	Var 2	го	1,00	1,00**	-0,23	-,62**	-0,34	,72**	,74**	
		Значимость			0,31	0,00	0,12	0,00	0,00	
		n	22	22	22	22	22	22	22	
	Var 3	го	1,00**	1,00	-0,23	-,62**	-0,34	,72**	,74**	
		Значимость			0,311	0,00	0,12	0,00	0,00	
		n	22	22	22	22	22	22	22	
	Var 4	го	-0,23	-0,23	1,00	0,19	,60**	0,05	-0,01	
		Значимость	0,31	0,31		0,41	0,00	0,83	0,97	
		n	22	22	22	22	22	22	22	
	Var 5	го	-,62**	-,62**	0,19	1,00	-0,19	-,54**	-0,38	
		Значимость	0,00	0,00	0,41		0,41	0,01	0,08	
		n	22	22	22	22	22	22	22	
	Var 6	го	-0,34	-0,34	,60**	-0,19	1,00	-0,15	-0,41	
		Значимость	0,12	0,12	0,00	0,41		0,52	0,06	
		n	22	22	22	22	22	22	22	
	Var 7	го	,72**	,72**	0,05	-,54**	-0,15	1,00	0,35	
		Значимость	0,00	0,00	0,83	0,01	0,52		0,11	
		n	22	22	22	22	22	22	22	
	Var 8	го	,74**	,74**	-0,01	-0,38	-0,41	0,35	1,00	
		Значимость	0,00	0,00	0,97	0,08	0,06	0,11		
		n	22	22	22	22	22	22	22	
	калужане	Var 2	го	1,00	,46*	-0,24	-,40*	,40*	0,26	-0,31
			Значимость		0,02	0,23	0,04	0,04	0,20	0,12
			n	27	27	27	27	27	27	27
Var 3		го	,46*	1,00	-0,07	-0,37	-0,01	-,61**	-0,12	
		Значимость	0,02		0,72	0,06	0,96	0,00	0,55	
		n	27	27	27	27	27	27	27	

**Широта освоенного пространства и дружеских связей студентов:
опыт картографирования**

2	3	4	5	6	7	8	9	10
Var 4	го	-0,24	-0,07	1,00	,81**	0,17	-0,14	-,50**
	Значимость	0,23	0,72		0,00	0,41	0,50	0,01
	n	27	27	27	27	27	27	27
Var 5	го	-,40*	-0,37	,81**	1,00	-0,04	-0,10	-0,32
	Значимость	0,04	0,06	0,00		0,83	0,62	0,11
	n	27	27	27	27	27	27	27
Var 6	го	,40*	-0,01	0,17	-0,04	1,00	,65**	-0,14
	Значимость	0,04	0,96	0,41	0,84		0,00	0,49
	n	27	27	27	27	27	27	27
Var 7	го	0,26	-,61**	-0,13	-0,10	,65**	1,00	-0,01
	Значимость	0,20	0,00	0,50	0,63	0,00		0,97
	n	27	27	27	27	27	27	27
Var 8	го	-0,31	-0,12	-,50**	-0,32	-0,14	-0,01	1,00
	Значимость	0,12	0,55	0,01	0,11	0,49	0,97	
	n	27	27	27	27	27	27	27

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

У некалужан коллективный тип жилья и линейно связанное с ним большое количество совместно проживающих соседей создают мощные предпосылки для живого общения (Var 5), еще сильнее расширяют и разнообразят перемещения (Var 7, 8), и наоборот (корреляция двусторонняя). У калужан ситуация иная: чем больше жилищная автономия семьи, тем меньше количество в нем проживающих и меньше, как и у приезжих, круг друзей, но больше число удерживаемых в памяти объектов городского пространства, выше детализация ментальной карты, тогда как на реальных перемещениях жилищные условия не сказываются. У калужан дружба онлайн часто перетекает в офлайн, а у некалужан такой возможности или желания нет, и социальные связи онлайн и офлайн представляют два изолированных жизненных мира. У некалужан сокращение живого межличностного общения с близкими вызывает увеличение живого посещения (Var 7), а у калужан такой потребности и реакции нет. Онлайн-общение дополняет у некалужан образ города, насыщая его значимыми местами (Var 4–6), а у калужан оно растет вместе с увеличением жилищной автономии и реальных перемещений (Var 2 и 7). Наконец, радиус перемещений некалужан тем больше, чем лучше их жилищные условия (т.е., студенты снимают жилье или ежедневно ездят домой) и меньше

количество совместно проживающих, а у калужан – тем больше, чем меньше у них онлайн-друзей.

Выводы

Сочетание методик ментального и социального картографирования продуктивно для выявления самых разных типов взаимодействий горожан с городским пространством и друг с другом как в объективной, так и в объективно-субъективной проекции. Акцент может быть смещен с партнеров по общению и точек его выхода в реальное физическое пространство на тот или иной набор городских благ, ресурсов, функциональных зон, пользователями и посетителями которых (в том числе виртуальными, как в случае музеев, выставочных пространств, библиотек и пр.) являются разные категории населения.

Наш материал указывает на выраженную зависимость широты реальных перемещений и освоенных объектов городского пространства от жилищных условий и, соответственно, городского статуса информантов. Виртуальное же освоение города, выраженное в количестве удерживаемых в памяти значимых объектов, связано прежде всего с числом виртуальных друзей. Контакты онлайн увеличивают и контакты офлайн, равно как число знакомых виртуальных пространств коррелирует с числом реально посещаемых объектов.

Потребность в живых встречах с друзьями и у калужан, и – особенно – у некалужан тем выше, чем хуже их жилищные условия и чем больше количество проживающих с ними совместно людей, независимо от родственных отношений. Однако студенты, проживающие в городе с рождения, демонстрируют особенные черты территориального поведения по сравнению со студентами, которые только осваивают новые пространства. Онлайн-общение уроженцев города явно подавляет широту и разнообразие перемещений, а связь между числом онлайн- и оффлайн-друзей у них очень сильная и двусторонняя. Резкое отличие приезжих заключается в отсутствии этой связи. Для приезжих именно городская среда становится компенсацией дефицита общения. Поэтому только на картах их маршрутов встречаются такие объекты посещения, как предприятия общественного питания, социально-культурные

учреждения и многочисленные транзитные зоны, отсутствующие у оседлых калужан (остановочные павильоны, точки сбора при поездках через BlaBlaCar, киоски с шаурмой и выпечкой у остановочных пунктов общественного транспорта, билетные кассы). Уроженцев города жилищная стесненность стимулирует и к «живому» общению, и к «живому» посещению городских пространств, но развитая сеть онлайн-контактов существенно сдерживает и то, и другое. В отличие от них, некалужане дополнительно расширяют радиус своих перемещений и число посещаемых объектов именно тогда, когда их жилищные условия улучшаются.

Таким образом, поскольку многие черты территориального поведения молодежи, по-видимому, опосредованы типом и характером жилья. Обнаруживается еще одно существенное преимущество примененной методики картографирования по сравнению с традиционным опросом. Это преимущество состоит в возможности самостоятельно, благодаря интерактивным картам, получить подробные характеристики жилищных условий, вплоть до внешнего вида и состояния придомовых территорий и подходов к дому, при переключении карт в режим панорамы. Это избавляет респондентов от признаний в принадлежности к «стигматизированным» пространствам типа бывших общежитий в неблагополучных районах города, а также от необходимости интересоваться наличием, основаниями использования «второго жилья», если картографирование маршрута применяется после построения ментальной карты, где уже обозначены места раздельного проживания родителей, бабушек, супругов или возлюбленных.

Список литературы

Глазков К.П. Экскурсия по городу : ментальные карты как инструмент изучения образа города // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2013. – № 5 (117). – С. 136–151.

Глухов А.П. От симпатии к лайкингу, от любви к вирту, от дружбы к френдингу, от вражды к троллингу, от приверженности к фолловингу : региональный аспект трансформации фреймов межличностной коммуникации в виртуальном пространстве социальных сетей (на материале анализа коммуникаций нового сетевого поколения студенческой молодежи г. Томска) : отчет о НИР № 16-13-70004 / Российский гуманитарный научный фонд. – 2017. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53797159&ysclid=lp8hbasbt779580206>

Гужова И.В., Василец М.И. Трансфер межличностной коммуникации в социальные сети общения как повседневная практика современной молодежи // Социальные сети как площадка организации межличностных коммуникаций и перформанса идентичности цифрового поколения : сборник материалов исследования. – Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2016. – С. 64–77.

Давиденко В.А. Дружеские отношения современной российской молодежи : реальные и виртуальные сети // Наукосфера. – 2022. – № 6, ч. 1. – С. 152–157.

Дубовская Е.М., Жернакова Д.А. Сравнительный анализ понятий «реальной» и «виртуальной» подростковой дружбы // Новые психологические исследования. – 2022. – Т. 2, № 3. – С. 110–133.

Ивлиева О.Д., Яцунский А.Д. О расстояниях, которых не знает дружба // Городские исследования и практики. – 2019. – Т. 4, № 1 (14). – С. 64–76.

Клочкова С.В., Хухлаева О.В. Общение в социальных сетях как фактор эмоционального благополучия подростков // Психологическое благополучие современного человека : материалы Международной заочной научно-практической конференции, Екатеринбург, 11 апреля 2018 года / отв. ред. С.А. Водяха. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2018. – Т. 2. – С. 154–160.

Линч К. Образ города. – Москва : Стройиздат, 1982. – 328 с.

Наберушкина Э.К., Сорокина Н.В. Картографирование доступности городской среды: аспекты социального неравенства // Журнал исследований социальной политики. – 2012. – Т. 10, № 1. – С. 27–42.

Носова С.С., Кузнецова-Саган И.П. «Место встречи» отключить нельзя : поколение Y в социальных сетях // Социальные сети как площадка организации межличностных коммуникаций и перформанса идентичности цифрового поколения : сборник материалов исследования. – Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2016. – С. 78–87.

Сергеева О.В., Лактюхина Е.Г. Социальные аспекты цифровизации детской городской мобильности // Журнал исследований социальной политики. – 2019. – Т. 17, № 4. – С. 507–524.

Солдатова Г.У., Олькина О.И. Дружба в реальном и виртуальном мире : взгляд российских школьников // Academia. Педагогический журнал Подмосквья. – 2016. – № 3 (9). – С. 39–47.

Сорокина Н. Субъективные маршруты: когнитивные карты транспортных путей современных горожан // Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П. Романова, Е. Ярославской-Смирновой. – Москва : ООО «Вариант» : ЦСПГИ, 2009. – С. 82–96.

References

Davidenko V.A. Druzheskie otnosheniya sovremennoj rossijskoj molodezhi : real'nye i virtual'nye seti [Friendly relations of modern Russian youth : real and virtual

networks]. *Naukosfera* [The sphere of science]. – 2022. N 6, p. 1. – P. 152–157. (In Russian)

Dubovskaya E.M., Zhernakova D.A. Sravnitel'nyj analiz ponyatij “real'noj” i “virtual'noj” podrostkovoju družby [Comparative analysis of the concepts of “real” and “virtual” teenage friendship]. *Novye psichologicheskie issledovaniya* [New psychological research]. – 2022. – Vol. 2, N 3. – P. 110–133. (In Russian)

Glazkov K.P. Ekskursiya po gorodu : mental'nye karty kak instrument izucheniya obraza goroda [City tour : mental maps as a tool for studying the image of the city]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya : ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring public opinion : economic and social changes]. – 2013. – N 5 (117). – P. 136–151. (In Russian)

Glukhov A.P. *Ot simpatii k lajkingu, ot lyubvi k virtu, ot družby k frendingu, ot vrazhdy k trollingu, ot priverzhennosti k follovingu : regional'nyj aspekt transformacii frejmov mezhlichnostnoj kommunikacii v virtual'nom prostranstve social'nyh setej (na materiale analiza kommunikacij novogo setevogo pokoleniya studencheskoj molodezhi g. Tomsk)* [From liking to liking, from love to virtual, from friendship to friendship, from hostility to trolling, from commitment to following: a regional aspect of the transformation of interpersonal communication frames in the virtual space of social networks (based on the analysis of communications of the new network generation of Tomsk students)]. – Rossijskij gumanitarnyj nauchnyj fond [Russian humanitarian scientific foundation]. – 2017. – Research report N 16-13-70004. (In Russian)

Guzhova I.V., Vasilets M.I. Transfer mezhlichnostnoj kommunikacii v social'nye seti obshcheniya kak povsednevnyaja praktika sovremennoj molodezhi [Transfer of interpersonal communication to social networks of communication as a daily practice of modern youth]. *Social'nye seti kak ploshchadka organizacii mezhlichnostnyh kommunikacij i performansa identichnosti cifrovogo pokoleniya : sbornik materialov issledovaniya* [Social networks as a platform for organizing interpersonal communications and performance of the identity of the digital generation : a collection of research materials]. – Tomsk : National research Tomsk state university, 2016. – P. 64–77. (In Russian)

Ivlieva O.D., Yashunsky A.D. O rasstoyaniyah, kotoryh ne znaet družba [About distances that friendship does not know]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban studies and practices]. – 2019. – Vol. 4, N 1 (14). – P. 64–76. (In Russian)

Klochkova S.V., Khukhlaeva O.V. Obshtenie v social'nyh setyah kak faktor emocional'nogo blagopoluchiya podrostkov [Communication in social networks as a factor of emotional well-being of adolescents]. *Psichologicheskoe blagopoluchie sovremennogo cheloveka : materialy Mezhdunarodnoj zaочноj nauchno-praktičeskoj konferencii, Ekaterinburg, 11 aprelya 2018 goda* [Psychological well-being of a modern person : materials of the International correspondence scientific and practical conference, Yekaterinburg, April 11, 2018]. Ed. by S.A. Vodiha. – Vol. 2. – Yekaterinburg : Ural state pedagogical university, 2018. – P. 154–160. (In Russian)

Lynch K. *Obraz goroda* [The image of the city]. – Moscow : Stroyizdat, 1982. – 328 p. (In Russian)

Naberushkina E.K., Sorokina N.V. Kartografirovanie dostupnosti gorodskoj sredy : aspekty social'nogo neravenstva // *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [The journal of social policy research]. – 2012. – Vol. 10, N 1. – P. 27–42. (In Russian)

Nosova S.S., Kuzheleva I.P. «Mesto vstrechi» otklyuchit' nel'zya : pokolenie Y v social'nyh setyah [«The meeting place» cannot be turned off : generation Y in social networks]. *Social'nye seti kak ploshchadka organizacii mezhlchnostnyh kommunikacij i performansa identichnosti cifrovogo pokoleniya : sbornik materialov issledovaniya* [Social networks as a platform for organizing interpersonal communications and performance of the identity of the digital generation : a collection of research materials]. – Tomsk : National research Tomsk state university, 2016. – P. 78–87. (In Russian)

Sergeeva O.V., Laktyukhina E.G. Social'nye aspekty cifrovizacii detskoj gorodskoj mobil'nosti [Social aspects of digitalization of children's urban mobility]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [Journal of social policy research]. – 2019. – Vol. 17, N 4. – P. 507–524. (In Russian.)

Soldatova G.U., Olkina O.I. Druzhiba v real'nom i virtual'nom mire : vzglyad rossijskih shkol'nikov [Friendship in the real and virtual world : the view of Russian schoolchildren]. *Academia. Pedagogicheskij zhurnal Podmoskov'ya* [Academia. Pedagogical journal of the Moscow region]. – 2016. – N 3 (9). – P. 39–47. (In Russian)

Sorokina N. Sub'ektivnye marshruty : kognitivnye karty transportnyh putej sovremennyh gorozhan [Subjective routes : cognitive maps of transport routes of modern citizens]. *Vizual'naya antropologiya : gorodskie karty pamyati* [Visual anthropology : urban memory maps]. Ed. by P. Romanov, E. Yarskaya-Smirnova. – Moscow : OOO «Variant» ; TSSPGI, 2009. – P. 82–96. (In Russian)

ДОЛГОВ А.Ю.* РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: YANG K. LONELINESS: A SOCIAL PROBLEM. – LONDON: ROUTLEDGE, 2020. – XI, 240 p. [ЯН К. ОДИНОЧЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА]

Аннотация. Книга ассоциированного профессора Даремского университета (Великобритания) Кэмина Яна посвящена социологическому изучению одиночества. Он показывает, что истоки одиночества всегда лежат в социальном мире, а его последствия проявляются как на индивидуальном, так и на социальном уровнях. Различая типы одиночества (loneliness, aloneness, solitude) К. Ян отмечает, что для возникновения одиночества как негативной эмоции необходимы объективные формы социальных отношений и их субъективные интерпретации. Автор проводит сравнительный социальный анализ по странам, фиксируя различия в распространенности в них одиночества, проверяет связь одиночества с различными переменными (возраст, гендер, уровень дохода и др.) и формулирует рекомендации о том, как с ним бороться.

Ключевые слова: одиночество; жизнь в одиночку; уединение; социальные отношения; сравнительный социальный анализ.

Для цитирования: Долгов А.Ю. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 3. – С. 105–116. Рец. на кн. : Yang K. Loneliness : a social problem. – London : Routledge, 2020. – XI, 240 p. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.06

* Долгов Александр Юрьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН, старший преподаватель департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; dolgovalexandr@yandex.ru

Рецензия поступила: 15.07.2023.

Принята к публикации: 30.07.2023.

DOLGOV A. Yu. ** Book review: Yang K. Loneliness: a social problem

Abstract. The book by Keming Yang, associate professor at Durham University (UK), is devoted to the sociological study of loneliness. He shows that the origins of loneliness always lie in the social world, and its consequences can be seen at both individual and social levels. Distinguishing types of loneliness Yang notes that objective forms of social relations and their subjective interpretations are necessary for the emergence of loneliness as a negative emotion. The author conducts a comparative social analysis across countries, registering differences in the prevalence of loneliness in them, checks the relationship of loneliness with various variables (age, gender, income level, etc.), and offers recommendations on how to stop loneliness.

Keywords: loneliness; aloneness; solitude; social relations; comparative social analysis.

For citation: Dolgov A.Yu. [Book review]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 3. – P. 105–116. Book review : Yang K. Loneliness : a social problem. – London : Routledge, 2020. – XI, 240 p. DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.06

Received: 15.07.2023.

Accepted: 30.07.2023.

Одиночество воспринимается как явление, знакомое и понятное каждому. Но одиночество нельзя недооценивать и поверхностно относиться к его глубинным социальным причинам и многообразию его социальных последствий. Хотя тема одиночества в неявном виде содержится во многих социологических исследова-

** Dolgov Aleksandr Yur'ievich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Senior Lecturer of the Department of Sociology, National Research University «Higher School of Economics»; dolgovalexandr@yandex.ru

ниях, начиная с периода институционализации социологии как самостоятельной науки, ее нельзя назвать центральной для социологов. Последние годы дискуссии об одиночестве, с одной стороны, строились вокруг внимания к возрастающим ценностям «индивидуальной свободы», «личностного развития» и «жизни для себя», ориентируясь на которые, люди больше не привязаны к той или иной форме социальных отношений (брачных, дружеских, соседских, детско-родительских и т.д.). Так, популярным стал принцип «жизни соло», который призван продемонстрировать, что прежние формы коллективной жизни ушли в прошлое и людям больше необязательно разделять свою жизнь с другими, чтобы чувствовать себя счастливыми, успешными и самодостаточными. С другой стороны, тема одиночества актуализировалась во время и после пандемии COVID-19 с ее вынужденными изоляцией и сокращением социальных контактов. Чувство одиночества с сопутствующими ему депрессией, тревогой, страхами стали глобальной проблемой, на которую снова обратили внимание как политики, так и ученые. В таком противоречивом наборе разных смыслов одиночества помогает разобраться книга ассоциированного профессора Даремского университета (Великобритания) Кэмина Яна «Одиночество как социальная проблема» [Yang, 2020].

Предисловие начинается с признания автора в том, что ему знаком негативный опыт переживания одиночества: от тех моментов, когда в детстве с ним никто не хотел идти по пути вместе после школы и когда ему подолгу приходилось оставаться дома без родителей, до неприятных чувств из-за переезда в другую страну или из-за отказа в приеме на работу [Yang, 2020, p. IX]. Такое эмоциональное отношение к объекту исследования поначалу настораживает, однако К. Ян уверяет, что он стремится сохранить объективность и нейтральность во всех главах, кроме последней, где даются рекомендации тем, кому приходится сталкиваться с одиночеством [ibid., p. 185]. В целом в книге последовательно ставятся и проверяются гипотезы с помощью сравнительного и статистического анализа, и автор действительно внимательно относится к эмпирической проверяемости своих высказываний. Стоит также отметить, что книга К. Яна предназначена как для профессиональных исследователей, так и для широкой публики, поэтому он целенаправленно сделал ее содержание наиболее доступным и пред-

ставил используемые им статистические данные в понятных графиках и таблицах.

Для понимания одиночества К. Ян применяет «социологическое воображение», чтобы посмотреть на свой личный опыт в социальном контексте, как это предлагал делать Ч.Р. Миллс. Основная часть работ, посвященных одиночеству, написаны психологами, психиатрами и исследователями в области медицины, здоровья и старения, и в них одиночество обычно рассматривается как индивидуальная проблема. Но идея книги К. Яна состоит в том, что одиночество изначально и по своей сути – социальная проблема, поскольку оно является «психической реакцией на нереализованные, неудовлетворяющие или враждебные социальные отношения» [Yang, 2020, p. X]. Социологический подход призван расширить существующие исследования одиночества как индивидуальной и психологической проблемы.

В первой главе книги К. Ян разбирается с определениями одиночества и объясняет, почему он считает его распространение проблемой. Затруднения в ответе на вопрос «Что такое одиночество?» во многом появляются из-за того, что слово «одиночество» широко используется в повседневном языке и можно найти много его значений. Анализируя различные дефиниции, К. Ян показывает, что одиночество, с одной стороны, социально в том смысле, что оно возникает из-за отсутствия социальных связей и удовлетворяющих социальных отношений, с другой – оно индивидуально, поскольку возникает из-за переживания особого состояния. Отсюда следует важное различие между *aloneness* и *loneliness*, которое есть в английском языке. *Loneliness* (быть одиноким) является эмоцией, переживанием и, следовательно, субъективно, а *aloneness* (быть одному, жить в одиночку) относится к физической ситуации и, следовательно, объективно. При этом *aloneness* может быть причиной *loneliness*, а может и не быть [Yang, 2020, p. 2–3], т.е. быть одному не обязательно означает быть одиноким. Кроме того, К. Ян выделяет *solitude* (уединение), т.е. выбранное, добровольное или предпочтительное состояние быть одному [ibid., 3]. Таким образом, исследователям нужно учитывать, что существуют разные типы одиночества, и что у каждого типа свои причины и условия возникновения.

К. Ян описывает одиночество одновременно как универсальное и специфическое явление. Оно универсально, поскольку социальные отношения везде и постоянно меняются на протяжении жизни человека; оно специфично, поскольку существует большое разнообразие типов социальных отношений, а их интерпретации будут отличаться от одного человека к другому и от одного момента времени к другому. Таким образом, для возникновения одиночества как негативной эмоции необходимы как объективные формы социальных отношений, так и субъективные интерпретации и оценки [Yang, 2020, p. 3–4]. На протяжении жизни человек всегда будет сталкиваться с трансформацией своих социальных отношений (переезд, смена работы, развод, выход на пенсию, смерть близких и т.д.), поэтому одиночество когда-либо предстоит испытать почти всем. К слову, такой же подход к определению одиночества мы можем увидеть в историко-философской и историко-социологической работе Н.Е. Покровского и Г.В. Иванченко [Покровский, Иванченко, 2008, с. 11–12, 27].

Описывая одиночество как проблему, К. Ян отмечает, что, во-первых, оно само по себе является болезненным психическим переживанием, а во-вторых, такое переживание может нанести вред нашему разуму и телу [Yang, 2020, p. 4–5]. По сути, речь идет о различиях последствий одиночества первого и второго порядка. Анализируя последствия второго порядка, автор рассматривает связь одиночества с такими болезнями и патологическими состояниями, как рак, депрессия, алкоголизм и наркозависимость, сердечные болезни, булимия. Однако он подчеркивает, что связь между одиночеством и этими медицинскими проблемами следует понимать как вероятностную, а не как детерминированную. Причинно-следственная цепочка, ведущая от одиночества к конкретному заболеванию, довольно длинная, сложная и неопределенная, и науке еще предстоит пройти долгий путь перед тем, как будут установлены точные условия, при которых у одиноких людей может развиться то или иное заболевание [ibid., p. 9–10].

Помимо затруднений работы с понятием одиночества К. Ян также указывает на сложность его измерения. Он заключает, что эмпирические исследования одиночества в целом остаются неудовлетворительными, поскольку измерение одиночества остается грубым и ограниченным [Yang, 2020, p. 20]. Автор делает такой

вывод на основе проанализированных данных, которые показывают, что распространенность одиночества сильно варьируется от страны к стране и от одной группы людей к другой, что как будто бы ставит под сомнение предыдущее утверждение об универсальности одиночества. Например, по данным Европейского социального исследования (ESS) 2014 г., на вопрос «Как часто вы чувствовали себя одиноким на прошлой неделе?» 74,99% респондентов из Великобритании ответили «Никогда или почти никогда». Часто чувствовали себя одинокими 5,11% опрошенных. Такие результаты сильно расходятся с исследованием Фонда психического здоровья Великобритании, проведенным в 2010 г. По их данным только 22% респондентов никогда не чувствовали себя одинокими, а 11% часто чувствовали себя одинокими. Почти половина (48%) опрошенных в этом исследовании ответили, что люди в Великобритании становятся все более одинокими, а более трети (37%) знали близких друзей или членов семьи, которые были очень одиноки [ibid., p. 18]. Также стоит отметить, что пока недостаточно эмпирических социологических исследований, в которых бы измерялись различные характеристики одиночества, например частота, продолжительность, интенсивность.

Чтобы детальнее взглянуть на проблему одиночества и объяснить подобные различия, возникающие в эмпирических исследованиях, К. Ян предлагает сфокусироваться на социальных источках одиночества. Этому посвящена вторая глава книги. Конечно, довольно странно, что социологи меньше интересовались одиночеством по сравнению с некоторыми другими научными дисциплинами. Поэтому К. Ян амбициозно нацелен запустить новый виток социологических исследований одиночества.

Беглый обзор теорий одиночества в классической социологии в целом подтверждает тезис о непопулярности этой темы. Как считает К. Ян, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, К. Маркс, Ф. Энгельс и другие классики интересовались крупномасштабными социально-историческими процессами, по сравнению с которыми одиночество оставалось индивидуальным и психологизированным явлением [Yang, 2020, p. 24]. Однако стоит отметить, что «отцы-основатели» социологии привнесли в дисциплину ряд важных понятий и идей, которые в дальнейшем использовались ис-

следователями для понимания одиночества (например, понятие аномии Дюркгейма).

Одна из немногих ранних социологических работ, посвященных одиночеству – это «Одинокая толпа» Дэвида Рисмена и его коллег [Riesman, Glazer, Denney, 1950]. В этом исследовании американцы были распределены по трем группам с точки зрения их «социального характера», т.е. набора психических установок, разделяемых членами каждой группы: «ориентированные на традиции» (tradition-directed), «ориентированные на себя» (inner-directed) и «ориентированные на других» (other-directed)¹. Один из выводов, который сделали Рисмен и его коллеги, заключался в том, что «ориентированные на традиции» американцы не будут чувствовать себя одинокими, поскольку их окружают близкие люди. Но это, как отмечает К. Ян, совсем не так, ведь многие люди, живущие со своими семьями, все равно могут чувствовать себя одинокими [Yang, 2020, p. 25]. Несмотря на неоднозначность, теория Рисмена установила центральную роль культурных норм в формировании у людей чувства одиночества. Именно культурные нормы, соглашается К. Ян, регулируют эмоциональные реакции людей на их роли в социальных отношениях, а одной из эмоциональных реакций является одиночество [ibid., p. 25].

В дальнейшем социологи также указывали на ослабление социальных связей и рост уровня социальной изоляции (например, Роберт Патнэм и Эрик Кляйненберг), но концептуальная связь этих процессов с одиночеством оставалась очень размытой, считает К. Ян [Yang, 2020, p. 26]. В целом, подчеркивая социальные истоки одиночества и находя нечто общее во всех его определениях, К. Ян подчеркивает, что это «неприятное чувство, возникающее в результате восприятия неудовлетворительных характеристик социальных отношений» [ibid., p. 27]. При этом важным сюжетом, на котором фокусируют внимание социологи при изучении одиночества, будет то, как принадлежность к той или иной социальной группе влияет на вероятность увеличения уровня одиночества.

¹ Другой вариант перевода: традиционно-ориентированный, внутри-ориентированный и извне-ориентированный вид «социального характера»; см. краткий обзор этой теории: [Покровский, Иванченко, 2008, с. 33–34].

В третьей главе книги К. Ян проверяет связь между возрастом и одиночеством. Существует общее представление о том, что одиночество – это проблема, с которой сталкиваются прежде всего пожилые люди. Эта связь не может объясняться биологически, т.е. нет какого-то определенного возраста, после которого уровень одиночества обязательно возрастает. Эту связь нужно объяснять через социальное. Рассматривая различные модели, объясняющие связь одиночества и возраста, на основе данных Всемирного исследования ценностей (WVS) и Европейского социального исследования (ESS), К. Ян показывает, что в разных странах эта связь проявляется по-разному. Например, в Аргентине, Польше и России, судя по данным WVS 1990 г., отчетливо проявляется линейная модель, показывающая, что люди в возрасте 60 лет и старше сталкиваются с гораздо более высоким уровнем одиночества, чем в других странах [Yang, 2020, p. 27]. В целом связь между возрастом и одиночеством выстраивается по-разному, а в ряде стран распространенность одиночества среди детей и подростков может быть не ниже, чем среди взрослого населения (например, в США и Западной Европе) [ibid., p. 63].

В четвертой главе книги К. Ян рассматривает возрастающую популярность принципа «жизнь соло» и проверяет гипотезу о том, увеличивает ли жизнь в одиночку (*aloneness*) вероятность возрастания чувства одиночества (*loneliness*). Одним из всемирно известных адептов жизни соло стал американский социолог Э. Кляйненберг, который в своей книге продемонстрировал данные о росте числа людей, проживающих по одному, и оценил это как признак прогресса, роста благосостояния и расширения индивидуальной свободы. С точки зрения Э. Кляйненберга, такой образ жизни нужно только приветствовать и продвигать [Кляйненберг, 2014]. По данным Кляйненберга, общее число людей, живущих по одному, резко возросло со 153 млн в 1996 г. до 202 млн в 2006 г. [там же]. К. Ян в целом подтверждает, что число домохозяйств, состоящих из одного человека, растет во многих частях мира, но считает преждевременным называть это общемировой исторической тенденцией [Yang, 2020, p. 72]. Существуют страны, в которых жить в одиночку крайне нежелательно, одиночество там стигматизируется, поэтому количество людей, живущих по одному, там не возрастает. Проанализировав эмпирические данные, К. Ян

заключает, что жизнь в одиночку в большинстве случаев действительно увеличивает вероятность ощущения одиночества. Например, это верно везде в Европе, за исключением Швейцарии. Влияние жизни в одиночку на одиночество, таким образом, в разных странах сильно различается, что указывает на важность некоторых факторов на социальном или культурном уровнях [Yang, 2020, p. 78].

В пятой главе К. Ян рассматривает ситуации, когда люди могут и не быть одни, но они все равно сталкиваются с одиночеством. В таких случаях одиночество следует описывать не только как отсутствие желаемых социальных отношений, но и как присутствие нежелательных. Это может проявляться в дискриминации, стигматизации, травле, остракизме, изоляции и других формах враждебности [ibid., p. 92]. Например, с таким одиночеством могут сталкиваться иммигранты.

В шестой главе автор исследует то, как переживание одиночества варьируется в разных социальных группах – в зависимости от гендера, семейного положения, этнической принадлежности, религии, социально-экономического статуса и т.д. По этим переменным К. Ян также фиксирует различия в зависимости от национальных контекстов.

В седьмой главе К. Ян анализирует связь одиночества с экономическими ресурсами: наличием или отсутствием занятости, доходом домохозяйств, уровнем образования как показателем человеческого и социального капиталов. Здесь также безработица и другие переменные по-разному связаны с одиночеством в зависимости от национальных контекстов.

В восьмой главе поднимается вопрос о существовании «национальной предрасположенности к одиночеству». В частности, К. Ян ищет ответ на вопрос, почему взрослое население России и стран Восточной Европы по данным ESS на 2012 г. имеет самый высокий уровень одиночества в Европе [Yang, 2020, p. 165]. Возвращаясь к влиянию национального контекста на уровень одиночества, о котором говорилось в предыдущих главах, он фиксирует, что распространенность одиночества среди взрослого населения Европы заметно колеблется от самых низких 2,2% в Норвегии до самых высоких 20,5 в Украине, 15,2 – в Венгрии и 14,9% – в России (приводится процентное количество респондентов, которые при ответе на вопрос «Сколько времени в течение последней неде-

ли Вы чувствовали себя одиноким?» указали «большую часть времени» и «все или почти все время») [ibid., p. 166–167].

Какие общие черты этих стран связаны с ухудшением социальных отношений и, как следствие, с распространенным чувством одиночества? Автор выдвигает гипотезу о двух механизмах. Первый заключается в том, что пережитые гражданами этих стран масштабные экономические и социально-политические преобразования после распада СССР вынудили их, особенно группы молодого и среднего возраста, отстраниться от своих прежних социальных отношений в поисках лучшей материальной жизни в другом месте. На операциональном уровне это можно зафиксировать через статистически значимое влияние миграции внутри страны на процент людей, чувствующих себя одинокими. Второй, менее явный, механизм заключается в том, что ранее близкие социальные отношения в условиях политических и экономических реформ деформируются и становится труднее установить дружеские и доверительные отношения [Yang, 2020, p. 168–169].

Но как социальные трансформации макроуровня переходят на микроуровень? К. Ян предлагает объяснение с помощью теории одиночества, основанной на смятении и смущении (*the embarrassment theory of loneliness*). Он предполагает, что когда люди сталкиваются с жизненными трудностями, они сильнее испытывают потребность в общении и поддержке, однако в условиях деформированных близких отношений они подавляют в себе эту потребность из-за страха перед неловкостью, что заставляет их чувствовать себя одинокими. Иными словами, чувство безнадежности решения своих проблем через разговор с кем-то стало основным источником одиночества в этих странах [Yang, 2020, p. 179].

Девятая глава представляет собой послание автора одиноким и не одиноким. В ней также содержатся рекомендации о том, как преодолеть социальную проблему одиночества. Решение этой проблемы, снова подчеркивает К. Ян, находится не в руках отдельных людей; об этом должно озаботиться общество в целом. В этой главе нет социологического анализа и теоретических обобщений, в ней автор обращается к детям, чувствующим себя одинокими; к их родителям; к пожилым людям; к тем, кто столкнулся с финансовыми трудностями и т.д. Общая рекомендация сформулирована еще в начале книги: «...когда одиночество остается мягким

и терпимым, человеку необходимо научиться развивать осознание его существования, рефлексировать и медитировать, используя этот опыт и пытаясь превратить изначально болезненное переживание в духовно и психически полезное» [Yang, 2020, p. 13]. Набор решений, позволяющих бороться с одиночеством, приведенный в главе 9, очень разнообразный – от медитации и обучения чему-то новому до реформы системы здравоохранения, которая должна научиться идентифицировать одиноких людей, и до корректировки социальной политики, которая не должна подавлять свободу социальных контактов и должна преодолевать низкий уровень общего доверия к институтам.

В заключение (десятая глава) автор резюмирует содержание и выводы своей работы и еще раз фокусируется на том, что нельзя недооценивать негативные социальные последствия одиночества и что эта проблема касается каждого, в том числе тех, кто одиночества не испытывает. Не одиноким стоит взять на себя больше ответственности в борьбе с одиночеством как общей проблемой, с которой, возможно, когда-то придется столкнуться и им самим.

В книге К. Яна читатель не найдет новой фундаментальной социологической теории одиночества. Но российским исследователям она может быть полезной и интересной по трем основным причинам. Во-первых, в ней представлено общее описание проблемы одиночества и проанализированы сравнительные эмпирические данные по разным странам, что ценно уже само по себе в условиях, когда компаративистских социологических исследований на эту тему крайне мало. Во-вторых, в книге зафиксирована допандемийная ситуация с проблемой одиночества в мире, а поскольку в период санитарных ограничений из-за COVID-19 внимание к теме одиночества стало усиливаться, сравнительное исследование К. Яна может быть использовано для дальнейшей работы над изучением распространения или уменьшения одиночества в разных странах мира. В-третьих, в книге рассматривается случай России как страны с высоким уровнем одиночества и дается объяснение этой характеристики. Таким образом, книга К. Яна прокладывает путь к новым теоретическим и эмпирическим исследованиям одиночества, в которых можно учесть как зафиксированные ранее взаимосвязи одиночества с различными переменными, так и события, которые могли повлиять на увеличение или

снижение уровня распространенности одиночества в нашей стране и в мире в целом.

Список литературы

Кляйненберг Э. Жизнь соло : новая социальная реальность : пер. с англ. – Москва : Альпина нон-фикшн, 2014. – 279 с.

Покровский Н.Е., Иванченко Г.В. Универсум одиночества : социологические и психологические очерки. – Москва : Логос, 2008. – 408 с.

Riesman D., Glazer N., Denney R. The lonely crowd : a study of the changing american character. – New Haven (CT) : Yale university press, 1950. – 403 p.

Yang K. Loneliness : a social problem. – London : Routledge, 2020. – XI, 240 p.

References

Klinenberg E. *Zhizn' solo : novaya social'naya real'nost'* [Living solo : a new social reality]. Translated from English. – Moscow : Al'pina non-fikshn, 2014. – 279 p. (In Russian)

Pokrovsky N.E., Ivanchenko G.V. *Universum odinochestva : sociologicheskie i psihologicheskie ocherki* [The universe of loneliness : sociological and psychological essays]. – Moscow : Logos, 2008. – 408 p. (In Russian)

Riesman D., Glazer N., Denney R. *The lonely crowd : a study of the changing american character*. – New Haven (CT) : Yale university press, 1950. – 403 p.

Yang K. *Loneliness : a social problem*. – London : Routledge, 2020. – XI, 240 p.

СОЦИОЛОГИЯ НАДЕЖДЫ

УДК 303; 316.1; 316.2; 316.4; 316.6 DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.07

ЕВСЕЕВА Я.В.* СОЦИОЛОГИЯ НАДЕЖДЫ – НОВАЯ ОБЛАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ. (Обзор)

Аннотация. Данный обзор призван познакомить читателей с новой исследовательской областью – социологией надежды. В качестве введения представлены результаты осуществленного группой нидерландских ученых полномасштабного проекта, освещающего исследования надежды в различных научных дисциплинах. Затем рассматриваются наиболее значительные статьи из посвященного социологии надежды тематического номера ведущего американского социологического журнала *The American Sociologist*.

Ключевые слова: надежда; социология надежды; теория и история социологии; социология эмоций; междисциплинарные исследования; феноменология.

Для цитирования: Евсева Я.В. Социология надежды – новая область исследований. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 3. – С. 117–139. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.07

Статья поступила: 30.06.2023.

Принята к публикации: 30.07.2023.

* Евсева Ярослава Вячеславовна – редактор Центра междисциплинарных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН; yaг_evseeva@mail.ru

EVSEEVA Ya.V.** Sociology of hope: a new research branch.
(Literature review)

Abstract. The review aims at introducing readers to a new research branch, the sociology of hope. By way of introduction, we present the results of a major project studying research on hope in various scientific disciplines that was carried out by a group of Dutch scientists. We then consider the most significant articles from the thematic issue on the sociology of hope of the leading American sociological journal *The American Sociologist*.

Keywords: hope; sociology of hope; theory and history of sociology; sociology of emotions; interdisciplinary research; phenomenography.

For citation: Evseeva Ya.V. Sociology of hope : a new research branch. (Literature review). Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 3. – P. 117–139. DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.07

Received: 30.06.2023.

Accepted: 30.07.2023.

Памяти Винсента Джеффриса (1936–2023)

В настоящем обзоре рассматривается такая набирающая в социологической области популярность тема, как социология надежды. В 2022 г. увидело свет фундаментальное исследование, продемонстрировавшее интерес к теме надежды в самых разных областях научного знания. Оно было осуществлено группой ученых из Университета им. Эразма Роттердамского (г. Роттердам, Нидерланды) – Эммой Плегинг, Йобом ван Экселом и Мартейном Бюргером. Авторы отмечают постоянный рост интереса к данным вопросам в последние десятилетия, прежде всего в медицине и в социальных науках [Pleeging, van Exel, Burger, 2022, p. 1682]. При этом в различных дисциплинах существуют свои собственные оп-

** Evseeva Yaroslava Vyacheslavovna – Editor of the Centre for Interdisciplinary Research, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; yar_evseeva@mail.ru

ределения надежды и свои идеи о содержательном наполнении этого понятия, что препятствует выработке представлений, которые были бы валидными в междисциплинарных исследованиях.

Делая краткий экскурс в историю, авторы статьи замечают, что если древние греки в основном считали надежду иррациональной, наивной и приводящей к неверным целям, то в иудейско-христианской традиции надежде придаются положительные черты, ведь надеющийся верит в возможность блага даже в отсутствие непосредственных рациональных доказательств оногo. В эпоху Просвещения сформировалась более нейтральная идея надежды как феномена, который в разных обстоятельствах может вызывать как рациональное, так и иррациональное поведение. Вместе с тем такие мыслители, как Гоббс и Спиноза, связывали надежду с политической властью, поскольку она может поддерживать людей на их пути к социальному прогрессу. Кант рассматривал надежду как связующее звено между разумом и экзистенциальными вопросами, которые не могут быть решены опытным путем. Аналогичным образом Кьеркегор и Марсель полагали, что надежда способна преодолевать ограниченное эмпирическое понимание. В то же время Шопенгауэр и Ницше порицали надежду как ложное представление о реальности. В начале XX в., с ростом популярности психоанализа, надежду начали связывать с фундаментальным доверием другим людям. А философия прагматизма в лице Дьюи и Рорти считала надежду рациональным выбором даже при отсутствии доказательств, поскольку она позволяет людям оставаться на пути прогресса. Политические мыслители вроде Блоха увидели значимый социальный потенциал надежды в том, что она вдохновляет людей воображать различные сценарии будущего, а это в итоге может привести к положительным общественным изменениям [Pleeging, van Exel, Burger, 2022, p. 1684–1685].

Из современных теоретиков авторы в первую очередь выделяют американского социального психолога Марка Снайдера, согласно которому надежда представляет собой позитивное мотивационное состояние, основывающееся на сознании собственной успешной агентности и на столь же успешном целеполагании [Snyder, 2000]. Критикуют концепцию Снайдера прежде всего за ее индивидуалистический характер и акцент на когнитивном измерении в ущерб эмоциям, а также за то, что в его изложении надеж-

да оказывается мало отличима от оптимизма [Pleeging, van Exel, Burger, 2022, p. 1685]. Еще два теоретических подхода, упоминаемых Плегинг и ее коллегами, происходят из областей теоретической медицины и психиатрии, соответственно. В частности, Кей Хёрт рассматривает надежду как жизненную силу, характеризующуюся ожиданием блага, которое является возможным и индивидуально значимым [Herth, 1992]. А Аарон Бек (с коллегами) определяет отсутствие надежды как «систему негативных ожиданий, касающихся нас и нашего будущего» [The measurement of pessimism, 1974, p. 861]. Кроме того, на основе работ Селигмана и Петерсона был разработан опросник «Ценности в действии: инвентаризация достоинств», где надежда выступает в качестве позитивного психологического капитала, помогающего людям преодолевать трудные жизненные обстоятельства [Pleeging, van Exel, Burger, 2022, p. 1686]. Как свидетельствует этот краткий обзор влиятельных современных теорий, авторы статьи имели дело в основном с психологическими, психиатрическими и медицинскими представлениями о надежде. Они же сами задались целью охарактеризовать более широкую перспективу, отведя в своем исследовании более важную роль различным социальным, а также гуманитарным наукам.

Для целей своего анализа авторы выбрали феноменологический подход. В отличие от более известной феноменологической методологии, ориентированной на выявление структуры и значения феномена, феноменология выясняет то, как разные люди понимают тот или иной феномен [Larsson, Holmström, 2007], в данном случае – как представители разных научных дисциплин понимают феномен надежды, какими характеристиками его наделяют и как эти характеристики оказываются сопряжены между собой.

Источники отбирались в четыре этапа. На первом этапе в коллекции Web of Science Core Collection были найдены статьи, содержавшие «надежду» в ключевых словах; таковых оказалось 1936. Из них были выбраны 20 самых цитируемых статей в следующих областях: экономика, социология, политология, психология, исследования здоровья, инвайронментальные исследования, исследования молодежи, философия, теология, иные гуманитарные науки. Из данных статей были исключены те, в которых наде-

жда являлась именем собственным, в том числе географическим названием, а также статьи, в которых надежде уделялось меньше внимания, чем другим темам. Кроме того, были исключены статьи неисследовательского характера, нерезцензируемые и не добавлявшие ничего нового к тем теоретическим подходам, на которых они были основаны, если оригинальные статьи уже были включены в подборку. На этом этапе не осталось ни одной исторической статьи, так что в итоге историческая наука не была включена в спектр изучаемых дисциплин. Из оставшихся статей предпочтение было отдано статьям обзорного и метатеоретического характера, а те, в фокусе которых находились слишком специфические группы населения или регионы, были исключены. В итоговую подборку вошли 66 статей: 12 – из медицинской области, 10 – из психологии, 8 – из социологии, 5 – из политологии, 4 – из экономики, 7 – их инвайронментальных исследований, 3 – из исследований молодежи, 8 – из философии, 3 – из теологии, 3 – из иных гуманитарных наук, а также по одной статье упоминавшихся выше Бека, Хёрт и Снайдера.

Первичный анализ проводился посредством программного обеспечения Atlas.ti. Случайным образом были выбраны десять статей, и в результате работы с ним были определены первые темы, которые были применены для кодирования всех остальных статей. Из 1814 полученных фрагментов текста практически все, 1746, соответствовали одной или нескольким темам (остальные фрагменты не были использованы для анализа). Фрагменты, соответствовавшие одной теме, были сопоставлены с точки зрения дисциплинарной принадлежности статей. Достоверность кодирования проверялась следующим образом: исследователи, не читавшие статей и не занимавшиеся их кодированием, определяли темы для фрагментов текстов, объединенных одной темой. В целом в отношении тем наблюдался консенсус; по результатам обсуждения незначительных расхождений были сделаны необходимые корректировки. Затем выделенные темы были объединены в кластеры. Другие исследователи оценили корректность подобного объединения и предложили новые подкатегории внутри существующих тем. Итогом стали семь кластеров, 39 тем и шесть подтем.

Как выяснили авторы исследования, в литературе встречаются два ведущих подхода: надежда рассматривается либо как ин-

дивидуальный опыт, либо как зависящий от контекста процесс. Во втором случае важно не только как таковое переживание надежды, но и ее причины, цель, последствия. Многие работы содержат в себе сочетание двух данных подходов [Pleeging, van Exel, Burger, 2022, p. 1692].

Основные темы в рамках первого подхода – это желание (desire), оценка вероятности достижения желаемого и реакция на неопределенность его достижения. Желание, обычно считающееся предпосылкой надежды, может быть положительным или отрицательным (стремление покинуть текущую ситуацию). Но, в отличие от простого пожелания (wishing), надежда, в представлении большинства исследователей, представляет собой творческий процесс, в ходе которого люди воображают альтернативные сценарии будущего, формулируют цели и готовятся к возможному негативно-му исходу; при этом надеющиеся предпочитают сосредоточиваться на потенциальном позитивном результате. Хотя большинство работ включают в себя тему оценки вероятности достижения желаемого, их авторы расходятся во мнениях относительно того, насколько реалистичной должна быть перспектива достижения цели, чтобы речь шла не о мечтах или оптимизме как жизненной позиции. В то время как одни полагают, что цель должна быть скорее достижимой, нежели недостижимой [см.: Benzein, Saveman, 1998], другие считают, что надежда как раз и существует вопреки всему [см.: Kadlac, 2015]. Надежда помогает не смиряться с тяжелой жизненной ситуацией вроде серьезного заболевания, или представлять себе иное будущее в репрессивных политических режимах, где агентность индивидов значительно ограничена. Что касается реакции на неопределенность достижения желаемого, многие исследователи уверены, что необходимо стремиться к балансу между уверенностью в возможности реализации своих целей и осознанием возможности неудачи. Также нужно сохранять открытость будущему, ведь понимание будущего и собственных целей могут меняться. Если же индивид не видит иных возможностей, за исключением той, на которые возложил все свои надежды, он может испытать отчаяние.

В качестве составляющих опыта надежды обычно обозначают когнитивный компонент, эмоции и мотивацию. В первом случае надежда представляет собой ментальный акт, заключающийся

в воображении будущей ситуации и подготовке к жизненным изменениям. В отличие от, скажем, страха, надежда практически всегда требует от индивида неких интеллектуальных усилий. Тем не менее эмоциональный компонент надежды также существенен: она ориентирована в будущее, которое мы не вполне контролируем и даже не способны всецело постичь; при этом она может быть сопряжена с исключительно интенсивными переживаниями. Еще одним элементом надежды выступает мотивация, поскольку, по мнению большинства авторов, она предполагает ту или иную степень готовности к действию. В качестве дополнительных составляющих надежды выделяют духовное измерение, морально-этический компонент, аспект социальных взаимодействий и ряд других.

Второй основной подход рассматривает надежду как процесс, зависящий от социального контекста. С точки зрения исследователей, стоящих на данных позициях, надежда носит циклический характер, поскольку различные ее (упоминавшиеся выше) компоненты постоянно влияют друг на друга, что приводит к изменению самой надежды, в частности ее интенсивности. Кроме того, на наши надежды оказывает воздействие наше социальное окружение, а наши надежды, в свою очередь, влияют на окружающих. Другие люди могут быть объектами надежды. Также у людей могут быть общие надежды.

Источники надежды подразделяют на внутренние (например предыдущая история успехов или неудач, а также индивидуальные черты вроде уверенности в себе или, наоборот, неуверенности и т.п.) и внешние. К последним относят следующие: социальное окружение; доверие к другим людям и личная вера (религиозность либо духовность); образование; работа; культура (так, в западных культурах поощряется оптимизм, а в азиатских предпочитают сосредоточиваться на достижимых целях [Pleeging, van Exel, Burger, 2022, p. 1702]); национальная история; социальные институты и текущая политика (справедливая политика и работающие институты усиливают надежду на благоприятное будущее).

Подобно описанным выше индивидуальным компонентам надежды, ученые пишут также о разделяемых разными людьми желаниях, оценках вероятности достижения желаемого и реакциях на неопределенность его достижения. Общие желания могут объединять и членов малых групп вроде семьи, и целые общества.

В частности, как пишут авторы статьи, в метанарративах XX в. большое значение придавалось прогрессу, агентности и самоконтролю, в результате чего среди людей в западных обществах распространение получили надежды на здоровую, благополучную, обеспеченную жизнь [Pleeging, van Exel, Burger, 2022, p. 1703]. Оптимизм и пессимизм в отношении осуществления желаемого тоже может носить массовый характер; тем не менее, маргинальные группы нередко питают меньше надежд, чем доминирующие. Всем группам важно сохранять баланс между верой в осуществление желаний и реалистичным взглядом на такую возможность. Как и в индивидуальных, в «социальных» надеждах также выделяют разные компоненты – верования, ценности, мнения, эмоции, механизмы общественной мобилизации. При этом большинство авторов сходится во мнении, что надежда благотворна и для индивидов, и для групп, поскольку она поддерживает позитивное само- и мировосприятие, позволяет смотреть в будущее, придает смысл существованию, а потеря надежд ведет к разочарованности, безразличию, депрессии, отчаянию.

Рассматривая в завершение ситуацию в отдельных научных областях, Э. Плегинг и ее соавторы отмечают, что если в медицинской сфере и психологии представления о надежде большей частью определяются вышеописанными концепциями Снайдера, Хёрт и Бека, то положение в социальных науках менее однозначно. В частности, в социологии, по их мнению, исследования пока носят фрагментированный характер. В политологии и антропологии основной акцент делают на внешних проявлениях феномена надежды, а именно ее внешних источниках (текущей политике, национальной истории и культуре) и социальных последствиях (общественной мобилизации, солидарности, социальной идентичности).

Прояснить ситуацию в социологической области может *The American Sociologist*, посвятивший первый номер за 2023 г. теме надежды. В настоящий обзор включены три статьи из данного номера ведущего американского социологического журнала. Как отмечает в своей редакционной статье главный редактор журнала Лоуренс Николс (Университет Западной Виргинии, г. Моргантаун, США), на протяжении долгого времени социология больше ассоциировалась с негативными, нежели позитивными общественными

явлениями. На рубеже XIX–XX вв. в ней часто видели изучение «социальной патологии» или «социальной дезорганизации», поскольку исследовала она в основном бедность, различные формы дискриминации и преступность, особенно в городской среде [Nichols, 2023, p. 1]. Считалось, что социология ориентирована прежде всего на социальную критику, а это предполагает акцентирование проблем, а не достоинств, достижений и пр.

Но наряду с этим имели место и менее заметные попытки придать социологическим исследованиям более положительное направление. В качестве наиболее раннего примера можно привести представление Огюста Конта о том, что социальный порядок должен основываться на любви и религии человечества. В середине XX в. тема любви стала центральной в работах Питирима Сорокина – создателя научной системы интегрализма, социологии альтруизма и амитологии. Позже Амитай Этциони и некоторые другие социологи продвигали идеи коммунитаризма, согласно которым потенциал развития общества заключен не в пронизанных бюрократией институтах, а в «братстве» людей, объединениях граждан, «низовых» инициативах и пр. В начале XXI в. Майкл Буравой выступал за «публичную социологию», а Эрик Олин Райт развивал концепцию «реальных утопий» (желательных сценариев развития, которые, при достаточных усилиях со стороны членов общества, вполне могут быть реализованы) [Nichols, 2023, p. 1–2].

Между тем Винсент Джеффрис добился создания в Американской социологической ассоциации Секции по альтруизму, морали и социальной солидарности. Эти идеи нашли отклик в постсоветской России, в частности в работах таких авторов, как Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко, А.Ю. Долгов, В.В. Сапов и др. Л. Николс называет имена и других социологов из разных стран мира, которые предпочитают осуществлять свои исследования «в духе любви», ведь, по его словам, лишь находясь в зоне добра, можно увидеть зло [Nichols, 2023, p. 2]. Подобные исследования, полагает американский социолог, будут способствовать развитию своего рода «здоровой» модели социологии (по аналогии с медицинской областью, уходящей от модели, в центре которой болезнь, а не здоровье), верной своим принципам, но при этом ценящей лучшее, что есть в обществе. Социология надежды видится ему важной составляющей данного тренда.

Гвидо Джили (Университет Молизе, г. Кампобассо, Италия) и Эмилиана Мангоне (Университет Салерно, г. Фишано, Италия) задаются вопросом о теоретических основаниях социологии надежды и стремятся наметить программу исследований в этой научной области [Gili, Mangone, 2023]. За основу они берут три наиболее значимых, с их точки зрения, работы второй половины XX в. на тему надежды – «Принцип надежды» (Das Prinzip Hoffnung) Эрнста Блоха [Bloch, 1959], «Революция надежды» (The revolution of hope) Эриха Фромма [Fromm, 1968] и «Vita activa, или О деятельной жизни» (The human condition) Ханны Арендт [Arendt, 1958]. По мнению Джили и Мангоне, эти книги содержали в себе важный для послевоенного времени посыл: они были ориентированы в будущее и призывали людей к активным действиям по его построению [Gili, Mangone, 2023, p. 8].

Согласно марксисту Блоху, человек всегда пребывает в состоянии между бытием и еще-не-бытием (Noch-Nicht-Sein), стремясь к лучшему миру, чем тот, что существует на данный момент. Надежда играет в этом процессе ключевую роль, поскольку с ее помощью человек перерастает самого себя и тянется к тому, чего еще нет, но что при его участии может возникнуть.

Фромм описывает современное ему общество как исключительно механистическое, ориентированное на максимальные производство и потребление. Индивиды испытывают все большую неудовлетворенность подобным обществом и стремятся к более радостной, осмысленной жизни. Этим чаяниям соответствует надежда. По Фромму, бессмысленно надеяться на уже существующее или вообще невозможное. Соответственно, надеющиеся следят за ростками новой жизни и готовы в любой момент помочь прорасти тому, что способно появиться на свет.

Арендт пишет о трех типах человеческой деятельности – труде, обеспечивающем выживание человечества как биологического вида (labor), изготовлении (искусственных объектов, создающих человеческий мир на земле) (work) и действии, характеризующем человечество как множество отдельных личностей (action). Из трех этих типов надежда связана именно с действием, которое и меняет мир.

По словам Джили и Мангоне, эти идеи, проистекающие из иудео-христианской традиции, делают акцент на индивидуальной

ответственности и трансформирующем потенциале активных действий индивидов и групп; в надежде же они видят силу, мотивирующую на положительное действие, а также веру в его успех. Суммируя различные существующие в социологии и шире – в социальных науках – определения, авторы статьи приходят к выводу, что надежда несет в себе напряжение, направленное в будущее и основанное на вере в то, что объект надежды может быть достигнут [Gili, Mangone, 2023, p. 14]. При этом надежды всегда сопряжены с ценностями, ведь надеются люди лишь на осуществление того, что для них представляет ценность (т.е. того, что они полагают благим, правильным и желанным [Kluckhohn, 1951]). И только на это и стоит направлять активные действия.

Авторы соглашаются с тем, что исследования надежды в социологии носят фрагментированный, несистематический характер, за исключением, пожалуй, социологии религии. Тем не менее, там, где речь идет о социальных изменениях, утопиях, доверии, есть место и надежде. И они задаются целью выявить социологические идеи, которые могли бы быть положены в основу социологии надежды [Gili, Mangone, 2023, p. 15–23].

В первую очередь они называют Огюста Конта. Во главе угла его будущего позитивистского общества – религия, базирующаяся на культе человечества. Французский социолог впервые употребил термин «альтруизм», под которым он понимал коллективную ориентацию на общее благо, преодолевающую эгоистическое поведение [Gili, Mangone, 2023, p. 15]. Вера в лучшее будущее характерна и для Карла Маркса. Его надежды связаны с освобождением человеческого труда. Однако его отношение к надежде двояко: негативный потенциал, согласно ему, несет в себе религия, дающая ложные надежды. Для Эмиля Дюркгейма надежда – это социальный факт, в соответствии с которым большинство людей предпочитают жизнь смерти, а значит, они ассоциируют жизнь со счастьем, а смерть – с несчастьем. Следовательно, чтобы продолжать делать выбор в пользу жизни, они должны надеяться, что будут счастливы в будущем. В социологии Макса Вебера феномен надежды сопряжен с такими темами, как социальное действие, власть, этика и религиозные основания капитализма. И целерациональные, и ценностно-рациональные действия нацелены на будущее. Из типов власти (традиционная, рационально-легальная,

харизматическая) с надеждой в наибольшей степени связана харизматическая власть: она сопряжена с верой в выдающиеся способности лидера и обещает его последователям светлое будущее. Дух раннего капитализма заключал в себе готовность ограничить текущее потребление ради будущих возможностей, а также инновационность и открытость новому.

Между классической и современной социологией упоминания заслуживает, по мнению Джили и Мангоне, фигура Карла Мангейма, придавшего новое значение понятию утопии. Если Маркс считал утопии необоснованными упованиями, то Мангейм рассматривал их как перспективу, как пока не раскрытую истину, еще не осуществленный проект, в частности в реализации прав рабочего класса.

Из современных социологов авторы отмечают в первую очередь Питирима Сорокина, который старался наметить пути выхода из положения, в котором человечество оказалось после Второй мировой войны. Согласно русско-американскому социологу, недостаток солидарности и альтруизма в современном мире сопряжен с невниманием к этим явлениям в социальных науках в последние четыре столетия. Тем не менее, он видел потенциал социологии в данной сфере и разработал основы прикладной науки – аминологии, призванной продвигать идеи дружбы, безусловной любви и взаимопомощи. В нем видят предтечу «позитивной социологии» [Nichols, 2005], которая к началу XXI в. превратилась в «гуманистическую социологию» и сделала возможным развитие социологии надежды [Gili, Mangone, 2023, p. 20].

В наследии Питера Бергера Джили и Мангоне интересуют, прежде всего, его работы по социологии религии, например: [Berger, 1969]. Из них следует, что человеческое существование всегда ориентировано в будущее, и важнейшим аспектом этой будущности является надежда, ведь она позволяет преодолевать жизненные тяготы и сохранять уверенность в осмысленности жизни перед лицом жесточайших страданий. Надежда – ключевая составляющая всех теодицей; лишь во времена секуляризации на смену религиозным пришли мирские надежды.

Наиболее развернутую теорию надежды создал Анри Дерош [см.: Desroche, 1973]. Отталкиваясь от идей Грамши, Мангейма, Мосса и Блоха, французский теолог и социолог разработал типо-

логию форм надежды. В частности, он пишет о четырех «пиках» и четырех «провалах» надежды, иными словами, положительных и отрицательных опытах ее переживания. К первым он относит следующие: 1) сон наяву, или «сон проснувшегося человека» (мечты, которые впоследствии могут быть воплощены в жизнь); 2) коллективная идеация (надежда как движущая сила общественной мобилизации и социальных изменений); 3) «напряженное ожидание» (готовность к реализации того или иного желания); 4) генерализованная утопия (воображение новых форм социальных и производственных отношений). Ко вторым относятся: 1) «потерпевшая неудачу» (failed) надежда (например, свержение одного репрессивного режима выливается в установление другого репрессивного режима); 2) «пустая» надежда (в моменты индивидуального или коллективного воодушевления зарождается надежда, которая затем сменяется рутинной практикой и не ведет ни к каким изменениям); 3) «пойманная в ловушку» надежда (эскапизм, альтернативные жизненные стили, микросообщества оппозиции без политических перспектив); 4) надежда «без надежды» (unhoped-for), несбыточная мечта (надежда на нечто принципиально неосуществимое). И все же, поскольку во многих случаях надежда способна вызвать позитивные преобразования, надеяться стоит, полагает Дерош.

На основе сделанного обзора Джили и Мангоне обозначают пять дихотомических пар, демонстрирующих то знание о надежде, которое уже выработано в социологии к данному моменту [Gili, Mangone, 2023, p. 23–29]. Во-первых, говорят о надежде индивидуальной и коллективной; последняя может сплачивать группы, давать их членам ощущение единых целей и образов будущего. Во-вторых, надежда может быть направлена как в будущее, так и в прошлое; в частности, консервативные утопии, о чем писал Мангейм, желают восстановить идеализируемый ими прежний порядок [Mannheim, 1929]. В-третьих, надежду часто противопоставляют страху; так, в зависимости от своего социального положения, разные члены общества могут воспринимать одни и те же явления и события (скажем, революции) с радостью или с опасением.

В-четвертых, широко известна дихотомия реалистичных и иллюзорных (утопических) надежд. Как пишут Джили и Мангоне, превратить эту оппозицию в эффективную эмпирическую концеп-

цию постарался Ральф Дарендорф: согласно ему, утопическая надежда носит более абстрактный, но в то же время и более креативный характер: ее потенциал состоит в воображении альтернативных сценариев будущего, в то время как реалистическая надежда основана на опыте индивидов и групп и ориентирована на то, чего те могут достичь исходя из условий, в которых пребывают [Dahrendorf, 1976]. Наконец, в-пятых, различают надежду, ориентированную на ближайшее к нам и, соответственно, на отдаленное время. Иногда речь идет о «прыжке» в будущее: надежда может быть направлена за горизонт истории, если в обозримом будущем люди не видят для себя каких-либо перспектив [Gili, Mangone, 2023, p. 27]. Вместе с тем Рейнгольд Нибур утверждал, что ничего стоящего нельзя завершить в течение жизни одного человека, так что людям остается жить надеждой [Niebuhr, 1952].

Исследовательская программа, которую авторы статьи задались целью наметить, представляет собой ответы на следующие вопросы [Gili, Mangone, 2023, p. 29–32].

1. Кто несет надежду? Это могут быть, например, харизматические лидеры (Вебер), пролетариат (Маркс), интеллектуалы (Мангейм). Джили и Мангоне, однако, полагают, что здесь можно легко оказаться в области своего рода социологической мифологии, так что правильнее будет исследовать в каждом конкретном случае – кто руководит преобразованиями и инновациями.

2. Кто надеется? По-видимому, склонны надеяться те, кто недоволен своим нынешним положением. И это необязательно самые бедные; это могут быть и достаточно обеспеченные, которые, однако, в текущей ситуации, при данном политическом режиме не могут достичь большего, как например веберовские ранние капиталисты или буржуазия в эпоху Великой французской революции.

3. Каковы основные социально-исторические формы надежды? Некоторые из них Джили и Мангоне рассмотрели в своей статье. Они считают, что более развернутая типология должна включать в себя три аспекта – надежду, доверие и ответственность.

4. Какие социальные, политические и культурные условия способствуют возникновению и развитию надежды? Объективно-структурный аспект связан с изучением социальной стратификации. В анализе же культурно-символического аспекта Джили и

Мангоне опираются на теорию ценностных ориентаций Флоренс Клакхон и Фреда Стродбека; так, одни культуры предпочитают консерватизм и традиции, другие – инновационность и открытость будущему [Kluckhohn, Strodtbeck, 1961].

5. Как надежда влияет на жизнь индивидов и всего общества? Социологи часто ссылаются на теорему Томаса (если ситуация определяется как реальная, то она реальна по своим последствиям) [Thomas, Thomas, 1928] и теорию самоисполняющегося пророчества Мертона (изначально ложное определение ситуации вызывает новое поведение, которое превращает ложные слухи в реальность) [Merton, 1948]. Соответственно, у надеющихся больше шансов воплотить свои желания в жизнь, и в итоге ее изменить.

Уоррен Тенхаутен (Калифорнийский университет, г. Лос-Анджелес, США) исследует надежду с точки зрения социологии эмоций. Он рассматривает положительные и отрицательные эмоции нескольких уровней – от оптимизма до сангвиничности и от пессимизма до отчаяния [TenHouten, 2023]. Вначале автор очерчивает теоретические основания, с которых анализирует эмоции, сопряженные с надеждой. Прежде всего он следует теории эмоций Роберта Плутчика, получившей название колеса базовых эмоций [Plutchik, 1980]. Плутчик полагал, что четырем основным экзистенциальным проблемам соответствуют восемь адаптивных реакций: темпоральности – радость–счастье / репродукция и печаль–горе / реинтеграция; идентичности – принятие / инкорпорация и отвращение / элиминация–отвержение; иерархии – гнев / разрушение и страх / охрана; территориальности – ожидание–предвкушение / познание и удивление / граница–защита. При этом, как пишет Тенхаутен, с точки зрения социологии развитие идентичности приводит к борьбе за равные права, темпоральность выливается в сильные связи, иерархия – в социальное ранжирование, а территориальность – в социально-экономические обмены [TenHouten, 2023, p. 80].

Далее автор пишет о каждой эмоции отдельно, начиная с эмоций положительных [TenHouten, 2023, p. 80–84]. Так, оптимизм – это вторичная эмоция, объединяющая в себе предвкушение (anticipation) и радость–счастье. Предвкушение являет собой важную черту функционирования когнитивно-эмоциональной сферы, поскольку, как утверждает автор, главная цель человеческого моз-

га – это производство будущих перспектив [ibid., p. 81]. В свою очередь, радость представляет собой – исключительно приятную – эмоцию, реализующуюся в рамках ближайшего временного горизонта. В то же время счастье можно описать как состояние благополучия и удовлетворения, включающее в себя позитивную оценку наиболее существенных аспектов жизни или жизни в целом. Соответственно, оптимизм может рассматриваться как предвкушение радости либо как предвкушение счастья. Связано с ними и эмоциональное состояние принятия (acceptance), направленное внутрь, на самого себя, или вовне.

Склонных к надежде и сопряженным с ней положительным эмоциям и эмоциональным состояниям Тенхаутен именуется сангвиниками. Такие индивиды демонстрируют значительную уверенность в собственном будущем; при этом они готовы идти на определенный риск ради достижения цели, в частности принимать в том числе и нежелательное развитие событий. Тем самым сангвиничность – это третичная эмоция, в которой сливаются эмоции принятия и оптимизма (являющегося комбинацией предвкушения и счастья). Следующим элементом данного эмоционального спектра является фатализм, т.е. способность видеть жизненную перспективу не как результат собственных усилий, а как следствие воздействия некоего внешнего агента, обычно непостижимого и неконтролируемого. Иными словами, фатализм – это сочетание предвкушения и принятия, в то время как сангвиничность суть соединение фатализма и счастья. На заре европейской цивилизации, в Древней Греции и других древних цивилизациях, отмечает Тенхаутен, превалировал фаталистический взгляд на счастье, а фаталистическое отношение к жизни, означавшее смирение перед волей богов, считалось главным достоинством человека [TenHouton, 2023, p. 83].

Наконец, еще одна положительная эмоция, сопряженная с надеждой, – это любовь. Надежду часто описывают как состояние, вызываемое и подпитываемое любовью, см. например: [Marcel, 1944]. В модели, выстраиваемой Тенхаутеном, любовь представляет собой радость–счастье и принятие; если же посмотреть с другой стороны, то сангвиничность есть принятие вкупе с любовью. Кроме того, сангвиник – это еще и индивид, который наиболее скло-

нен к любви; он готов влюбляться, при этом осознает потенциальные риски этого предприятия.

Если желаемое вновь и вновь осуществляется, надежда укрепляется и оптимизм растет. Если же индивид, напротив, терпит неудачу, тем более неоднократно, у него может развиваться склонность к пессимизму. Соответственно, далее автор анализирует негативную часть рассматриваемого эмоционального спектра, или, как он ее именуется, «темную сторону надежды» [TenHouton, 2023, p. 85]. Следуя Плутчику, Тенхаутен определяет пессимизм как сочетание предвкушения и грусти. И так же, как пессимизм является противоположностью оптимизма, противоположностью сангвиничности выступает отчаяние, которую составляют первичные эмоции грусти, предвкушения и отвращения, а также вторичные эмоции одиночества, разочарования и потрясения. Автор подробно рассматривает данные эмоции [ibid., 2023, p. 85–91].

Реакцией на негативное воздействие со стороны окружающего мира, на нежелательный сценарий развития отношений с окружающими является удивление, в то время как грусть – это реакция на потерю, в частности на потерю определенного образа себя, своего места в мире, своего будущего, что выливается в сокращение темпоральности до узкого настоящего момента. Грусть, горе и их крайняя степень – клиническая депрессия – характеризуются исследователями в качестве главных составляющих отчаяния, см. например: [Ghaemi, 2013]. Наконец, третья первичная эмоция в этом ряду – это отвращение, в отношении других или самого себя. Отвращение по отношению к самому себе представляет собой особенно тяжелое в эмоциональном плане состояние, при котором индивид считает себя недостойным, в том числе недостойным любви, и постепенно все в большей мере ощущает бессмысленность и бесцельность собственного существования.

Вторичной эмоцией безнадежности выступает разочарование, являющее собой комбинацию удивления и грусти: ожидаемое желательное событие не случилось, и это вызывает у индивида сожаление. На следующем уровне концептуализации отчаяние представляет собой отвращение в сочетании с разочарованием. Для некоторых индивидов полное разочарование в жизни, в социальном мире и всецелое к ним отвращение становятся привычной диспозицией, образом жизни, в котором, правда, уже нет места

надежде. Разочарованный страдает из-за того, что какие-то будущие проекты не будут реализованы, для отчаявшегося же это оказывается в принципе невозможно. Кроме того, повреждение социальной идентичности и разрушение социального мира приводят к одиночеству. Еще одна вторичная эмоция – это потрясение, происходящее из удивления и отвращения, а отчаяние, соответственно, является собой сочетание потрясения и грусти. Потрясение часто вызывается внезапными потерями, вроде смерти супруга в результате несчастного случая, выкидыша на позднем сроке, срочной ампутации конечности, неожиданного разрыва отношений с близким человеком и пр. Если вследствие потрясения и сопровождающей его грусти индивид достигает стадии отчаяния, ему трудно выбраться из этой эмоциональной пропасти, даже когда в его жизни забрезжит луч надежды.

Обсуждая результаты проведенного анализа, Тенхаутен отмечает неоднозначный характер феномена надежды. По его словам, это демонстрируют и представления о надежде в философии и теологии. Так, Кант полагал, что надежда начинается с желания одолеть зло, а вылиться может в не более чем видимость морального совершенства [см.: TenHouton, 2023, p. 91]. По Бодрийяру, объекты нашего желания – это ментальные абстракции, и будучи достигнутыми, они могут стать симулякрами, воплощая в себе все худшее, что изначально стояло за ними [Baudrillard, 1981]. Подобную амбивалентность автор показывает и на примере двух полюсов надежды – сангвиничности и отчаяния. Сангвиник демонстрирует оптимизм по поводу будущих перспектив; он уверен, что ему сопутствует удача на жизненном пути; он предвкушает счастье, в том числе счастье в любви. Однако исключительно высокий уровень сангвиничности может свидетельствовать о патологии, как следует из нейроисследований. Если правое полушарие скорее пессимистично, то левое является воплощением оптимизма, и после травмы или инсульта правого полушария индивид становится «наивно оптимистичным» [Schutz, 2005], верит в успех любого начинания, берется за невозможное, игнорирует опасности и т.п.

В свою очередь, в состоянии отчаяния индивид ощущает, что чужд самому себе и не может выстроить стабильную идентичность; кроме того, он настолько отчужден от семьи, друзей и общества в целом, что поиск какого-либо смысла существования

становится невозможным. Отчаявшийся отрицает себя, социальный мир и саму жизнь, что может привести к мыслям о самоубийстве. Тем не менее, указывает автор статьи, как и другие эмоции, отчаяние адаптивно, и индивид может продолжать существовать в этом состоянии. В то же время философы-экзистенциалисты, в частности Кьеркегор и Ясперс, считали отчаяние не патологией, а фундаментальным свойством человеческой сущности, экзистенциальным страданием, отличающим человека от животного, см. например: [Jaspers, 1948]. Поскольку, по словам Тенхаутена, сангвиничность и отчаяние сопряжены с моралью, они приобретают метафизический и даже религиозный смысл, что обуславливает интерес к ним со стороны философов (в частности, философов-экзистенциалистов), психиатров и теологов [TenHouton, 2023, p. 94].

Подводя итог, Тенхаутен отмечает, что на протяжении столетий надежду изучали в основном философы и теологи. В XX в. теории надежды появились в психиатрии, клинической психологии, а также в медицинских исследованиях. В последние десятилетия интерес к феномену надежды растет и в социологии, и социальной психологии. Речь идет, например, об исследованиях социализации. Так, социализация может считаться успешной, если в ее результате у индивида формируются реалистичные, морально приемлемые жизненные цели и адекватные для данного общества и данной группы социальные отношения [TenHouton, 2023, p. 95]. Помимо теоретических работ, были созданы многочисленные опросники и шкалы для измерения уровня надежды, см. например: [Farran, Herth, Popovich, 1995]. Важность в связи с этим представляют также кросс-культурные изыскания, поскольку если, скажем, в США, Пуэрто-Рико и Японии надежду считают эмоцией, то в Малайзии, Индонезии и Шри-Ланке она таковой не считается.

Исследования надежды, указывает автор статьи, сейчас проводятся в самых разных областях социологии – от социологии эмоций и социологии религии до социологии медицины, политической социологии, социологии труда и социологии образования. В наше время, пишет он, непросто сохранить сангвиническое отношение к жизни, и ощущение безнадежности и связанное с ним экзистенциальное отчаяние проявляются в личной и коллективной уязвимости, употреблении наркотических веществ, суицидальных

тенденциях и пр. [TenHouton, 2023, p. 96]. При этом сам У. Генхаутен надеется, что социологи уделят достаточно внимания исследованиям на столь важную тему, как надежда.

Настоящий обзор продемонстрировал повышение интереса к феномену надежды в различных научных дисциплинах, в том числе и в социологии. Помимо социологии религии, которая близка к философии и теологии, традиционно изучающим надежду, исследования надежды появляются и в других социологических областях, в частности в социологии эмоций. В ближайшем будущем мы можем ожидать дальнейший рост подобного интереса, тем более что сами социологи считают необходимым развивать данные исследования.

Список литературы

- Arendt H.* The human condition. – Chicago (IL) : The University of Chicago press, 1958. – VI, 332 p.
- Baudrillard J.* Simulacres et simulation. – Paris : Galilée, 1981. – 235 p.
- Benzein E., Saveman B.* Nurses' perception of hope in patients with cancer : a palliative care perspective // Cancer nursing. – 1998. – Vol. 21, N 1. – P. 10–16.
- Berger P.L.* A rumor of angels : modern society and the rediscovery of the supernatural. – Garden City (NY) : Doubleday, 1969. – XI, 129 p.
- Bloch E.* Das Prinzip Hoffnung. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1959. – XVIII, 817 S.
- Dahrendorf R.* Inequality, hope and progress. – Liverpool : Liverpool university press, 1976. – 17 p. – (Eleanor Rathbone memorial lectures ; N 22).
- Desroche H.* Sociologie de l'espérance. – Paris : Calmann-Lévy, 1973. – 253 p.
- Farran C.J., Herth K.A., Popovich J.M.* Hope and hopelessness : critical clinical constructs. – Thousand Oaks (CA) : SAGE, 1995. – XVI, 250 p.
- Fromm E.* The revolution of hope : toward a humanized technology. – New York : Harper & Row, 1968. – XVIII, 162 p.
- Ghaemi N.* On depression : drugs, diagnosis and despair in the modern world. – Baltimore (MD) : Johns Hopkins university press, 2013. – 215 p.
- Gili G., Mangone E.* Is a sociology of hope possible? An attempt to recompose a theoretical framework and a research programme // The American sociologist. – 2023. – Vol. 54, N 1. – P. 7–35. – DOI: 10.1007/s12108-022-09539-y
- Herth K.A.* Abbreviated instrument to measure hope : development and psychometric evaluation // Journal of advanced nursing. – 1992. – Vol. 17, N 10. – P. 1251–1259.
- Jaspers K.* Existenzerhellung // Jaspers K. Philosophie. – Berlin ; Heidelberg : Springer, 1948. – S. 293–672.

- Kadlac A.* The virtue of hope // Ethical theory and moral practice. – 2015. – Vol. 18, N 2. – P. 337–354.
- Kluckhohn C.* Values and value orientations in the theory of action : an exploration in definition and classification // Toward a general theory of action / ed. by T. Parsons, E. Shils. – Cambridge (MA) : Harvard university press, 1951. – P. 388–433.
- Kluckhohn F.R., Strodtbeck F.L.* Variations in value orientations. – Evanston (IL) : Row, Peterson & co., 1961. – XIV, 237 p.
- Larsson J., Holmström I.* Phenomenographic or phenomenological analysis : does it matter? Examples from a study on anaesthesiologists' work // International journal of qualitative studies on health and well-being. – 2007. – Vol. 2, N 1. – P. 55–64.
- Mannheim K.* Ideologie und Utopie. – Bonn : F. Cohen, 1929. – 250 S.
- Marcel G.* Homo viator : prolégomènes à une métaphysique de l'espérance. – Paris : Montaigne, 1944. – 369 p.
- Merton R.K.* The self-fulfilling prophecy // The Antioch review. – 1948. – Vol. 8, N 2. – P. 193–210.
- Nichols L.T.* Editor's introduction : hope, theory and positive sociology // The American sociologist. – 2023. – Vol. 54, N 1. – P. 1–6.
- Nichols L.T.* Integralism and positive psychology : a comparison of Sorokin and Seligman // Catholic social science review. – 2005. – Vol. 10. – P. 21–40.
- Niebuhr R.* The irony of American history. – New York : Charles Scribner's sons, 1952. – 174 p.
- Pleeging E., van Exel J., Burger M.* Characterizing hope : an interdisciplinary overview of the characteristics of hope // Applied research in quality of life. – 2022. – Vol. 17, N 3. – P. 1681–1723.
- Plutchik R.* Emotion : a psychoevolutionary synthesis. – New York : Harper & Row, 1980. – XIX, 440 p.
- Schutz L.E.* Broad-perspective perceptual disorders of the right hemisphere // Neuropsychology review. – 2005. – Vol. 15, N 1. – P. 11–27.
- Snyder C.R.* Handbook of hope : theory, measures and applications. – San Diego (CA) : Academic press, 2000. – XXV, 440 p.
- The measurement of pessimism : the hopelessness scale / Beck A.T., Weissman A., Lester D., Trexler L. // Journal of consulting and clinical psychology. – 1974. – Vol. 42, N 6. – P. 861–865.
- TenHouten W.* The Emotions of hope : from optimism to sanguinity, from pessimism to despair // The American sociologist. – 2023. – Vol. 54. – P. 76–100. – DOI: 10.1007/s12108-022-09544-1
- Thomas W.I., Thomas D.S.* The child in America. – New York : Knopf, 1928. – XIV, 583 p.

References

- Arendt H. *The human condition*. – Chicago (IL) : The University of Chicago press, 1958. – VI, 332 p.

- Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. – Paris : Galilée, 1981. – 235 p.
- Beck A.T., Weissman A., Lester D., Trexler L. The measurement of pessimism : the hopelessness scale. *Journal of consulting and clinical psychology*. – 1974. – Vol. 42, N 6. – P. 861–865.
- Benzein E., Saveman B. Nurses' perception of hope in patients with cancer : a palliative care perspective. *Cancer nursing*. – 1998. – Vol. 21, N 1. – P. 10–16.
- Berger P.L. *A rumor of angels : modern society and the rediscovery of the supernatural*. – Garden City (NY) : Doubleday, 1969. – XI, 129 p.
- Bloch E. *Das Prinzip Hoffnung*. – Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1959. – XVIII, 817 S.
- Dahrendorf R. *Inequality, hope and progress*. – Liverpool : Liverpool university press, 1976. – 17 p. – (Eleanor Rathbone memorial lectures ; N 22).
- Desroche H. *Sociologie de l'espérance*. – Paris : Calmann-Lévy, 1973. – 253 p.
- Farran C.J., Herth K.A., Popovich J.M. *Hope and hopelessness : critical clinical constructs*. – Thousand Oaks (CA) : SAGE, 1995. – XVI, 250 p.
- Fromm E. *The revolution of hope : toward a humanized technology*. – New York : Harper & Row, 1968. – XVIII, 162 p.
- Ghaemi N. *On depression : drugs, diagnosis and despair in the modern world*. – Baltimore (MD) : Johns Hopkins university press, 2013. – 215 p.
- Gili G., Mangone E. Is a sociology of hope possible? An attempt to recompose a theoretical framework and a research programme. *The American sociologist*. – 2023. – Vol. 54, N 1. – P. 7–35. – DOI: 10.1007/s12108-022-09539-y
- Herth K.A. Abbreviated instrument to measure hope : development and psychometric evaluation. *Journal of advanced nursing*. – 1992. – Vol. 17, N 10. – P. 1251–1259.
- Jaspers K. Existenzerhellung. Idem. *Philosophie*. – Berlin ; Heidelberg : Springer, 1948. – S. 293–672.
- Kadlac A. The virtue of hope. *Ethical theory and moral practice*. – 2015. – Vol. 18, N 2. – P. 337–354.
- Kluckhohn C. Values and value orientations in the theory of action : an exploration in definition and classification. *Toward a general theory of action*. Ed. by T. Parsons, E. Shils. – Cambridge (MA) : Harvard university press, 1951. – P. 388–433.
- Kluckhohn F.R., Strodtbeck F.L. *Variations in value orientations*. – Evanston (IL) : Row, Peterson & co., 1961. – XIV, 237 p.
- Larsson J., Holmström I. Phenomenographic or phenomenological analysis : does it matter? Examples from a study on anaesthesiologists' work. *International journal of qualitative studies on health and well-being*. – 2007. – Vol. 2, N 1. – P. 55–64.
- Mannheim K. *Ideologie und Utopie*. – Bonn : F. Cohen, 1929. – 250 S.
- Marcel G. *Homo viator : prolégomènes à une métaphysique de l'espérance*. – Paris : Montaigne, 1944. – 369 p.
- Merton R.K. The self- fulfilling prophecy. *The Antioch review*. – 1948. – Vol. 8, N 2. – P. 193–210.
- Nichols L.T. Editor's introduction : hope, theory and positive sociology. *The American sociologist*. – 2023. – Vol. 54, N 1. – P. 1–6.

Nichols L.T. Integralism and positive psychology : a comparison of Sorokin and Seligman. *Catholic social science review*. – 2005. – Vol. 10. – P. 21–40.

Niebuhr R. *The irony of American history*. – New York : Charles Scribner's sons, 1952. – 174 p.

Pleeging E., van Exel J., Burger M. Characterizing hope : an interdisciplinary overview of the characteristics of hope. *Applied research in quality of life*. – 2022. – Vol. 17, N 3. – P. 1681–1723.

Plutchik R. *Emotion : a psychoevolutionary synthesis*. – New York : Harper & Row, 1980. – XIX, 440 p.

Schutz L.E. Broad-perspective perceptual disorders of the right hemisphere. *Neuropsychology review*. – 2005. – Vol. 15, N 1. – P. 11–27.

Snyder C.R. *Handbook of hope : theory, measures and applications*. – San Diego (CA) : Academic press, 2000. – XXV, 440 p.

TenHouten W. The Emotions of hope : from optimism to sanguinity, from pessimism to despair. *The American sociologist*. – 2023. – Vol. 54. – P. 76–100. – DOI: 10.1007/s12108-022-09544-1

Thomas W.I., Thomas D.S. *The child in America*. – New York : Knopf, 1928. – XIV, 583 p.

ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ЛАПТОН Д. СОЦИОЛОГИЯ МОБИЛЬНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ¹

Реф. ст.: Lupton D. The sociology of mobile apps // The Oxford handbook of digital media sociology / ed. by D.A. Rohlinger, S. Sobieraj. – Oxford : Oxford university press, 2020. – P. 197–218.

Ключевые слова: цифровая социология; социология мобильных приложений; цифровые медиапродукты; социокультурный феномен.

Для цитирования: Башева О.А. [Реферат]. Лаптон Д. Социология мобильных приложений // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 3. – С. 140–153. – Реф. ст.: Lupton D. The sociology of mobile apps // The Oxford handbook of digital media sociology / ed. by D.A. Rohlinger, S. Sobieraj. – Oxford : Oxford university press, 2020. – P. 197–218.

Реферат поступил: 15.08.2023.

Принят к публикации: 25.08.2023.

Keywords: digital sociology; sociology of mobile apps; digital media products; sociocultural phenomenon.

For citation: Basheva O.A. [Article summary]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11 : Sociology]. – 2023. – N 3. – P. 140–153. Article summary: Lupton D. The sociology of mobile apps // The Oxford handbook of digital media sociology / ed. by D.A. Rohlinger, S. Sobieraj. – Oxford : Oxford university press, 2020. – P. 197–218.

¹ Реферат подготовлен при поддержке Российского научного фонда в рамках исследовательского проекта «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России», грант № 19-78-10052.

Received: 15.08.2023.

Accepted: 25.08.2023.

Мобильные приложения как социокультурный феномен

Мобильные приложения представляют собой программное обеспечение, предназначенное для работы на смартфонах, планшетах, умных часах и других устройствах. Возникновение приложений обычно объясняют через солюционистский подход (a solutionist approach)¹: они созданы для разрешения конкретной микропроблемы, которую определил разработчик². Эти цифровые медиапродукты не требуют от пользователей больших усилий для установки и запуска, и прежде всего они предлагают людям развлечения и удобство: от игр, создания фото и слушания музыки до поиска геолокации, совершения покупок в интернет-магазинах, управления финансами, мониторинга за здоровьем и др.

Появившись на широком потребительском рынке не более 15 лет назад, сегодня мобильные приложения играют огромную роль в повседневной жизни миллиардов людей: в 2020 г. в среднем пользователи тратили на них 3,7 часов в сутки³ (а в России в 2021 г. – до 4,3 часов⁴), хотя регулярно обращались лишь к небольшому количеству из загруженных приложений. В 2008 г. был запущен первый iOS App Store (магазин приложений) с 500 приложениями, а в 2023 г. на платформах iOS и Android уже доступно более 7 млн приложений разной функциональной направленности⁵.

¹ Солюционизм (от англ. solution – «решение») – концепция, согласно которой любая проблема может быть решена при помощи соответствующего технического средства / гаджета. – *Прим. реф.*

² *Morris J.W., Murray S.* Introduction // *Appified : culture in the age of apps* / ed. by J.W. Morris, S. Murray. – Ann Arbor : University of Michigan press, 2018. – P. 1–19.

³ *Sydow L.* The state of mobile in 2020 : the key stats you need to know // *App Annie*. – 2020. – URL: <https://www.appannie.com/en/insights/market-data/state-of-mobile-2020-infographic> (accessed: 10.08.2023).

⁴ Эксперты посчитали, сколько часов в день россияне сидят в смартфонах // РБК. – 2021. – 13 окт. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/13/10/2021/6166d4d99a79479899d7e47f (дата обращения: 11.08.2023).

⁵ App download data // *Business of apps*. – 2023. – 2 May. – URL: <https://www.businessofapps.com/data/app-statistics/> (accessed: 10.08.2023).

Учитывая высокую конкуренцию, а также растущее число приложений, выходящих каждый день, разработчики прикладывают много усилий, чтобы сделать свои продукты привлекательными для потребителей. В попытке привлечь и удержать интерес пользователей разработчики используют стратегии «геймификации» (gamification) и «людификации» (ludification), включая элементы развлечения и игры в приложения, предназначенные для других целей.

В целом рынок приложений динамичен, чувствителен к социальным переменам и быстро реагирует на них, пытаясь привлечь внимание пользователей. Ключевым примером являются изменения, произошедшие в период начала пандемии COVID-19 (в первой половине 2020 г.). Тогда, в условиях необходимости контроля распространения вируса (а именно карантина и соблюдения физического дистанцирования), мобильные приложения предлагали решения многих проблем. Они использовались как для обучения и обмена информацией, так и для самоконтроля симптомов заболевания, доставки продуктов и прочего¹. Таким образом, изучение мобильных приложений как прочно вошедшего в современную жизнь социокультурного явления стало актуальным не только в области технических наук и маркетинга, но и в социологии. Можно даже говорить о появлении такого нишевого направления исследований, как социология мобильных приложений, развивающегося в области цифровой медиа социологии (digital media sociology). И в данной работе мы хотели бы познакомить читателей с теоретическими подходами, наиболее часто используемыми в этом направлении.

Комплексное рассмотрение подходов в рамках социологии мобильных приложений на данный момент предложено в реферируемой нами статье Деборы Лаптон, опубликованной в Оксфордском справочнике по социологии цифровых медиа. Опираясь на социальную и культурную теорию, а также на эмпирические исследования, Лаптон провела социологический анализ мобильных приложений как социокультурных и политических явлений сквозь призму трех наиболее часто используемых теоретических подхо-

¹ COVID-19 mobile apps : a systematic review of the literature / Kondylakis H., Katehakis D., Kouroubali A., Logothetidis F. [et al.] // Journal of medical internet research. – 2020. – Vol. 22, N 12.

дов: а) политической экономии; б) взглядов Фуко; в) социоматериальной перспективы. При этом автор сосредоточила свое внимание не на дизайне, инструментальных или утилитарных проблемах пользовательского опыта (например, насколько хорошо спроектированы, популярны или эффективны приложения или насколько точен их контент), что чаще делается в области маркетинга и технических наук. Она рассматривает приложения как социокультурные явления и политические артефакты, создающиеся и использующиеся в рамках сложных отношений и сетей, в которых участвуют пользователи приложений, дизайнеры и разработчики, магазины приложений, блоги и новостные порталы, а также в более широкой социально-политической среде с участием государственных учреждений, регулирующих органов, цифровых инфраструктур, социальных сетей и многих других организаций. На приложения Лаптон предлагает смотреть как на материальные объекты, наделенные смыслами и определенной эмоциональной силой (*affective forces*).

Каждый из выбранных подходов освещает важные социокультурные и политические аспекты приложений, посредством чего автор иллюстрирует, как они проектируются, разрабатываются и продвигаются различными акторами и организациями (*actors and agencies*), а также способы, которыми люди встраивают приложения в рутину своей повседневной жизни. В рамках политэкономического подхода акцент делается на макрополитических параметрах: это и социальные, экономические, политические структуры (возраст, пол, социальный класс, сексуальная ориентация, раса / этничность, географическое положение), и институты (рабочее место, образовательные учреждения, семья, экономика, СМИ и т.д.). В рамках подхода Фуко исследователи часто объединяют микро- и макрополитические параметры для понимания биополитического измерения приложений. Микрополитический фокус используют исследователи в рамках социоматериального подхода для изучения жизненного опыта людей, полученного в процессе использования приложений.

Обзор теоретических подходов к анализу мобильных приложений

Политэкономических подход

Политэкономический подход предполагает макрополитический взгляд на приложения с акцентом на социально-структурных, географических и экономических аспектах их разработки, продвижения и использования. Подход базируется на идеях Карла Маркса и Фридриха Энгельса об эксплуатации рабочих владельцами средств производства (капиталистами)¹, но с учетом современных реалий. Сегодня его сторонники сосредотачиваются не только на трудовых отношениях, но и на других социально-экономических детерминантах жизни людей: их поле, возрасте, расе / этнической принадлежности, месте жительства, состоянии здоровья. А что касается цифровых медиа, то политические экономисты привлекают внимание к тому, что они считают эксплуатацией работников и потребителей со стороны интернет-империй (Apple, Facebook², Google, Amazon и Microsoft). Изучив социально-политические и экономические аспекты рынка приложений, они отмечают, что работникам часто мало платят, в то время как крупные корпорации получают значительную прибыль от их труда³.

Также в рамках данного подхода исследователи обратили внимание на процессы сбора и хранения данных, которые происходят во время использования приложений, и возможности для эксплуатации или нарушения конфиденциальности, которые могут возникнуть. Чаще всего выделяют два таких процесса: датификация (datafication) относится к преобразованию деятельности, предпочтений и привычек людей в цифровые данные, в то время как цифровое наблюдение (или наблюдение за данными, dataveillance) – это термин, описывающий различные способы наблюдения за

¹ Маркс утверждал, что промышленники получали огромные прибыли от использования рабочей силы пролетариата, не выплачивая им адекватную компенсацию за их работу и удерживая их в условиях нищеты. В связи с этим Маркс призывал пролетариат восстать против своих угнетателей, считая это единственным способом улучшить свои плохие условия труда и жизни. – *Прим. реф.*

² Meta, владеющая социальной сетью Facebook, признана экстремистской организацией и запрещена на территории Российской Федерации. – *Прим. реф.*

³ Fuchs C. Digital labour and Karl Marx. – London : Routledge, 2014.

людьми при использовании их оцифрованной информации¹. При использовании приложений генерируются потоки персональных данных: о перемещениях людей в пространстве, их имени, возрасте, поле, контактах, повседневных делах и множестве других особенностей жизни, которые могут использоваться крупными цифровыми игроками «с целью наживы». Подобное использование Шошана Зубофф назвала сутью «надзорного капитализма»².

Ш. Зубофф определяет «надзорный капитализм» как новую форму капитализма, созданную крупными интернет-корпорациями Кремниевой долины. Она утверждает, что те эксплуатируют пользователей Интернета и приложений, извлекая их персональную информацию и продавая ее третьим лицам для профилирования данных³ и настройки таргетированной рекламы⁴. При этом у пользователей мало возможностей оспорить такое использование их личных данных. А люди, которые уже находятся в неблагоприятном социально-экономическом положении, часто больше всего страдают от нарушения конфиденциальности или использования их персональных данных государственными или коммерческими организациями, которые могут лишить их таких возможностей, как специальные предложения, социальное обеспечение, страхование, качественное жилье и работа⁵.

Лаптон отмечает, что индустрию приложений также критикуют за то, что она недобросовестно использует тех, кого часто называют «гиг-работниками» («gig workers»): людей, которые за-

¹ Van Dijck J. Datafication, dataism and dataveillance : Big Data between scientific paradigm and ideology // Surveillance & society. – 2014. – Vol. 12, N 2. – P. 197–208.

² Zuboff S. The age of surveillance capitalism : the fight for the future at the new frontier of power. – London : Profile books, 2019.

³ Профилирование данных (data profiling) – это процесс извлечения метаданных из данных, а именно размер файла, время создания, авторство, и множество закономерностей, скрытых в данных. – Прим. реф.

⁴ Таргетированная реклама – это способ онлайн-рекламы, в котором используются методы и настройки поиска целевой аудитории в соответствии с заданными параметрами людей, которые могут интересоваться рекламируемым товаром или услугой. – Прим. реф.

⁵ Gangadharan S.P. The downside of digital inclusion : expectations and experiences of privacy and surveillance among marginal Internet users // New media & society. – 2017. – Vol. 19, N 4. – P. 597–615.

висят от таких приложений, как Uber для вызова такси или доставки еды, приложений для фрилансеров и т.п.¹ Как правило, эти приложения используются для поиска низкооплачиваемой краткосрочной и случайной работы и дают мало гарантий занятости или защиты.

Кроме того, разработчики с глобального Юга, которые сосредоточены на местном контенте, могут столкнуться с большими трудностями, бросив вызов корпоративной мощи крупных многонациональных компаний глобального Севера, когда они пытаются привлечь внимание местных рынков к своим продуктам².

Во время пандемии COVID-19, вызвавшей медицинские, социальные и экономические потрясения, внимание исследователей привлекло использование мобильных приложений в контексте противоречия между необходимостью охраны здоровья и сохранением капиталистической экономической системы³. Быструю разработку или настройку приложений для удовлетворения потребностей людей, находящихся в условиях самоизоляции или карантина, можно рассматривать как элемент «коронавирусного капитализма», поскольку создатели приложений стремились получить прибыль от изменившихся потребительских потребностей людей⁴.

Подход Фуко

В рамках подхода Фуко внимание фокусируется как на макрополитических, так и микрополитических измерениях приложений при анализе последствий их использования для дискурсов и практик идентичности и воплощения (эмбодимента)⁵. Автор рефе-

¹ *Sharma S.* TaskRabbit : the gig economy and finding time to care less // *Appified : culture in the age of apps* / ed. by J.W. Morris, S. Murray. – Ann Arbor : University of Michigan press, 2018. – P. 63–71.

² *Wagner S., Fernández-Ardèvol M.* Local content production and the political economy of the mobile app industries in Argentina and Bolivia // *New media & society*. – 2015. – Vol. 18, N 8. – P. 1768–1786.

³ *French M., Monahan T.* Disease surveillance : how might surveillance studies address COVID-19? // *Surveillance & society*. – 2020. – Vol. 18, N 1. – P. 1–11.

⁴ *Fuchs C.* Everyday life and everyday communication in coronavirus capitalism // *Triple C*. – 2020. – Vol. 18, N1. – P. 375–399.

⁵ Эмбодимент (embodiment) – термин, описывающий в социологии то, как субъект переживает мир через свое тело. – *Прим. реф.*

рируемой работы отмечает, что, хотя Мишель Фуко писал задолго до появления мобильных устройств и приложений, его идеи о биополитике и биовласти могут стать ключом к пониманию того, как приложения побуждают пользователей к самостоятельным (ответственным) действиям.

Концепция биополитики объясняет, как тела людей, управляясь и контролируясь самими людьми, действуют в соответствии с целями и императивами государственных органов и коммерческих предприятий. Биовласть – это термин, используемый Фуко для описания властных отношений, которые осуществляются с помощью биополитических стратегий и практик. Обе концепции анализируют то, как человеческие тела измеряются, дисциплинируются, контролируются, регулируются и выводятся в поле видимости¹.

Важное различие между политэкономическим подходом и подходом Фуко Лаптон видит в том, что во втором случае власть рассматривается как неотъемлемая часть любых отношений, причем как продуктивная, так и репрессивная. А политические экономисты склонны представлять общественность как сторону, лишенную власти, автономии и свободы действий в отношениях с интернет-корпорациями или создателями приложений.

Фуко утверждал, что посредством дискурсов и методов биополитики создаются определенные виды идентичностей и телесных практик, которые стимулируют людей брать на себя ответственность за управление собственной жизнью и телом в своих интересах, а не принуждаются к этому имеющими власть учреждениями. Таким образом, личные цели – быть здоровыми, продуктивными гражданами – часто согласуются с институциональными интересами, и управление населением происходит посредством повседневных практик, направленных на «заботу о себе»². Именно в этом сходятся микрополитика и макрополитика.

В рамках подхода Фуко исследуется, как приложения продаются и используются в качестве «помощников» для людей в области заботы о себе, в их стремлении быть ответственными, про-

¹ *Foucault M. The Birth of biopolitics : lectures at the Collège de France, 1978–79 / transl. by G. Burchell. – Houndmills : Palgrave Macmillan, 2008.*

² *Foucault M. The care of the self : the history of sexuality. Vol. 3. – New York : Pantheon, 1986.*

дуктивными и осторожными гражданами. Приложения для самоконтроля, нацеленные на мониторинг функций организма, таких как уровень активности, потребление пищи и алкоголя, режим сна, настроение, беременность и показатели фертильности, такие как овуляция и менструация, часто основаны на биополитическом императиве установления нормы поведения¹. Критики Фуко указывают на то, что ответственность государства за защиту здоровья своих граждан затушевывается в этом акценте на личной ответственности и автономии². Социальные детерминанты слабого здоровья, такие как социально-экономическое неблагополучие и жизнь в многолюдной и загрязненной городской среде, игнорируются из-за фокуса на индивидуальном потребительском поведении и образе жизни.

Биополитические аспекты приложений, с точки зрения Лаптон, особенно ярко проявляются во время кризисов в области здравоохранения, когда людей поощряют заниматься самопомощью в случае болезни, чтобы снизить нагрузку на социальные службы. Например, во время «кризиса ожирения» граждане стран глобального Севера были объектом кампаний со стороны служб здравоохранения и коммерческих предприятий, направленных на мониторинг их массы тела и ее снижение, если они считались «слишком толстыми». Приложения для подсчета калорий и физической активности продвигались как один из способов снижения веса, помогая людям заниматься самонаблюдением и соблюдением дисциплины в области питания и физкультуры³.

С точки зрения последователей Фуко, реакцию общества и правительства на пандемию COVID-19 можно рассматривать как пример биополитики и биовласти⁴. Сочетание «грубой» (осуществляемой правительствами сверху вниз) и более «мягкой» силы

¹ Lupton D. *The quantified self: a sociology of self-tracking*. – Cambridge : Polity, 2016.

² Esmonde K., Jette S. *Assembling the «Fitbit subject» : a Foucauldian-sociomaterialist examination of social class, gender and self-surveillance on Fitbit community messageboards // Health*. – 2020. – Vol. 24, N 3. – P. 299–314.

³ Lupton D. *Fat*. – 2nd ed. – London : Routledge, 2018.

⁴ Sarasin P. *Understanding the coronavirus pandemic with Foucault?* Retrieved from Foucault. – 2020. – URL: <https://blog.genealogy-critique.net/essays/254/understanding-corona-with-foucault> (accessed: 10.08.2023).

(предполагающей добровольные действия граждан, поощряемые правительствами) было характерно для многих стран, переживших пандемию¹. В рамках усилий по защите населения от инфекции и минимизации нагрузки на службы здравоохранения правительства инициировали такие меры, которые требовали от своих граждан самоконтроля и самодисциплины, в частности соблюдения личной гигиены, дистанцирования и самоизоляции, а также использования приложений для отслеживания контактов и других приложений, связанных с COVID-19.

Социальный материализм (sociomaterial perspectives)

Как отмечает Лаптон, социоматериальное измерение лишь недавно стало применяться для понимания микрополитических и социокультурных аспектов приложений. В рамках этого подхода пристальное внимание уделяется тому, как люди живут с приложениями. Он основан и на марксистской концепции о существенности властных отношений, и на взглядах Фуко на отношения между дискурсивными и материальными элементами биополитики, но расширяет их, уделяя больше внимания нечеловеческим агентам, взаимодействующим с людьми в контексте более широких социотехнических миров, в которых приложения придумываются, разрабатываются, тестируются, выпускаются, продаются и внедряются в повседневную жизнь и рутину. Эти миры включают экономический и нормативный контексты, цифровую экосистему, людей, работающих над созданием и продвижением приложений, магазины приложений, других агентов и учреждения, которые призывают к использованию приложений (например государственные ведомства, школы, медицинские учреждения), людей, которые связаны между собой посредством приложений, и др.

Опираясь на исследования в области науки и техники, в частности на акторно-сетевую теорию Бруно Латура, сторонники социоматериализма обратились к более широким инфраструктурным аспектам экологии приложений. Акторно-сетевая теория позиционирует и людей, и вещи как активных агентов, меняющих

¹ Coeckelbergh M. The postdigital in pandemic times : a comment on the Covid-19 crisis and its political epistemologies // Postdigital science and education. – 2020. – N 2. – P. 547–550.

сети¹. Эти человеческие и нечеловеческие сущности вместе составляют социальный мир. В акторно-сетевой теории меньше, чем в других социологических теориях, уделяется внимания социальным структурам, таким как социальные классы или институты, но более детально отслеживаются и документируются конкретные детали того, как сущности связаны друг с другом². Внимание к переплетению социального и технологического включает в себя изучение того, как обыденный опыт упорядочивается такими технологиями, как цифровые устройства и приложения³.

Хотя приложения могут быть представлены в качестве автономных объектов в магазинах приложений и на мобильных устройствах, они все же являются продуктами сложной сети разнообразных агентов, которые постоянно взаимодействуют друг с другом. К этой сети относятся потоки оцифрованной информации и цифровые платформы, интерфейсы, оборудование (аппаратное обеспечение – hardware), нормативно-правовая среда, сетевые протоколы, алгоритмы и другие инфраструктуры, в рамках которых работают приложения. Например, в рамках социотехнического подхода к анализу приложений можно показать, как разные магазины приложений создают определенные условия, в которых приложения разрабатываются и публикуются. Каждый магазин приложений – будь то глобальные Apple App Store и Google Play или множество более мелких и локальных магазинов – имеет свою собственную нормативную среду, логику, точки доступа, систему рекомендаций, тематические категории и правила, с которыми должны работать издатели приложений, в том числе то, как они описывают приложение в магазине⁴.

¹ *Latour B.* Reassembling the social : an introduction to actor-network-theory. – Oxford : Clarendon, 2005.

² *Michael M.* Actor-network theory : trials, trails and translations. – London : SAGE, 2016.

³ Multi-situated app studies : methods and propositions / Dieter M., Gerlitz C., Helmond A., Tkacz N., van der Vlist F.N., Weltevrede E. // *Social Media + Society*. – 2019. – Vol. 5, N 2. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305119846486> (accessed: 10.08.2023).

⁴ *Morris J.W., Murray S.* Introduction // *Appified : culture in the age of apps* / ed. by J.W. Morris, S. Murray. – Ann Arbor : University of Michigan press, 2018. – P. 1–19.

Исследователи материализма с феминистских позиций¹ и подходов, основанных на космологии коренных и незападных народов², предлагают несколько иную точку зрения: иногда ее называют «витальным материализмом» («vital materialism»)³. Витальный материализм подчеркивает взаимосвязь между людьми и нечеловеческими существами, включая объекты, места и пространства и других живых существ. В этом корпусе исследований для описания взаимодействий и взаимосвязей используются такие понятия, как аффективные силы (affective forces, в русле философии Жюль Делёза), которые понимаются как интенсивность ощущений и эмоций, возникающих при взаимодействии человека с вещью и побуждающих человека к действию. Другое понятие – реляционные связи. Это отношения, которые постоянно формируются и реформируются по мере того, как люди объединяются с другими людьми, а также с нечеловеческими существами. К. Барад использует термин «внутри-действие» («intra-action») для описания того, «как материя обретает смысл» («how matter comes to matter»): то есть, как скопления (группы) человеческих и нечеловеческих агентов работают вместе для создания смыслов и действия («forces and action»)⁴. В концепции Дж. Беннетта о «силе вещи» («thing-power») также признается наличие потоков вибраций и энергии, которые могут формировать человеко-нечеловеческие группирования (human-nonhuman assemblages): любопытна способность неодушевленных вещей оживать, действовать, производить впечатляющие и еле уловимые эффекты⁵. Беннетт описывает

¹ Bennett J. *Vibrant matter : a political ecology of things*. – Durham : Duke university press, 2009; Braidotti R. *A theoretical framework for the critical posthumanities // Theory, culture and society*. – 2019. – Vol. 36, N 6. – P. 31–61.

² Kuoljok K. *Without land we are lost : traditional knowledge, digital technology and powerrelations // AlterNative : an international journal of indigenous peoples*. – 2019. – Vol. 15, N 4. – P. 349–358.

³ Bennett J. *A vitalist stopover on the way to a new materialism // New materialisms : ontology, agency and politics / ed. by D. Coole, S. Frost*. – Durham (NC) : Duke university press, 2010. – P. 47–69.

⁴ Barad K. *Posthumanist performativity : toward an understanding of how matter comes to matter // Signs*. – 2003. – Vol. 28, N 3. – P. 801–831.

⁵ Bennett J. *The force of things : steps toward an ecology of matter // Political theory*. – 2004. – Vol. 32, N 3. – P. 347–372.

влияние этой силы вещей как способность создавать магию в повседневных вещах¹. Способность очаровать пользователей и вызывать их эмоциональный отклик, по мнению Д. Лаптон, является важной характеристикой успешного приложения, приводящей к его постоянному использованию. Зачастую такими свойствами, как генерация сильных эффективных реакций, обладают игровые приложения или приложения, включающие элементы геймификации.

Еще один аспект витального материализма раскрывается в концепции распределенной агентности (*distributed agencies*). Агентность здесь рассматривается не только как сила, которой наделены исключительно люди или только некоторые из них. Напротив, агентские способности постоянно и динамически генерируются людьми и нечеловеческими сущностями во взаимодействии. Приложения в этом смысле «предлагают» людям определенные возможности, которые те в свою очередь могут либо отвергнуть, либо развить, опираясь на свои физические способности (способность к движению, обучению, памяти и сенсорному восприятию).

Некоторые приложения генерируют такую силу вещей, которая меняет способы перемещения людей во времени и пространстве. Например, приложения геолокации, такие как Apple Map или Google Map, и приложения для самостоятельного отслеживания физической активности могут помочь людям ориентироваться в пространстве и документировать свои движения, а также полагаться на информацию, передаваемую им людьми и их устройствами, чтобы определить местонахождение человеческого тела. Когда люди используют такие приложения, они работают с приложением и физической средой, в которой они находятся и через которую они перемещаются, интерактивными способами, чтобы генерировать способности к движению, пространственному расположению и поиску пути². Это синергетическая взаимосвязь изменения и реак-

¹ *Bennett J.* The Enchantment of modern life : attachments, crossings, and ethics. – Princeton : Princeton university press, 2001.

² *Lupton D.* Toward a more-than-human analysis of digital health : inspirations from feminist new materialism // Qualitative health research. – 2019. – Vol. 29, N 14. – P. 1998–2009.

ции, которая повторяется, так что «люди создают данные, а данные создают людей»¹.

В целом можно сказать, что теоретические идеи, основанные на теории жизненного материализма, сосредоточены на микрополитике жизненного опыта людей, проживаемого во взаимодействии с приложениями.

Перспективы социологических исследований мобильных приложений

Рассмотренные теоретические перспективы предлагают разнообразное понимание социокультурных и политических аспектов приложений, но несмотря на то, что уже существует большой объем эмпирических исследований в области использования приложений, все еще остаются значительные пробелы в знаниях. Есть еще много категорий приложений, которые только предстоит подробно изучить. Остается малоизученным и то, как люди используют приложения на разных этапах жизни, отличается ли пользование ими в маргинализованных и обездоленных слоях населения. Наконец, пристального внимания требуют приложения, которые будут выпущены в будущем в ответ на новые кризисы и другие крупные социальные проблемы, такие как пандемия COVID-19.

*О.А. Башева**

¹ *Lupton D. Data selves : more-than-human perspectives. – Cambridge : Polity, 2019.*

* © Башева О.А., реферат, 2023

Башева Ольга Александровна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела теоретического анализа социальных трансформаций Института социологии ФНИСЦ РАН; olgaausacheva@yandex.ru

Basheva Ol'ga Aleksandrovna – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Theoretical Analysis of Social Transformations, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; olgaausacheva@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ

УДК 316.4

DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.08

ПРЯЖНИКОВА О.Н.* СОВМЕСТНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ЗНАНИЙ: НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КОНЦЕПЦИИ. (Обзор)

Аннотация. В обзоре рассматриваются основы концепции совместного производства знаний как актуального трансдисциплинарного подхода к изучению широкого круга проблем в сфере устойчивого развития. Представлены основные характеристики и принципы совместного производства знаний, типы ролей исследователей, особенности вовлеченности участников.

Ключевые слова: совместное производство знаний; трансдисциплинарные исследования; роли исследователей; вовлечение заинтересованных сторон.

Для цитирования: Пряжникова О.Н. Совместное производство знаний : некоторые элементы концепции. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 2023. – № 3. – С. 154–162. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.08

Статья поступила: 04.06.2023.

Принята к публикации: 01.07.2023.

PRYAZHNIKOVA O.N.** Co-production of knowledge: some elements of the concept. (Literature review)

* Пряжникова Ольга Николаевна – научный сотрудник отдела экономики Института научной информации по общественным наукам РАН; olga.priazhnikova@inion.ru

** Pryazhnikova Olga Nikolaevna – Researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences; olga.priazhnikova@inion.ru

Abstract. The review presents basics of the knowledge co-production concept as a relevant transdisciplinary approach addressing a wide range of issues of sustainable development. Essential features and principles of the knowledge co-production, types of researcher roles, characteristics of participants' involvement are highlighted.

Keywords: co-production of knowledge; transdisciplinary research; researcher roles; stakeholder engagement.

For citation: Pryazhnikova O.N. Co-production of knowledge: some elements of the concept. (Literature review). *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 3. – P. 154–162. DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.08

Received: 04.06.2023.

Accepted: 01.07.2023.

При исследовании комплексных проблем современности, в особенности связанных с изменением климата, экологическими кризисами, борьбой с бедностью, ученые и практики все чаще используют совместное производство знаний (СПЗ) в качестве перспективного научного подхода. Он позволяет исследователям работать в трансдисциплинарных проектах, в которых специалисты из разных научных дисциплин производят знания при сотрудничестве с заинтересованными лицами за пределами научной среды. СПЗ расширяет возможности достижения «научной целостности» исследований и повышает эффективность поиска решений, так как в нем осуществляется интеграция научного знания и знания, которым владеют многочисленные заинтересованные стороны, в частности представители местных сообществ.

В научной среде продолжается процесс выработки определений СПЗ. Его определяют как итеративный¹ и коллаборативный

¹ Итеративный процесс представляет собой практику создания и совершенствования проектов, продуктов или разного рода инициатив, которые проходят стадии тестирования, исправлений и доработки до тех пор, пока не будет получен желаемый результат.

процессы, включающие и объединяющие различные виды опыта и знаний участников – идеи, нормы, практики и дискурсы, – ведущие к взаимному усилению и трансформации социальных результатов, а также к созданию контекстно обусловленных знаний, способствующих устойчивому развитию [Principles for ... , 2020 ; Learning from ... , 2022, p. 451].

СПЗ можно рассматривать с точки зрения моделей вовлечения в процесс широкого круга заинтересованных сторон. Взаимодействие заинтересованных лиц может организовываться как «снизу вверх», или по инициативе разнообразных участников, так и «сверху вниз», или лицом / организацией, принимающей решения в тех или иных сферах социально-экономической политики. Сотрудничество сторон может различаться в соответствии с поставленными целями и ожидаемыми результатами обмена знаниями. Это может быть односторонняя коммуникация, консультация, обсуждение, совместное производство новых знаний на двусторонней основе. Процессы СПЗ, инициированные исследователем или другими заинтересованными сторонами, осуществляются участниками добровольно на основе взаимного согласия [Building trust ... , 2023].

В ходе СПЗ используется широкий спектр методов взаимодействия заинтересованных сторон, в том числе: интервью, анкетирование, опросы, обсуждения в фокус-группах, совместное картирование (participatory mapping), мастер-классы, игровые практики (gaming exercises), совместная разработка сценариев развития и моделирование. Каждый метод может быть использован автономно, однако в результате мультиметодического подхода может осуществляться трансдисциплинарное СПЗ [Building trust ... , 2023].

Ученые выделяют ряд характеристик СПЗ [Learning from ... , 2022, p. 451]. Во-первых, СПЗ связано с культивированием доверия, формированием потоков знаний и увеличением потенциала знаний. Эти процессы содействуют обучению участников, развитию сетевого взаимодействия и социального капитала, распро-

странению знаний и общественному признанию ценностей устойчивого развития.

Во-вторых, СПЗ – инновационная, гибкая и рефлексивная концепция, позволяющая исследователям обнаруживать, многократно переоценивать (тестировать) и обсуждать принципы и подходы, соответствующие контексту и целям тех или иных проектов.

В-третьих, включение в СПЗ различных участников увеличивает потенциал производства актуальных для практического применения научных знаний, которые повышают эффективность принимаемых решений и воплощаются в конкретные меры политики в разных сферах жизни общества.

В-четвертых, включение в процессы СПЗ разнообразных систем знаний (научный и управленческий подходы, дискурсивные фреймы, нормативные установки, отношения между наукой и обществом и т.д.) формирует способы познания, дающие возможность признания и учета различий, взаимодополняемости и асимметрии между разными видами знания. В результате удастся лучше понять, как разные акторы «смотрят на мир», что создает условия для преодоления культурных / эпистемологических различий партнеров, конфликтов между разными ценностными позициями и мировоззрениями [Learning from ... , 2022, p. 451].

В настоящее время исследователи смогли сформулировать ряд основных принципов организации процесса СПЗ [Learning from ... , 2022 ; Principles for ... , 2020]. В качестве *первого принципа* отмечают обусловленность СПЗ контекстом, т.е. определенным набором вопросов (экологическими, экономическими, культурными, социальными, институциональными проблемами), при рассмотрении которых учитываются потребности, интересы и убеждения различных социальных групп. Связь с контекстом означает понимание того, как возникла проблема, как на нее влияют ее конкретные социальные, экономические и экологические факторы, а также различные убеждения и потребности тех, кого она затрагивает.

Второй принцип – принцип плюралистичности. В СПЗ должны признаваться разнообразные точки зрения, знаний и опыта, а также учитываться гендерная и этническая принадлежность. Данный принцип предполагает частое и устойчивое взаимодейст-

вие с так называемыми носителями «местных знаний» (Indigenous and local knowledge (ILK) holders). При этом взаимодействие с ними должно начинаться еще до начала любых процессов СПЗ, так как раннее сотрудничество позволяет определить способы взаимодействия заинтересованных сторон (культурно приемлемые методы и каналы связи), которые в наибольшей степени соответствовали бы местной специфике и ожиданиям, а также способствовали бы доверию, уважению и реципрокности среди всех участников проекта.

Третий принцип – ориентация на цель – подразумевает формулировку четко определенных, общих и значимых целей, связанных с поставленной задачей. Он предполагает наличие у участников общего понимания процессов и приверженности общим целям проекта СПЗ. Этому способствует, в частности, знакомство участников с научной литературой, посвященной СПЗ. Наличие понимания общей картины и приверженность единой цели открывают возможности для участников в ходе СПЗ интуитивно брать на себя роли, которые лучше всего соответствуют их навыкам.

Наконец, *четвертый принцип* – интерактивность: крайне важно обеспечить постоянное обучение участников, их активное и частое взаимодействие. Он также предполагает наделение полномочиями заинтересованных сторон и расширение прав и возможностей (empowerment) участников СПЗ. Это позволяет превратить носителей знания из просто источника информации в равноправных партнеров, которые совместными усилиями реализуют свои права, привносят свое мировоззрение и жизненный опыт в СПЗ [Learning from ... , 2022, p. 457].

В последние годы были разработаны различные типологии ролей исследователей в рамках процессно-ориентированных подходов, каким является и СПЗ. Эти роли связаны с необходимостью организации иерархии отношений, интеграции различных точек зрения и поддержки коммуникации в ходе обмена знаниями. Таким образом, исследователи выступают в следующих ипостасях [Knowledge co-production ... , 2022, p. 397]:

1. *Рефлексирующий ученый* (reflective scientist) привносит в процесс научное знание, но также осознает иерархию процессов СПЗ.

2. *Посредник* проясняет и синтезирует точки зрения, которые разделяют разные группы участников. Он предоставляет участникам возможность ознакомиться с релевантным опытом и знаниями, чтобы преодолеть разрыв в осведомленности о той или иной проблематике.

3. *Фасилитатор* контролирует и совершенствует коммуникацию, облегчая таким образом интеграцию производства и использования знаний для выработки конкретных решений.

4. *Агент изменений* стремится мотивировать и расширять возможности участников с целью решения стоящих перед ними задач.

5. *Саморефлексирующий ученый* (self-reflexive scientist) занимается анализом нормативной ориентации и структуризации собственной деятельности как части СПЗ.

6. *Эксперт по обучению* помогает практикам или представителям местных сообществ овладевать релевантными знаниями в ходе СПЗ.

7. *Рефлексирующий фасилитатор* поощряет рефлексивные практики других участников СПЗ, действуя как критически настроенный коллега или спарринг-партнер.

Все перечисленные роли объединяет то, что они предполагают активное вовлечение в процессы СПЗ. Виды участия заинтересованных сторон в зависимости от формы и функции проекта СПЗ классифицируют по таким типам взаимодействия, как номинальное, инструментальное, репрезентативное и трансформирующее¹. Номинальное участие не предполагает осуществление изменений, при этом придает «законность» реализуемым планам. Инструментальное вовлечение участников реализуется через эффективное использование навыков и знаний заинтересованных сторон, где их навыки и знания выступают в качестве инструмента изменений. Репрезентативное участие заключается в предоставлении сообществам и заинтересованным сторонам голоса в принятии решений и формировании политики, влияющей на их жизнь. Трансформационное вовлечение участников в СПЗ осуществляется в расширении прав и возможностей вовлеченных заинтересо-

¹ Ghodsvali M., Krishnamurthy S., de Vries B. Review of transdisciplinary approaches to food-water-energy nexus : a guide towards sustainable development // Environmental science & policy. – 2019. – Vol. 101. – P. 266–278.

ванных сторон, что представляет собой и средство, и цель происходящих изменений.

Исследователи выделяют несколько методов, которые обеспечивают практические результаты и трансформационные решения, возникающие в ходе СПЗ [Learning from ... , 2022]. Эти исследовательские подходы способствуют синергии науки и «местных знаний», носителями которых являются члены локальных сообществ.

Одним из таких подходов является концепция «видения двумя глазами» (two-eyed seeing), предполагающая объединение систем знаний, в частности знаний коренных народов или жителей той или иной местности и научных знаний с учетом их различий. В рамках этого подхода происходит развитие модели СПЗ как модели коэволюции знаний. Структура «видения двумя глазами» во многом соответствует множественному доказательному подходу, при котором различные системы знаний объединяются и оцениваются в соответствии с присущими каждой конкретной системе критериями [Learning from ... , 2022, p. 458].

Еще один подход, реализуемый в СПЗ, – процесс «пограничной работы» (boundary work) и создание «пограничных объектов» (boundary objects). Пограничная работа представляет собой совместное творчество участников, обмен знаниями и преодоление границ между участниками процесса (практических, политических и культурных различий). Пограничные объекты могут быть понятиями, идеями и / или их элементами, которые все заинтересованные стороны признают и используют в качестве общих. Они, таким образом, становятся каналами соединения и взаимовыгодными инструментами обучения и адаптации различных акторов СПЗ.

Пограничные объекты возникают в результате применения ряда инструментов и методов, способствующих СПЗ. Например, групповые разговорные подходы к сбору данных и генерированию знаний, такие как обсуждение в группе и круги общения (talking circles); сценарное планирование; воркшопы по обсуждению целей проекта и определению базовых принципов СПЗ; привлечение к работе фасилитатора для развития доверия, продвижения общих интересов, управления конфликтами, поддержки единого понимания процессов СПЗ и т.д. [Learning from ... , 2022, p. 458].

В заключение отметим, что совместное производство знаний находит все большее признание как передовой подход к совместным, трансдисциплинарным, ориентированным на практические меры исследованиям, связанным с преодолением последствий климатических изменений, охраной окружающей среды и борьбой с бедностью. Его уникальность заключается прежде всего в том, что относится к процессам, которые поддерживают синергетическую роль носителей знаний (представителей местных сообществ, гражданского общества, традиционных ученых) на основе принципов справедливости при построении отношений в ходе СПЗ. Эффективно организованные процессы СПЗ способствуют росту доверия, построению новых отношений и сетей, что может помочь в достижении крупномасштабных и долгосрочных изменений.

При этом очевидно, что исследователи, работающие в рамках СПЗ, сталкиваются с более широким кругом профессиональных, философских, методологических вызовов по сравнению с теми, кто проводит исследования в рамках традиционных дисциплинарных границ и подходов. Это ставит перед практиками СПЗ необходимость дополнительного обучения и развития разнообразных навыков, в том числе коммуникативных.

Список литературы

Building trust, building futures : knowledge co-production as relationship, design, and process in transdisciplinary science / Kliskey A., Williams P., Trammell E.J., Cronan D., Griffith D., Alessa L., Lammers R., de Haro-Martí M.E., Oxarango-Ingram J. // *Frontiers in environmental science*. – 2023. – Vol. 11. – P. 1–16. – DOI: 10.3389/fenvs.2023.1007105

Knowledge co-production and researcher roles in transdisciplinary environmental management projects / Vinke-de Kruijf J., Verbrugge L., Schröter B., den Haan R.-J., Cortes Arevalo J., Fliervoet J., Henze J., Albert Ch. // *Sustainable development*. – 2022. – Vol. 30. – P. 393–405.

Learning from knowledge co-production research and practice in the twenty-first century : global lessons and what they mean for collaborative research in Nunatsiavut / Zurba M., Petriello M.A., Madge C., McCarney P., Bishop B., McBeth S., Denniston M., Bodwitch H., Bailey M. // *Sustainability science*. – 2022. – Vol. 17. – P. 449–467.

Principles for successful knowledge co-production for sustainability research / Norström A.V., Cvitanovic C., Löf M.F. [et al.] // *Nature sustainability*. – 2020. – N 3. – P. 182–190. – DOI: 10.1038/s41893-019-0448-2

References

Building trust, building futures: Knowledge co-production as relationship, design, and process in transdisciplinary science / Kliskey A., Williams P., Trammell E.J., Cronan D., Griffith D., Alessa L., Lammers R., de Haro-Martí M.E., Oxarango-Ingram J. // *Frontiers in environmental science*. – 2023. – Vol. 11. – P. 1–16. – DOI: 10.3389/fenvs.2023.1007105

Knowledge co-production and researcher roles in transdisciplinary environmental management projects / Vinke-de Kruijf J., Verbrugge L., Schröter B., den Haan R.-J., Cortes Arevalo J., Fliervoet J., Henze J., Albert Ch. // *Sustainable development*. – 2022. – Vol. 30. – P. 393–405.

Learning from knowledge co-production research and practice in the twenty-first century : global lessons and what they mean for collaborative research in Nunatsiavut / Zurba M., Petriello M.A., Madge C., McCarney P., Bishop B., McBeth S., Denniston M., Bodwitch H., Bailey M. // *Sustainability science*. – 2022. – Vol. 17. – P. 449–467.

Principles for successful knowledge co-production for sustainability research / Norström A.V., Cvitanovic C., Löf M.F. [et al.] // *Nature sustainability*. – 2020. – N 3. – P. 182–190. – DOI: 10.1038/s41893-019-0448-2

УДК 316.94

DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.09

ЯДОВА М.А.* РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ТРАВИН Д.Я. КАК ГОСУДАРСТВО БОГАТЕЕТ: ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ. – МОСКВА: ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА, 2022. – 400 с.

Аннотация. Рецензия посвящена недавно опубликованной книге Д.Я. Травина «Как государство богатеет: путеводитель по исторической социологии». В работе рассказывается о важнейших научных концепциях, объясняющих истоки формирования современных обществ. Особое внимание уделяется анализу успешных и неудачных результатов процессов модернизации, политических и экономических трансформаций в разных странах мира, включая Россию.

Ключевые слова: историческая социология; современное общество; модернизация; социальные трансформации; Россия.

Для цитирования: Ядова М.А. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 3. – С. 163–169. Рец. на кн.: Травин Д.Я. Как государство богатеет : путеводитель по исторической социологии. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2022. – 400 с. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.09

Рецензия поступила: 23.06.2023.

Принята к публикации: 03.07.2023.

* Ядова Майя Андреевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; m.yadova@mail.ru

YADOVA M.A.** Book review: Travin D.Ya. How the state is getting wealthy: a guide to historical sociology. – Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2022. – 400 p.

Abstract. The author reviews the recently published D.Ya. Travin's book «How the state is getting wealthy: a guide to historical sociology». The work describes the most important scientific concepts explaining the reasons for the formation of modern societies. Special attention is paid to the analysis of successful and unsuccessful results of modernization processes, political and economic transformations in different countries of the world, including Russia.

Keywords: historical sociology; modern society; modernization; social transformations; Russia.

For citation: Yadova M.A. [Book review]. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 3. – P. 163–169. Book review: Travin D.Ya. Kak gosudarstvo bogateet : putevoditel' po istoricheskoy sociologii [How the state is getting wealthy : a guide to historical sociology]. – Moscow : Gaidar Institute Publishing House, 2022. – 400 p. DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.09

Received: 23.06.2023.

Accepted: 03.07.2023.

Сегодня, когда мир переживает ренессанс архаики и традиционализма, становятся особенно актуальными вечные вопросы о том, кто виноват и что делать. Оригинальную попытку ответить на эти вопросы предпринял в своей книге «Как государство богатеет: путеводитель по исторической социологии» известный социолог и экономист, научный руководитель Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге, профессор, кандидат экономических наук Дмитрий Яковлевич Травин. Он доходчиво и остроумно демонстрирует, как лучшие умы в области исторической социологии объясняли логику развития и трансформаций в современных обществах. Книга представляет собой крат-

** Yadova Maiya Andreevna – Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; m.yadova@mail.ru

кий обзор наиболее крупных научных работ по исторической социологии, имеющих или переведенных к сегодняшнему дню на русский язык. Примечательно, что Д.Я. Травин не ограничивается лишь работами авторов, взгляды которых ему близки, но также останавливается на концепциях, подходах и исследованиях, которые с его точки зрения дают недостаточные или неверные ответы на злободневные вопросы, волнующие нашего современника. Это позволяет читателю, попробовав все «блюда меню», выбрать в итоге наиболее интересные для себя работы коллег и впоследствии ознакомиться с ними подробнее.

Путеводитель имеет логически выверенную структуру и состоит из семи глав. Первая глава открывается обзором работы Р. Лахмана об исторической социологии [Lachmann, 2013] и посвящена путям развития современных обществ. Во второй главе рассматриваются наиболее популярные версии теории модернизации, главы 3 и 4 дают читателям представление о ключевых особенностях институционального анализа и роли социальных институтов в обществе. В главе 5 излагаются оригинальные научные концепции о человеке и социуме, которые находятся, по словам автора, «вне мейнстрима» общепринятых интеллектуальных дискурсов, а порой и противоречат им. В главе 6 автор сосредоточивается на теме государства, его форм, строительства и распада. Закрывает книгу глава 7, посвященная всегда актуальной проблеме революционной борьбы и неудач в ходе ее осуществления.

Эта смелая и оригинальная книга, написанная в не совсем обычном для научного текста жанре путеводителя, является, по сути, первым и пока единственным путеводителем по исторической социологии в нашей стране. Кроме того, это не только путеводитель, но и авторское исследование-путешествие в мире научных теорий, концепций и подходов, раскрывающее множество аспектов развития общества. Остановимся на некоторых особенно запомнившихся идеях, изложенных в рецензируемой работе.

Наверное, отечественный читатель прежде всего обратит внимание на темы, так или иначе связанные с развитием и модернизацией российского общества. В дискуссиях российских интеллектуалов общим местом являются попытки сравнить различные стороны жизни нашего общества с аналогичными особенностями

западных социумов – как правило, не в пользу первого. Немало страниц путеводителя посвящено данному вопросу.

Так, Д.Я. Травин, опираясь на рассуждения М. Олсона [Olson, 2000] о мощном влиянии на государство различных лоббистских групп, цели которых нередко идут вразрез с общественным благом, объясняет провал в нашей стране постперестроечных реформ и удачное проведение реформ Дэна Сяопина в Китае, экономическое чудо в послевоенных Германии и Японии. Россия, в отличие от Китая, Германии и Японии, «в 1990-е годы дала свободу бизнесу, но пресечь лоббизм не смогла, что ослабило государство и сделало его популистским» [Травин, 2022, с. 163]; когда же «новая власть ограничила свободу бизнеса и усилила государство» [там же, с. 163–164], разнообразные лоббисты «стали использовать его в своих корыстных целях» [там же].

С юмором автор путеводителя говорит о мечтах некоторых превратить Россию в условную Данию или Финляндию. Он напоминает тезис Ф. Фукуямы о том, что либеральная демократия возможна в обществе лишь при наличии жесткого баланса сил между различными участниками политического процесса [цит. по: Травин, 2022, с. 167]; в России с традиционными для нее внутриэлитными разборками сохранить подобный баланс практически невозможно. Кроме того, Д.Я. Травин разделяет взгляды Е.Т. Гайдара [Гайдар, 2005] о том, что западная культура не «выросла» сама по себе, а сформировалась в результате рациональных взаимовыгодных действий людей и демократических институтов. Нашей же стране еще только предстоит выработать по-настоящему взаимовыгодные отношения между государством и бизнесом, трудящимися, общественными организациями [Травин, 2022, с. 181–182].

Сегодня, когда вера в казавшиеся ранее незыблемыми ценности и идеалы модерна, прогресс, разум и демократические завоевания подорвана, а тенденции неоархаизации усиливаются, кажется, настало время для алармистских прогнозов. Пессимистам, разуверившимся в потенциале идеи модернизации для России, хочется напомнить результаты многолетних исследований процессов модернизации в развивающихся и развитых обществах, которые проводились под руководством известного американского социолога А. Инкелеса. В своих работах, опираясь на внушительный по объему эмпирический материал, А. Инкелес показывает: как бы ни

отличались друг от друга современные и модернизирующиеся социумы, схожего в них значительно больше. Процессы конвергенции, по его мнению, широкомасштабны, всесторонни и имеют глобальные социальные последствия. Вместе с тем конвергенция не отменяет протекающих параллельно процессов дивергенции, порожденных национальными и социокультурными особенностями тех или иных стран. А. Инкелес убежден, что несмотря на явные интенции к сближению, не существует «единого стандарта, разделяемого всеми» [Inkeles, 2019, p. 260] участниками глобального мира, о какой бы общественной сфере ни шла речь, а это значит, что шанс на успешную модернизацию есть у всех стран.

Что касается ценностно-личностного измерения процесса модернизации, то, обсуждая известные выводы Р. Инглхарта [Inglehart, 1990], Д.Я. Травин обращает внимание на концепцию столкновения ценностей выживания и ценностей самовыражения. Первые часто порождают диктатуры, т.к. «люди соглашаются на ограничение своих свобод, ради того, чтобы кто-то мог твердой рукой навести порядок» [Травин, 2022, с. 124], в то время как «ценности самовыражения с диктатурой несовместимы, поскольку творческий человек в стремлении выразить свою личность постоянно переходит дозволенные рамки» [там же]. Д.Я. Травин предполагает, что установка новых поколений на творческие и свободные ценности самовыражения дадут нашей стране демократический импульс. Вместе с тем он опасается, что эти надежды могут не оправдаться из-за перманентно кризисного состояния российского социума. Надо сказать, что в среде российских обществоведов надежды на поколенческие сдвиги не всегда находят понимание. Одни исследователи с сожалением констатируют, как представители постсоветских поколений воспроизводят паттерны «советского простого человека», другие считают ошибочным стремление видеть в миллениалах и центениалах потенциальных акторов политических преобразований [Радаев, 2019, с. 19]. Нам же хочется поддержать оптимистическую позицию Д.Я. Травина в отношении современной российской молодежи, отметив, что открытость новому, адаптивность и активность представителей этого поколения дают им дополнительные возможности для реализации себя в качестве субъекта будущих социально-политических изменений в России.

Автор книги напоминает читателю парадоксальные рассуждения о природе государства и взаимоотношениях власти и гражданина немецкого экономиста и социолога Ф. Оппенгеймера [Оппенгеймер, 2020]; надо сказать, что такой взгляд был бы полезен и современному человеку. Травин пишет: «Человек, проникшийся государственной идеологией, выглядит просителем перед властями. И он рад, если хоть что-то удастся у государства добыть: маленькую пенсию, бесплатный прием у терапевта, скидку с коммунальных платежей. Человек, прочитавший Франца Оппенгеймера, будет размышлять по-другому: государственные служащие живут на налоги, которые мы платим, а потому они достойны что-то получать лишь в том случае, если эффективно распоряжаются нашими бюджетными средствами. Не работают нормально — пусть выметаются» [Травин, 2022, с. 24–25].

Далеко не всегда Д.Я. Травин согласен с мнениями авторов, о работах которых пишет. Например, большой популярностью у людей оппозиционных взглядов пользуется работа современного политолога Дж. Шарпа «От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения» [Sharp, 2003], которую Д.Я. Травин подверг разгромному критическому анализу. Автор путеводителя справедливо отмечает, что революция в ходе ненасильственного протеста возможна лишь при соблюдении ряда дополнительных условий: раскол элит, благоприятная международная обстановка и определенным образом (либерально) ориентированная идеология внутри социума (в качестве примера он приводит мирное «освобождение» от советского режима стран Балтии) [Травин, 2022, с. 377–381].

Подводя итоги, важно отметить, что рецензируемая книга написана прекрасным литературным языком, обсуждаемые в ней сложнейшие научные проблемы интересно, образно и доступно изложены. Не вызывает сомнений, что путеводитель по исторической социологии, подготовленный Д.Я. Травиным, будет полезен не только социальным исследователям, но и всем, кто ищет ответы на вечные вопросы развития социума. Для вдумчивого читателя эта работа может стать настольной книгой, к которой еще не раз захочется вернуться.

Список литературы

- Гайдар Е. Долгое время. Россия в мире : очерки экономической истории. – 3-е изд. – Москва : Дело, 2005. – 656 с.
- Оппенгеймер Ф. Государство. – Москва : RUSTATE.ORG, 2020. – 255 с.
- Радаев В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 224 с.
- Травин Д.Я. Как государство богатеет : путеводитель по исторической социологии. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2022. – 400 с.
- Inglehart R. Culture shift in advanced industrial society. – Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1990. – 484 p.
- Inkeles A. One world emerging? : convergence and divergence in industrial societies. – London : Routledge, 2019. – 448 p.
- Lachmann R. What is historical sociology? – Cambridge : Polity Press, 2013. – 160 p.
- Olson M. Power and prosperity : outgrowing communist and capitalist dictatorships. – New York : Basic books, 2000. – 272 p.
- Sharp G. From dictatorship to democracy : a conceptual framework for liberation. – 2nd ed. – Boston, MA : Albert Einstein Institution, 2003. – 93 p.

References

- Gaidar E. *Dolgoe vremya. Rossiya v mire : ocherki ekonomicheskoy istorii* [Long time. Russia in the world : essays of economic history]. 3rd. ed. – Moscow : Delo, 2005. – 656 p. (In Russian)
- Inglehart R. *Culture shift in advanced industrial society*. – Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1990. – 484 p.
- Inkeles A. *One world emerging? : convergence and divergence in industrial societies*. – London : Routledge, 2019. – 448 p.
- Lachmann R. *What is historical sociology?* – Cambridge : Polity Press, 2013. – 160 p.
- Olson M. *Power and prosperity : outgrowing communist and capitalist dictatorships*. – New York : Basic books, 2000. – 272 p.
- Oppenheimer F. *Gosudarstvo* [The state]. – Moscow : RUSTATE.ORG, 2020. – 255 p. (In Russian)
- Radaev V.V. *Millenialy : kak menyaetsya rossijskoe obschestvo* [Millennials : how the russian society changes]. – Moscow : HSE, 2019. – 224 p. (In Russian)
- Sharp G. *From dictatorship to democracy : a conceptual framework for liberation* (2nd ed.). – Boston, MA : Albert Einstein Institution, 2003. – 93 p.
- Travin D.Ya. *Kak gosudarstvo bogateet : putevoditel' po istoricheskoy sociologii* [How the state is getting wealthy : a guide to historical sociology]. – Moscow : Gaidar Institute Publishing House, 2022. – 400 p. (In Russian)

СОЦИОЛОГИЯ БУДУЩЕГО

УДК 316.1

DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.10

РАРЕНКО А.А.* СОЦИОЛОГИЯ БУДУЩЕГО: ЦЕЛИ И ПЕРСПЕКТИВЫ. (Обзор)

Аннотация. Для большинства профессионалов, как и для людей, далеких от науки, социология – это дисциплина, которая изучает явления современного исследователю общества, хотя предметом социологического анализа могут стать и события прошлого. Что же касается словосочетания «социология будущего», то оно вызывает недоумение. Тем не менее, социологи сегодня рассматривают возможность изучения будущего – с привлечением методов и принципов работы других дисциплин, в первую очередь истории, экономики и науки о данных.

Ключевые слова: вызовы современной социологии; настоящее; будущее; прошлое; ностальгия; фотография как средство фиксации прошлого.

Для цитирования: Раренко А.А. Социология будущего : цели и перспективы. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 3. – С. 170–177. – DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.10

Статья поступила: 14.06.2023.

Принята к публикации: 23.08.2023.

* Раренко Андрей Алексеевич – младший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; andrejj97@rambler.ru

RARENKO A.A.** Sociology of the future: objectives and prospects. (Literature review)

Abstract. In the minds of most people, not only ordinary people, but also professionals, sociology is a science that studies phenomena taking place in the society contemporary for the researcher. In some cases, the subject of sociological research may be events of the past. The phrase «sociology of the future» sounds rather strange. However, modern sociologists are considering a possibility of studying the future, drawing on the methods and principles of work of other disciplines, primarily history, economics and data science.

Keywords: sociology; future; present; past; relationship between the present and the future; nostalgia; challenges of modern sociology; photography as a means of capturing the past.

For citation: Rarenko A.A. Sociology of the future : objectives and prospects. (Literature review). Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 3. – P. 170–177. DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.10

Received: 14.06.2023.

Accepted: 23.08.2023.

Будущее всегда интересовало как людей, далеких от науки, так и специалистов самого разного профиля – гуманитариев и обществоведов, представителей естественных и точных наук. Можно предположить, что в меньшей степени феномен будущего должен был бы занимать социологов, поскольку профессиональные интересы социологии лежат преимущественно в сфере современности. Более того, как правило, вероятный интерес социолога к прошлому так или иначе обусловлен связью этого прошлого с настоящим. Тем не менее, как свидетельствуют рассмотренные ниже работы современных британских исследователей, будущее все чаще становится предметом социологической рефлексии.

** Rarenko Andrey Alekseevich – Junior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; andrej97@rambler.ru

«Будущее социологии будущего» обсуждается в статье Сьюзен Хэлфорд и Дейла Саутертон (Бристольский университет, Великобритания). Авторы утверждают, что социология может и должна быть использована для осмысления того, каким может быть будущее. Это означает, что выход социологии за ее дисциплинарные рамки ведет к расширенному взаимодействию с другими источниками, которые формируют будущее, а также то, что социология как предметная область может подвергнуться в будущем значительной трансформации.

В 2021 г. отмечалось 70-летие Британской социологической ассоциации. Темой ее ежегодной конференции стала «Переделка будущего» (Remaking the future); при этом организаторы призывали участников конференции «смотреть вперед» в контексте охватившей большинство стран мира пандемии COVID-19. Речь шла не о том, «как вернуться к нормальной жизни», а о том, «как что-то изменить и стать другими» [Halford, Southerton, 2023, p. 263–264]. Всплеск интереса к будущему явился следствием ряда кризисов, которые человечество пережило за короткий период времени (геополитических, экономических, политических), а также – прорывов в сферах здравоохранения и искусственного интеллекта, серьезно повлиявших на будущее человечества.

Процессы, происходящие сегодня в мировом сообществе, вызывают обеспокоенность социологов. Как замечают в этой связи Хэлфорд и Саутертон, «пока одни сводят концы с концами, Илон Маск тратит миллиарды долларов на покорение Марса» [Halford, Southerton, 2023, p. 264]. Иными словами, одним из самых животрепещущих вопросов нашего времени, требующих внимания социологии как дисциплины, становится неравномерность «распределения будущего» [ibid.].

Основная идея авторов статьи состоит в том, что социология, сделав приоритетом анализ проблем современности, накопила солидный опыт в изучении социальных феноменов и процессов, которые имели место в прошлом. Однако сейчас социальные аналитики все чаще говорят о том, что социология в первую очередь должна быть ориентирована на будущее, с тем, чтобы прогнозировать социальные процессы и управлять ими. С этой точки зрения современная социология как способ теоретического исследования будущего и его воплощения в практиках демонстрирует свою не-

эффективность. Тем не менее, потенциал социологии в плане ее «взаимодействия» с будущим огромен. Во-первых, социология как научная дисциплина имеет прочные теоретические, методологические и эмпирические традиции, которые самым непосредственным образом связаны с перспективой осмысления будущего, взаимодействия с ним и его «создания». Во-вторых, эти существенные ресурсы и богатые наработки в теории и методологии еще не были широко апробированы для исследований будущего в дисциплинарных рамках социологии. Хэлфорд и Саутертон утверждают, что у социологии будущего хорошие междисциплинарные перспективы. Социология сможет упрочить свою позицию в прогнозировании будущего с помощью диалога с другими дисциплинами, в первую очередь – экономикой и наукой о данных, а также – путем сотрудничества с широким кругом неакадемических «актеров будущего». Тем не менее, пишут в заключение авторы статьи, социология не должна покидать собственное дисциплинарное поле, поскольку именно здесь она демонстрирует диапазон и широту теоретических, методологических и эмпирических ресурсов, которые необходимы для междисциплинарного осмысления феномена будущего в рамках социального знания о нем.

По мнению Тима Стренглмена (Университет Кента, г. Кентербери, Великобритания), для плодотворного «взаимодействия» с будущим социологам необходимо «включить» историческое воображение, т.е. социология должна стать исторически ориентированной, чтобы наглядно демонстрировать процессы, которые проходили в прошлом. Кроме того, необходимо принять к сведению идеи, концепции и теории, которые присутствуют в размышлениях о прошлом, с одной стороны, и могут быть полезны для описания наших представлений о будущем – с другой. Наконец, следует разработать методы осмысления социологически опосредованных отношений между прошлым, настоящим и будущим. Прежде всего сказанное относится к категории «ностальгия» и феномену индустриализации. Как замечает автор, для того чтобы обсуждать будущее, нужно в той ли иной степени быть уверенным в прошлом, т.е. подключить к работе «коллективное критическое историко-социологическое воображение» [Strangleman, 2023, p. 305].

Основная идея статьи Стренглмена состоит в том, что искусственное «отсечение» себя от прошлого (cutting off) ограничивает

нашу способность понимать настоящее и будущее, а также и само прошлое. Автор подробно останавливается на понятии «ностальгическая социология». Ностальгическая парадигма является устойчивой распространенной характеристикой западной культуры (литературы, искусства, истории, медицины и социальной теории). Ностальгические настроения приобретают особое значение в культурах модерна в связи с утратой общинной простоты, традиционной стабильности и культурной интеграции в контексте современных капиталистических обществ. Стренглмен выделяет три уровня ностальгии: простая, рефлексивная и критическая. Простая ностальгия подразумевает «нерефлексивное, некритическое погружение в воображаемое прошлое» [Strangleman, 2023, p. 308–309]. Этот тип ностальгии встречается довольно редко; в большинстве своем те, кто размышляет о прошлом, имеют дело с рефлексивной ностальгией. В этом случае субъект ностальгии задает себе вопрос: «Неужели это было так на самом деле?» и таким образом устанавливает связь между воспоминаниями (прошлым) и реальностью (настоящим). Часто рефлексивный и критический типы ностальгии связаны друг с другом, поскольку ностальгирующий индивид может спросить себя: «Почему я так думаю сейчас и как именно то, что я думаю сейчас, говорит мне о том, как я отношусь к прошлому, настоящему и будущему?» [Strangleman, 2023, p. 309].

Для автора социология будущего принципиально возможный ракурс социологического исследования, в котором прошлое имеет решающее значение. Социология может раскрыть прогрессивный потенциал будущего как с точки зрения предложения способов видения будущего, так и в плане более надежного объяснения самой истории. Социологические исследования всегда рассматривались как более «надежные», если имели подтверждение в историческом прошлом. Социологи могут привлекать историко-социологическое воображение в ходе анализа и критики настоящего именно потому, что знают, как возникло и формировалось это настоящее («сейчас») под влиянием прошлого. Понимание корней современного мира, политики и культуры позволило ученым заглянуть в будущие потенциальные способы бытия, продолжает Стренглмен. Именно эта привязанность или, точнее, понимание непрерывности и одновременно разрыва линейного времени позволяет исследователям формулировать жизнеспособное объясне-

ние будущих возможностей и тенденций. Это чувство истории не должно сводиться к наследию, контексту или реликвиям, которые придали форму настоящему. Прошлое также не является всего лишь чем-то призрачным, что время от времени «проявляется» в настоящем. История воздействует на людей и общество сразу несколькими способами: структурируя, ограничивая и делая возможным потенциальное настоящее и будущее.

Социология будущего должна также отражать и отразить свое отношение к прошлому. Социологию можно рассматривать как проекцию утраты – аутентичности, целостности, укорененности. Одновременно с этим социология есть проект восстановления и выявления утраты с целью понять будущие возможности. Опираясь на исследования периода деиндустриализации (который характерен для современности и является завершающим этапом последовательной смены доиндустриализации и собственно индустриализации, согласно исторической классификации автора), наше современное состояние взывает к осмыслению прошлого, настоящего и будущего [Strangleman, 2023, p. 312]. Сегодня индивиды, сообщества и национальные государства пребывают в пространстве полураспада индустриального общества, и в этом пространстве имеется вакуум, позволяющий обсуждать и формировать прогрессивные будущие возможности, заключает Стренглмен.

Статья Джона Гудвина (Лестерский университет, Великобритания) «Медленная социология для социологии будущего» посвящена возможностям фотографии как фактора влияния на социальные изменения и на социологическую науку. Мода на принципы исследований и методы сбора данных часто меняется, притом, что современные и будущие методологические техники базируются на методах прошлого. Особое внимание следует обратить на фотографию – важный инструмент для сбора социологических данных. Использование фотографий автор называет «визуальным поворотом» в социологических исследованиях. Автор рассматривает социологическое исследование как долгосрочный процесс, в котором прошлые исследовательские практики связаны с практиками текущими и указывают на возможные новые направления анализа и сбора данных [Goodwin, 2023, p. 415].

Как отмечает автор, в ходе социологических исследований, как при сборе эмпирических данных, так и на этапе исследований

полевых, он сталкивается с тремя проблемами. Во-первых, постоянное взаимодействие между качественными, количественными, смешанными и творческими исследовательскими методами предоставляет в распоряжение социологов множество инструментов для изучения социальной жизни, что нельзя однозначно оценивать как положительный эффект или исключительно отрицательный. Во-вторых, пандемия COVID-19 повлияла на возможности проведения полевых исследований, в одних случаях их ограничив, в других – сделав невозможными. Наконец, главной проблемой автор считает очевидное и постоянное желание исследователей получить данные как можно эффективнее и быстрее [Goodwin, 2023, p. 415].

Визуализация ускоряет и удешевляет некоторые процессы сбора данных в несколько раз. Стремительное развитие технологий и технических средств, а также современные возможности программного обеспечения позволяют исследователю быстрее собирать эмпирические данные. Но, как и везде, есть нюансы. Современные технологии настолько продвинулись, что в погоне за количеством исследователи часто забывают про качество. Для примера Гудвин использует снимок одного и того же объекта, запечатленного при помощи современного мобильного телефона и на Polaroid: фотография, сделанная на *Polaroid*, вызывает больше интереса, чем привычная, современная; «некачественную» фотографию хочется рассматривать, изучать мелочи, включать воображение [Goodwin, 2023, p. 416]. Автор предлагает представить ситуацию, когда в ходе полевой работы социологу требуется сделать фотографии, причем количество кадров ограничено (пленка вмещает всего десять фотографий). В этом случае нет возможности бездумно щелкать аппаратом, чтобы в дальнейшем выбрать лучшие кадры. Исследователь вынужден «замедлиться»: он подумает и примет взвешенное решение [ibid., p. 419]. Автор разделяет уверенность в том, что социология может оказаться весьма эффективным способом изучения будущего, но при этом подчеркивает, что навыки, которые необходимы для качественных социологических исследований, могут быть утрачены [ibid., p. 419].

В заключение следует отметить, что по мнению британских социальных исследователей социологическое осмысление будущего не только возможно, но и необходимо. Привлекая методы и

принципы работы смежных дисциплин, в первую очередь истории, экономики и науки о данных, социологи могут способствовать более глубокому изучению будущего.

Список литературы

Goodwin J. Slower sociologies for the sociology of the future // *Sociology*. – 2023. – Vol. 57, N 2. – P. 415–420. – DOI: 10.1177/00380385221127106

Halford S., Southerton D. What future for the sociology of futures? Visions, concepts and methods // *Sociology*. – 2023. – Vol. 57, N 2. – P. 263–278. – DOI: 10.1177/00380385231157586

Strangleman T. Sociological futures and the importance of the past // *Sociology*. – 2023. – Vol. 57, N 2. – P. 305–314. – DOI: 10.1177/00380385221119093

References

Goodwin J. Slower Sociologies for the sociology of the future. *Sociology*. – 2023. – Vol. 57, N 2. – P. 415–420. – DOI: 10.1177/00380385221127106

Halford S., Southerton D. What future for the sociology of futures? Visions, concepts and methods. *Sociology*. – 2023. – Vol. 57, N 2. – P. 263–278. – DOI: 10.1177/00380385231157586

Strangleman T. Sociological futures and the importance of the past. *Sociology*. – 2023. – Vol. 57, N 2. – P. 305–314. – DOI: 10.1177/00380385221119093

УДК 316.4

DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.11

КОЗИН С.В.^{*}, ЖИДЯЕВА Т.П.^{**} ПОСТКОВИДНОЕ ОБЩЕСТВО В ФОКУСЕ СОЦИОЛОГИИ: СТАРЫЕ И НОВЫЕ ТРЕНДЫ. (Обзор по итогам XVI Ковалевских чтений)¹

Аннотация. Настоящий обзор посвящен прошедшей Всероссийской научной конференции – XVI Ковалевским чтениям, состоявшимся в Санкт-Петербургском государственном университете 17–19 ноября 2022 г. Тема чтений – «Социология в постглобальном мире: проблемы и перспективы». Авторами обзора были кратко освещены наиболее интересные, с их точки зрения, доклады, представленные докладчиками в рамках тематических секций и на специально организованных круглых столах. В частности, участниками конференции были рассмотрены различные аспекты развития цифровых технологий, их влияние на современную повседневную и трудовую жизнь людей. Немалая часть докладов была посвящена новым исследованиям феномена прекаризации, гендерных и демографических проблем, новациям в отечествен-

^{*} © Козин С.В., Жидяева Т.П., статья, 2023

Козин Сергей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Южного федерального университета, Ростов-на-Дону; mister.svk92@yandex.ru

^{**} Жидяева Татьяна Павловна – старший преподаватель кафедры гуманитарных и экономических дисциплин Алатырского филиала ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», Алатырь; tanya21_84@mail.ru

¹ Авторы обзора выражают искренние слова благодарности анонимным рецензентам и редакции журнала «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология» за ценные советы и конструктивный диалог, позволившие улучшить текст.

ных системах образования, здравоохранения и т.п. Авторы обзора полагают, что представленные докладчиками результаты исследований дадут новый ощутимый импульс для дальнейшего развития российской социологии.

Ключевые слова: гендер; демография; Ковалевские чтения; прекариат; рынок труда.

Для цитирования: Козин С.В., Жидяева Т.П. Постковидное общество в фокусе социологии : старые и новые тренды. (Обзор по итогам XVI Ковалевских чтений) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 3. – С. 178–188. – DOI: 10.31249/rtoc/2023.03.11

Статья поступила: 07.03.2023.

Принята к публикации: 18.06.2023.

KOZIN S.V.^{***}, ZHIDYAEVA T.P.^{****} Post-covid society in the focus of sociology: old and new trends. (Review of the XVI Kovalevsky Readings)

Abstract. This review is devoted to the past All-Russian Scientific Conference – XVI Kovalevsky Readings held in St. Petersburg, St. Petersburg State University on November 17–19, 2022. The theme of the readings is «Sociology in the post–global world: problems and prospects». The authors of the review briefly highlighted the most interesting and promising reports presented by a large number of speakers at working thematic sections and specially organized two round tables. In particular, the participants of the conference considered various aspects of the development of digital technologies; and their impact on modern everyday and working life of people. In addition, a considerable part of the papers was devoted to new research in the field of the study of precarization, gender and demographic problems, innovations in the domestic education system, health system, etc. The authors of this review believe that the results that the speakers

^{***} Kozin Sergey Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Social Technologies of the Southern Federal University, Rostov-on-Don; mister.svk92@yandex.ru

^{****} Zhidyayeva Tatyana Pavlovna – Senior Lecturer, Department of Humanities and Economic Disciplines, Alaty Branch, Chuvash State University, Alaty; tanya21_84@mail.ru

highlighted will give a new tangible impulse for further development of Russian sociology.

Keywords: gender; demography; Kovalevsky Readings; precariat; labor market.

For citation: Kozin S.V., Zhidyayeva T.P. Post-COVID society in the focus of sociology : old and new trends. (Review of the XVI Kovalevsky Readings). Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Ser. 11: Sociology]. – 2023. – N 3. – P. 178–188. DOI: 10.31249/rsoc/2023.03.11

Received: 07.03.2023.

Accepted: 18.06.2023.

17–19 ноября 2022 г. в стенах Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) состоялась Всероссийская научная конференция – XVI Ковалевские чтения. Тема этих чтений – «Социология в постглобальном мире: проблемы и перспективы». В научном мероприятии приняло участие более 300 человек. На конференции действовали десять тематических секций. С приветственной речью к собравшимся участникам конференции обратился председатель Программного комитета, профессор Н.Г. Скворцов (СПбГУ, Санкт-Петербург), который выразил слова благодарности всем, кто проявил интерес к данному мероприятию.

Профессор Н.М. Великая (ИСПИ ФНИСЦ РАН, г. Москва) в докладе «Легитимность власти как основание консолидации российского общества» [Великая, 2022] отметила, что внимание к легитимности власти в любом обществе, как правило, возрастает в кризисные времена. Она остановилась на следующих формах легитимности:

1) *демократическая* – базируется на первичности прав и свобод человека, выборности всех основных органов власти народом, паритетности всех политических сил, функционирующих в рамках закона;

2) *технократическая (эффективная)* – выражается в том, что полномочия, передаваемые народом, должны быть приняты профессиональными в определенной сфере должностными лицами;

3) *идеологическая* – заключается в убежденности граждан в верности работы настоящего политического режима и представляющих его институтов;

4) *онтологическая* – основана на том, что всякая власть, получающая полномочия, обязана отвечать постулатам человеческого и социального бытия.

Эти формы, по словам Н.М. Великой, дополняют друг друга. Обращаясь к данным 52-й волны мониторинга «Как живешь, Россия?»¹, проведенного ИСПИ ФНИСЦ РАН, Н.М. Великая отмечает следующее: 77% опрошенных россиян считают, что не в силах влиять на происходящие политические процессы в стране, более трети респондентов (36%) не поддерживают ни одну из существующих политических партий [Великая, 2022, с. 136].

Ю.В. Латов, Н.В. Латова (ИС ФНИСЦ РАН, г. Москва) в своем интересном докладе «Шоковая реальность 2022 года (по данным социологического опроса в марте 2022 г.)» [Латов, Латова, 2022] отразили множество «шоковых» моментов, которые испытало на себе российское общество в последние годы, и то, как россияне справлялись «со страхами» минувших лет (в том числе с пандемией COVID-19, последствиями жесткой антироссийской санкционной политики и т.п.).

Ю.Б. Епихина (ИС ФНИСЦ РАН, г. Москва) в рамках доклада «Делают ли современные технологии людей счастливыми?» [Епихина, 2022], опираясь на внушительный массив зарубежной и отечественной научной литературы по данному вопросу, отметила, что интерес к понятию «феномен счастья» возник у исследователей еще в XVIII в. (например, об этом писали А. де Токвиль, Дж. Бентам, Дж.С. Милль и др.). Рассуждая о компонентах счастья для современного человека, докладчица привела в пример результаты социологического опроса, проведенного ФНИСЦ РАН в 2020 г.: примечательно, что большинство респондентов полностью или в основном согласились с утверждением, что современные технологии могут сделать человека счастливее, хотя для трети опрошен-

¹ Всего было опрошено 1700 человек, исследование осуществлялось при финансовой поддержке РФФИ в период с 10 по 29 мая 2022 г.: проект № 20-011-00013а «Социальное государство и гражданское общество в условиях реализации национальных проектов», научный руководитель – доктор социологических наук, профессор В.К. Левашов.

ных данная мысль не очевидна¹. Также Ю.Б. Епихина солидаризировалась с рассуждениями о счастье члена-корреспондента РАН М.Ф. Черныша: «Состояние счастья будет вероятнее всего ощущаться, если человек здоров, устроен в материальном отношении, если он осознаёт, что его потенциал немного больше, чем у индивидов в его ближайшем окружении» [Черныш, 2019, с. 31].

Тема цифровизации современного общества была затронута и в докладе А.В. Кученковой (ИС ФНИСЦ РАН, г. Москва) «Об использовании цифровых следов для измерения субъективного благополучия» [Кученкова, 2022а]. Исследовательница попыталась выяснить, позволяют ли цифровые следы реально измерять субъективное благополучие. Она считает, что исследования с использованием цифровых следов пока что не позволяют в полной мере заменить традиционные анкетные опросы, но вместе с тем такие данные являются дополнительным полезным источником информации.

Интересен доклад Н.И. Беловой (РГГУ, г. Москва) «Российские врачи в эпоху цифрового здравоохранения: основные проблемы и вызовы», в котором докладчица отметила, что внедрение электронного здравоохранения (e-health) – уже общемировая тенденция, которая свойственна всем национальным системам здравоохранения, включая российскую [Белова, 2022, с. 351]. По словам Н.И. Беловой, отечественная система здравоохранения достаточно инертна и медленно модернизируется, а «... существенной проблемой, затрудняющей взаимодействие врачей и населения в сфере охраны здоровья, является неравенство в доступе к различным устройствам и “цифровым инструментам” <...> среди населения» [Белова, 2022, с. 352].

Доклад М.В. Костоломовой (ИС ФНИСЦ РАН, г. Москва) «Постгуманизм: будущее человека в условиях конструирования новой социальной реальности» имеет социально-философский подтекст [Костоломова, 2022]. Автор размышляет о том, что Четвертая промышленная революция предоставляет фактически неограниченные возможности для человека как для биологического

¹ Речь идет о массовом опросе населения «Факторы социального благополучия в изменяющемся и стабильном обществах», проведенном ИС ФНИСЦ РАН (научный руководитель – член-корреспондент РАН М.Ф. Черныш) в июле–сентябре 2020 г. (N = 5021; проект № 19-011-00522, РФФИ).

вида. Но вместе с тем возникают и резонные вопросы об адекватности применения новых технологий, которые при определенных обстоятельствах могут нанести вред человечеству. Докладчицей были отражены сложившиеся к сегодняшнему дню научные воззрения об искусственном интеллекте (ИИ), его возможностях и рисках для общества.

Е.А. Колосова (РГГУ, г. Москва) в докладе «Прекарные черты занятости в постглобальном мире» [Колосова, 2022], опираясь на эмпирические данные, полученные РГГУ и ИС ФНИСЦ РАН в рамках проекта РНФ «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества» в 2018–2022 гг. (проект № 18-18-00024, научный руководитель – член-корреспондент РАН Ж.Т. Тощенко), отмечает возрастающую тенденцию прекаризации молодежи, находящейся на старте трудовой деятельности и не имеющей детей. Зачастую недобросовестные работодатели давят на юных неопытных сотрудников, уговаривая их работать «в тени». В то же время сотрудники, имеющие детей, являются более надежной рабочей силой, поскольку держатся за свое рабочее место, готовы терпеть определенные ограничения от работодателя, ориентированы на получение регулярного заработка (зачастую небольшого). Отметим, что схожие тенденции фиксируют и другие отечественные исследователи, занимающиеся проблемой прекаризации (см., напр.: [Козин, 2021 ; Козин, 2022 ; Козин, Жидяева, 2023 ; Козин, Закиева, Жидяева, 2021 ; Кученкова, 2022б ; Тощенко, 2018]).

Вопросам прекаризации интеллигенции посвящен доклад профессора М.Б. Булановой (РГГУ, г. Москва) «Влияние прекаризации труда российских преподавателей на их представления о настоящем и будущем» [Буланова, 2022]. В своем докладе она отметила сложности, с которыми сталкиваются представители профессорско-преподавательского состава в российских вузах: как правило, с ними заключают краткосрочные трудовые контракты, что порождает у преподавателей чувство беспокойства за собственное рабочее место и будущее.

Профессор Г.А. Цветкова (РГГУ, г. Москва) в докладе «Социальная модель просвещения XIX столетия: проблемы и их решение (в изысканиях Г. Спенсера)» [Цветкова, 2022] рассмотрела идеи просвещения, которые проповедовал английский ученый Г. Спенсер (1820–1903). Так, например, согласно позиции Г. Спенсе-

ра, традиционная система образования лишь способствует пассивному усвоению учебного материала вместо активной деятельности обучающихся по самообразованию. Г.А. Цветкова подчеркнула, что проблемы в области просвещения, о которых писал Г. Спенсер, по-прежнему сохраняют актуальность и важны для современных исследователей.

Помимо успешного функционирования десяти тематических секций, на конференции проводились круглые столы «Нужна ли социология международных отношений в (пост)глобальном обществе?» и «Феномен малой родины в постглобальную эпоху». Подводя итоги XVI Ковалевских чтений, отметим, что (как и предыдущие XV Ковалевские чтения (см. обзорную статью: [Жидяева, Хазов, 2022]), отчеты о данном мероприятии были представлены в СМИ и на официальных сайтах ИС ФНИСЦ РАН, НИУ-ВШЭ, РГГУ, СПбГУ, ЮФУ и т.д.). По итогам XVI Ковалевских чтений был издан индексирующийся в РИНЦ сборник [Социология ... , 2022]. Разумеется, участниками очередных Ковалевских чтений стали не только маститые ученые, но и молодые социологи со всей России. Мы надеемся, что это научное мероприятие станет знаковым событием отечественной социологии.

Список литературы

Белова Н.И. Российские врачи в эпоху цифрового здравоохранения : основные проблемы и вызовы // Социология в постглобальном мире : материалы всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2022 года / отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – Санкт-Петербург : ООО «Скифия-принт», 2022. – С. 351–352.

Буланова М.Б. Влияние прекаризации труда российских преподавателей на их представления о настоящем и будущем // Социология в постглобальном мире : материалы всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2022 года / отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – Санкт-Петербург : ООО «Скифия-принт», 2022. – С. 206–207.

Великая Н.М. Легитимность власти как основание консолидации российского общества // Социология в постглобальном мире : материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2022 года / отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – Санкт-Петербург : ООО «Скифия-принт», 2022. – С. 135–137.

Епихина Ю.Б. Делают ли современные технологии людей счастливыми? // Социология в постглобальном мире : материалы всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2022 года / отв. редакторы: Н.Г. Сквор-

цов, Ю.В. Асочаков. – Санкт-Петербург : ООО «Скифия-принт», 2022. – С. 379–380.

Жидяева Т.П., Хазов А.Ю. Научная конференция глазами участников : XV Ковалевские чтения (Санкт-Петербург, СПбГУ 25–27 ноября 2021 г.) // Социологическая наука и социальная практика. – 2022. – Т. 10, № 4(40). – С. 171–174. – DOI: 10.19181/snsp.2022.10.4.9289

Козин С.В. [Рецензия] // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. – 2021. – Т. 27, № 2. – С. 202–208. – Рец. на монографию: Тощенко Ж.Т. Прекариат : от протокласса к новому классу. – Москва : Наука, 2018. – 350 с. – DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-218-224

Козин С.В. [Рецензия] // Социологическая наука и социальная практика. – 2022. – Т. 10, № 2 (38). – С. 134–138. – Рец. на монографию: Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / под ред. Ж.Т. Тощенко. – Москва : Весь мир, 2021. – 400 с. – DOI: 10.19181/snsp.2022.10.2.9033

Козин С.В., Жидяева Т.П. [Рецензия] // Социологический журнал. – 2023. – Т. 29, № 1. – С. 177–191. – Рец. на монографию: От прекарной занятости к прекарнизации жизни / под ред. Ж.Т. Тощенко. – Москва : Весь мир, 2022. – 364 с. – DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.10

Козин С.В., Закиева Р.Р., Жидяева Т.П. Прекариат – новый угнетенный класс XXI века? // Философия хозяйства. – 2021. – № 3 (134). – С. 199–213.

Колосова Е.А. Прекарные черты занятости в постглобальном мире // Социология в постглобальном мире : материалы всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2022 года / отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – Санкт-Петербург : ООО «Скифия-принт», 2022. – С. 233–234.

Костоломова М.В. Постгуманизм : будущее человека в условиях конструирования новой социальной реальности // Социология в постглобальном мире : материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2022 года / отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – Санкт-Петербург : ООО «Скифия-принт», 2022. – С. 592–593.

Кученкова А.В. Об использовании цифровых следов для измерения субъективного благополучия // Социология в постглобальном мире : материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2022 года / отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – Санкт-Петербург : ООО «Скифия-принт», 2022а. – С. 422–423.

Кученкова А.В. Прекарнизация занятости и субъективное благополучие работников разных возрастных групп // Социологический журнал. – 2022б. – Т. 28, № 1. – С. 101–120. – DOI: 10.19181/socjour.2022.28.1.8840

Латов Ю.В., Латова Н.В. Шоковая реальность 2022 года (по данным социологического опроса в марте 2022 г.) // Социология в постглобальном мире : материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2022 года / отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – Санкт-Петербург : ООО «Скифия-принт», 2022. – С. 161–163.

Социология в постглобальном мире : материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2022 года / отв. редакторы:

Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – Санкт-Петербург : ООО «Скифия-принт», 2022. – 929 с.

Тоценко Ж.Т. Прекариат : от протокласса к новому классу. – Москва : Наука, 2018. – 350 с.

Цветкова Г.А. Социальная модель просвещения XIX столетия: проблемы и их решение (в изысканиях Г. Спенсера) // Социология в постглобальном мире : материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2022 года / отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. – Санкт-Петербург : ООО «Скифия-принт», 2022. – С. 827–828.

Черныш М.Ф. Факторы, влияющие на переживание счастья в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. – 2019. – Т. 7, № 2 (26). – С. 9–33. – DOI: 10.19181/snsp.2019.7.2.6407

References

Belova N.I. Rossijskie vrachi v e'poxu cifrovogo zdravooxraneniya : osnovny'e problemy` i vy`zovy` [Russian doctors in the era of digital healthcare : main problems and challenges]. *Sociologiya v postglobal'nom mire : materialy` vserossijskoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 17–19 noyabrya 2022 goda* [Sociology in the post-global world : proceedings of the All-Russian scientific conference, St. Petersburg, November 17–19, 2022]. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg : Skifiya-print, 2022. – P. 351–352. (In Russian)

Bulanova M.B. Vliyanie prekarizacii truda rossijskix prepodavatelej na ix predstavleniya o nastoyashhem i budushhem [The influence of precarization of the work of Russian teachers on their ideas about the present and the future]. *Sociologiya v postglobal'nom mire : materialy` vserossijskoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 17–19 noyabrya 2022 goda* [Sociology in the post-global world : proceedings of the All-Russian scientific conference, St. Petersburg, November 17–19, 2022]. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg : Skifiya-print, 2022. – P. 206–207. (In Russian)

Chernysh M.F. Faktory`, vliyayushhie na perezhivanie schast'ya v rossijskom obshhestve [Factors influencing the experience of happiness in Russian society]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological science and social practice]. – 2019. – Vol. 7, N 2 (26). – P. 9–33. – DOI: 10.19181/snsp.2019.7.2.6407 (In Russian)

Epikhina Yu.B. Delayut li sovremennyye tekhnologii lyudej schastlivy'mi? [Do modern technologies make people happy?]. *Sociologiya v postglobal'nom mire : materialy` vserossijskoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 17–19 noyabrya 2022 goda* [Sociology in the post-global world : proceedings of the All-Russian scientific conference, St. Petersburg, November 17–19, 2022]. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg : Skifiya-print, 2022. – P. 379–380. (In Russian)

Kolosova E.A. Prekarnyye cherty` zanyatosti v postglobal'nom mire [Precarious features of employment in the post-global world]. *Sociologiya v postglobal'nom mire : materialy` vserossijskoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 17–19 noyabrya 2022 go-*

da [Sociology in the post-global world : proceedings of the All-Russian scientific conference, St. Petersburg, November 17–19, 2022]. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg : Skifiya-print, 2022. – P. 233–234. (In Russian)

Kostolomova M.V. Postgumanizm : budushhee cheloveka v usloviyax konstruirovaniya novoj social'noj real'nosti [Posthumanism : the future of man in the conditions of constructing a new social reality]. *Sociologiya v postglobal'nom mire : materialy` vserossijskoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 17–19 noyabrya 2022 goda* [Sociology in the post-global world : proceedings of the All-Russian scientific conference, St. Petersburg, November 17–19, 2022]. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg : Skifiya-print, 2022. – P. 592–593. (In Russian)

Kozin S.V. [Book review]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18 : Sociologiya i politologiya* [Bulletin of the Moscow university. Ser. 18: Sociology and political science]. – 2021. – Vol. 27, N 2. – P. 202–208. – Book review : Toshhenko Zh.T. Prekariat : ot protoklassa k novomu klassu [Precariat : from proto-class to a new class]. – Moscow : Nauka, 2018. – 350 p. – DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-218-224 (In Russian.)

Kozin S.V. [Book review] *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika* [Sociological science and social practice]. – 2022. – Vol. 10, N 2 (38). – P. 134–138. – [Book review]: Prekarnaya zanyatost` : istoki, kriterii, osobennosti / pod red. Zh.T. Toshhenko [Precarious employment : origins, criteria, features / ed. by Zh.T. Toshchenko]. – Moscow : Ves' mir, 2021. – 400 p. – DOI: 10.19181/snsp.2022.10.2.9033 (In Russian)

Kozin S.V., Zakieva R.R., Zhidyayeva T.P. Prekariat – novyj ugnetenyj klass XXI veka? [Precariat – the new oppressed class of the XXI century?]. *Filosofiya xoz'yajstva* [Philosophy of economy]. – 2021. – N 3 (134). – P. 199–213. (In Russian)

Kozin S.V., Zhidyayeva T.P. [Book review] *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. – 2023. – Vol. 29, N 1. – P. 177–191. – [Book review] : Ot prekarnoj zanyatosti k prekarizacii zhizni / pod red. Zh.T. Toshhenko [From precarious employment to precarization of life / ed. by Zh.T. Toshchenko]. – Moscow : Ves' mir, 2022. – 364 p. – DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.10 (In Russian)

Kuchenkova A.V. Ob ispol'zovanii cifrov'yx sledov dlya izmereniya sub`ektivnogo blagopoluchiya [On the use of digital traces to measure subjective well-being]. *Sociologiya v postglobal'nom mire : materialy` vserossijskoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 17–19 noyabrya 2022 goda* [Sociology in the post-global world : proceedings of the All-Russian scientific conference, St. Petersburg, November 17–19, 2022]. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg : Skifiya-print, 2022 a. – P. 422–423. (In Russian)

Kuchenkova A.V. Prekarizaciya zanyatosti i sub`ektivnoe blagopoluchie rabotnikov razny'x vozrastny'x grupp [Precarization of employment and subjective well-being of workers of different age groups]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological journal]. – 2022 b. – Vol. 28, – N 1. – P. 101–120. – DOI: 10.19181/socjour.2022.28.1.8840 (In Russian)

Latov Yu.V., Latova N.V. Shokovaya real'nost` 2022 goda (po dannym` sociologicheskogo oprosa v marte 2022 g.) [The shock reality of 2022 (according to a

sociological survey in March 2022)]. *Sociologiya v postglobal`nom mire : materialy` vserossijskoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 17–19 noyabrya 2022 goda* [Sociology in the post-global world : proceedings of the All-Russian scientific conference, St. Petersburg, November 17–19, 2022]. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg : Skifiya-print, 2022. – P. 161–163. (In Russian)

Sociologiya v postglobal`nom mire : materialy` vserossijskoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 17–19 noyabrya 2022 goda [Sociology in the post-global world : proceedings of the All-Russian scientific conference, St. Petersburg, November 17–19, 2022]. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg : Skifiya-print, 2022. – 929 p. (In Russian)

Toshchenko Zh.T. *Prekariat : ot protoklassa k novomu klassu* [Precariat : from proto-class to a new class]. – Moscow : Nauka, 2018. – 350 p. (In Russian)

Tsvetkova G.A. Social`naya model` prosveshheniya XIX stoletiya: problemy` i ix reshenie (v izy`skaniyax G. Spensera) [The social model of enlightenment of the XIX century : problems and their solution (in the research of G. Spencer)]. *Sociologiya v postglobal`nom mire : materialy` vserossijskoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 17–19 noyabrya 2022 goda* [Sociology in the post-global world : proceedings of the All-Russian scientific conference, St. Petersburg, November 17–19, 2022]. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg : Skifiya-print, 2022. – P. 827–828. (In Russian)

Velikaya N.M. Legitimnost` vlasti kak osnovanie konsolidacii rossijskogo obshhestva [The legitimacy of power as the basis for the consolidation of Russian society]. *Sociologiya v postglobal`nom mire : materialy` vserossijskoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 17–19 noyabrya 2022 goda* [Sociology in the post-global world : proceedings of the All-Russian scientific conference, St. Petersburg, November 17–19, 2022]. Ed. by N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg : Skifiya-print, 2022. – P. 135–137. (In Russian)

Zhidyaeva T.P., Khazov A.Yu. Nauchnaya konferenciya glazami uchastnikov : XV Kovalevskie chteniya. (Sankt-Peterburg, SPbGU 25–27 noyabrya 2021 g.) [Scientific conference through the eyes of the participants: XV Kovalevsky readings. (St. Petersburg, St. Petersburg state university November 25–27, 2021)]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial`naya praktika* [Sociological science and social practice]. – 2022. – Vol. 10, N 4 (40). – P. 171–174. – DOI: 10.19181/snsp.2022.10.4.9289 (In Russian)

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

ПАРСОНС Т. СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ. ГЛАВА 3. НЕКОТОРЫЕ ФАЗЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКОГО ПОЗИТИВИЗМА В ТЕОРИИ ДЕЙСТВИЯ. (Перевод с англ.)

PARSONS T. The structure of social action : a study in social theory with special reference to a group of recent European writers. – New York : The free press, 1949. – Ch. 3 : Some phases of the historical development of individualistic positivism in the theory of action. – P. 87–125*.

Ключевые слова: социальное действие; социальный порядок; Гоббсова проблема; нормативный порядок; фактический порядок; утилитаризм; позитивизм; радикальный позитивизм.

Для цитирования: Парсонс Т. Структура социального действия. Глава 3. Некоторые фазы исторического развития индивидуалистического позитивизма в теории действия / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 3. – С. 189–211.

Перевод поступил: 21.01.2023.

Принят к публикации: 20.02.2023.

Keywords: social action; social order; Hobbesian problem; normative order; factual order; utilitarianism; positivism; radical positivism.

For citation: Parsons T. The structure of social action. Chapter 3. Some phases of the historical development of individualistic positivism in the theory

* Окончание. Начало см. в предыдущем номере журнала.

of action. Translated from English by V.G. Nikolaev. Social'nye i gumanitar-nye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2023. – N 3. – P. 189–211.

Received: 21.01.2023.

Accepted: 20.02.2023.

Маркс и классовый антагонизм

Помимо объяснения спонтанного порождения брака и собственности, популяционное давление имело для Мальтуса и третье последствие, которое открыло новые перспективы мышления, закрытые для строго утилитарного мышления локковского образца. А именно, оно вело к «разделению общества на классы работодателей и работников». Причиной этого является давление на эффективность в производстве. У Локка преимущества обмена в рамках гражданского общества приносили, так сказать, каравай человеческого существования; у Мальтуса, в свою очередь, это был черный хлеб суровой необходимости. Если Локк мыслил в терминах обмена между независимыми индивидами, то у Мальтуса эффективность требовала привлечения капитала и организованных производственных единиц, что было невозможно, пока одни не трудились под управлением других.

Если не трогать вопрос о склонности к оправданию существующей классовой ситуации, что подразумевало это воззрение? Оно подразумевало, что базовая дисгармония между численностью населения и ограниченностью жизненных средств ведет к производной от нее дисгармонии внутри самого общества – дисгармонии между интересами классов. Дальнейшие следствия этого вели далеко и внесли в структуру экономического мышления новую порцию взрывного материала. Рикардо, приняв закон Мальтуса, продвинул эти следствия весьма значительно. Понятое в рамках логических требований рикардовской теории распределения богатства, мальтузианство оказало важную двойную услугу. С одной стороны, развитие концепции скупости природы привело к концепции «падения прибыли», т.е. к логической основе рикардовской теории ренты, решавшей теоретическую проблему, поднятую полным присвоением даров природы. С другой стороны,

теорема, что есть постоянная цена предложения труда, выводимая из закона народонаселения, дала возможность провести в предельном продукте теоретически трудное разграничение между долями труда и капитала при помощи знаменитого железного закона заработной платы. Но двойная дисгармония, введенная тем самым в экономическую систему, – между интересами эксплуататоров скупой природы, землевладельцев и всех прочих, с одной стороны, и между работодателями и работниками – с другой, слишком обременяла концепцию исправно работающего и автоматически самонастраивающегося механизма конкуренции. Дисгармонию между этими элементами и локковскими по сути допущениями теории стоимости Рикардо тонко проанализировал Галеви¹.

В то же время некоторые особенности классической системы мешали по крайней мере последней из этих двух дисгармоний раскрыться до конца во всех своих теоретических последствиях. В особенности это касалось того, как классические экономисты понимали капиталистического работодателя. Он не казался, прежде всего, торгующимся за трудовые услуги. Условия продажи этих услуг, в сущности, уже были реально заданы мальтусовской ситуацией. Его роль была в том, чтобы «идти навстречу труду», и эта точка зрения вылилась в теорию фонда заработной платы² с ее фаталистическими подраумеваниями. В этом отношении, хотя все еще в значительной мере на классической основе, Марксу оставалось лишь сделать выводы. Для него факт организованной производственной единицы означал непреложность классового конфликта, ибо непосредственные интересы двух классов были полностью противоположными.

Как только основополагающей отправной точке был дан такой поворот, важные элементы этой особой классической теории стали играть на руку Марксу³. Это проистекало главным образом

¹ Halévy É. La formation du radicalisme philosophique : en 3 t. – Paris : Félix Alcan, 1901–1904. – Vol. 3, Chap. I.

² О теории фонда заработной платы и ее истории см.: *Taussig F.W. Wages and capital : an examination of the wages-fund doctrine.* – New York : D. Appleton & Co., 1896.

³ Наиболее ясное обсуждение этой стороны Маркса я нашел в книге: *Lindsay A.D. Karl Marx's Capital : an introductory essay.* – London : Oxford university press, 1925. В описании общего фона Линдсей, как он сам полностью признает, во многом опирается на Галеви.

из понимания роли труда в производстве, так как эта теория, в сущности, уходила корнями в концепцию естественного состояния. Согласно классической теории, в пределе только труд был реально производительным фактором, тогда как капитал просто «привлекал работников к работе». Это оставляло долю капиталистического предпринимателя в предельном продукте остаточной долей. Даже Милль, «верховный жрец либерализма», говорил: «Причиной прибыли является то, что труд производит больше, чем требуется для содержания выполнивших его работников»¹. Неудивительно, что это должно было превратиться в теорию эксплуатации, что процент и прибыль будут истолкованы как вычет из «подлинной цены» труда.

Непреодолимое значение Марксовой теории эксплуатации для нашего обсуждения кроется, однако, не в этих технических деталях, которые сегодня представляют по большей части лишь антикварный интерес. Скорее, оно в том, что, оттолкнувшись от элемента классового конфликта, Маркс вовлек в центр внимания рыночную власть. Таким образом, взяв этот частный случай, он снова ввел в социальное мышление фактор властных различий, крайне важный в философии Гоббса и с тех пор подзабытый. Особые классические ловушки этой теории имеют второстепенное значение, и их корректировка в терминах современной экономической теории не меняет существа дела, хотя меняет форму утверждения² и некоторые второстепенные результаты³.

¹ Mill J.S. Principles of political economy / ed. by W.J. Ashley. – London : Longmans, Green and Co., 1909. – P. 416. (Рус. пер.: Милль Дж.С. Основы политической экономики : пер. с англ. / общ. ред. А.Г. Милейковского. – Москва : Прогресс, 1980. – Т. 2 – С. 143).

² См. обсуждение Маркса у Парето: Pareto V. Les systèmes socialistes. – Paris : V. Giard & E. Brière, 1903. – Vol. 2I, Chap. 15. (Рус. пер.: Парето В. Социалистические системы / пер. с фр. А.А. Зотова. – Москва : ИИОП : ИНФРА-М, 2019.) Отвергая экономическую теорию Маркса с технической стороны, автор с похвалой отзывается о его внимании к классовой борьбе; последняя у Парето, однако, фактор скорее социологический, а не экономический.

³ Ошибка многих современных экономистов, полностью отвергающих Маркса, состоит в том, что они (правомерно) критикуют отжившие формы марксовой экономики, не возвращаясь к реально центральному положению, на котором держались самые важные отходы Маркса от основного тренда классической экономической мысли. Так им удается «выплеснуть ребенка вместе с водой». Это

Марксова трактовка рыночной власти между тем не является просто возрождением гоббсовской борьбы за власть. Она выводит на передний план элемент, упущенный из виду в конфликте между позициями Гоббса и Локка, ибо этот конфликт предусматривал жесткую альтернативу между состоянием войны и полностью свободным от принуждения гармоничным порядком. Но действительное общество – ни то, ни другое. Даже если институциональный каркас достаточно крепок, чтобы удерживать на незначительном уровне роль силы, за исключением некоторых особых кризисных времен, и удерживать в каких-то границах обман, он все же оставляет открытой возможность ряда других, более мягких форм принуждения. Случай «легальной» реализации доминирующей стратегической позиции в процессе торга как раз такой. А это все, что нужно для основных марксистских теоретических целей, даже если многие марксисты склонны видеть в актах правления просто процесс силового и обманного угнетения трудящихся классов. В институциональных условиях этот элемент может быть очень важным, хотя, возможно, и не столь преобладающим, как это представлено у Маркса.

Повторное введение Марксом фактора власти в этой форме несло с собой подразумевание нестабильности, в которую вошла экономическая система. Но эта нестабильность не была хаотичной, как в теории Гоббса, а была результатом властных отношений в определенной институциональной рамке, предполагающей определенную социальную организацию – а именно, капиталистическое предпринимательство, – что позволяло ей стать основой для теории конкретного динамического процесса, развития капитализма. До этой точки Маркса можно считать понятным в рамках логической структуры английской утилитарной мысли, хотя, как было показано, несколько иначе, чем в случае большинства других утилитаристов. Здесь он, однако, увязал свой анализ с теорией «диалектического» развития, имеющей по большей части гегелевское происхождение. Тем самым Маркс создает важный мост между позитивистской и идеалистической традициями мышления.

обусловлено, в сущности, тем, что в основном они разделяют имплицитное допущение естественного тождества интересов. Яркий тому пример – книга М.М. Бобера «Толкование истории Карла Маркса» (*Bober M.M. Karl Marx's interpretation of history.* – Cambridge (MA) : Harvard university press, 1927).

Поэтому дальнейшее обсуждение Маркса будет отложено, пока не будет рассмотрена его связь с идеализмом¹. Он один из важнейших предшественников группы авторов, включающей, в особенности, Макса Вебера, которую мы разберем под рубрикой идеализма. Сказано между тем достаточно, чтобы показать, что исторический материализм Маркса – это не научный материализм в обычном смысле, а скорее, в основе своей, версия утилитарного индивидуализма. При этом она отличается от основного течения последнего именно присутствием «исторического» элемента, который мы обсудим позже, когда снова вернемся к Марксу.

Дарвинизм

Все это время мы отстаивали тезис, что версия утилитарной мысли, доминирующая в наследии Локка, была в отношении строго научных ее элементов внутренне нестабильной, что некоторая доля стабильности в ней проистекала из приверженности метафизическому постулату естественного тождества интересов. Чтобы, оставаясь в позитивистской рамке, привести этот постулат хотя бы к какой-то степени *логически* (если не эмпирически) удовлетворительной обоснованности, необходимо было совершить переход к радикально-рационалистическому позитивизму, со всеми последствиями, против которых Мальтус столь упорно возражал в своей атаке на Годвина. Но в этой же самой атаке Мальтус, в итоге, отменил эту подпорку, что имело далеко идущие последствия, часть которых мы только что рассмотрели. Остается, однако, разобраться, в какую сторону это вело не с точки зрения только что затронутых частных проблем, а в плане развития общей системы социальной теории.

Не может быть сомнений, что основная тенденция мальтузианской линии размышлений состояла в противопоставлении рационалистическому позитивизму Годвина другой альтернативы радикально-позитивистской системы, которую можно назвать позитивистским антиинтеллектуализмом. В частности, с Мальтуса удобно отсчитывать движение, истолковывающее человеческое

¹ См. главу 13.

действие преимущественно в биологических терминах, – движение, неуклонно набравшее силу на протяжении почти всего XIX в.

Прежде всего, для самого Мальтуса источник всех проблем кроется в том, что было по существу биологической гипотезой, – в «тенденции народонаселения к росту». Нельзя не приписать эту могущественную силу главным образом наследственности. Это – выражение врожденного инстинкта, черпающее свою значимость из самой трудности контроля над ним, хотя Мальтус и утверждал, что при некоторых условиях его может удерживать под контролем «нравственное обуздание». Схожим образом и другой элемент мальтузианской проблемы – ограниченность жизненных средств – заложен в некоторых предельных свойствах нечеловеческой среды. С обеих сторон, насколько закон народонаселения детерминирует социальные условия, это, в конечном счете, эффект условий действия, а не человеческих целей или какого-то другого нормативного элемента. Но коль скоро это так, диапазон вариации, открытый для человеческого воления, сужается, и мы подходим к пределу радикально-позитивистской теории. Сам Мальтус его не достиг; он оставался слишком хорошим утилитаристом. Но отчасти под его влиянием эта тенденция достигла пика в одном из великих движений мысли XIX в. – дарвинизме, который, развившись в завершённую систему и будучи приложенным к человеческому действию в обществе, дал жизнь важнейшей радикально-антиинтеллектуалистской позитивистской системе из когда-либо провозглашавшихся.

Основная черта ситуации у Мальтуса – это, конечно, полагаемый факт репродуктивных способностей вида, намного превышающих возможности его жизнеобеспечения в условиях среды. Логически с этой ситуацией можно справиться одним из двух способов, на что указывает проводимое Мальтусом различие между позитивным и превентивным контролем. Превентивный контроль – «нравственное обуздание» – указывает на утилитарный элемент в мышлении Мальтуса. С биологической стороны, которой занимался Дарвин, он с необходимостью отпадает, и избыток должен устраняться позитивным контролем. Дарвиновское название этого процесса – «естественный отбор».

Дарвин отличен от Мальтуса применением ко всем видам организмов того, что последний прикладывал только к человеку.

Но он отличен и в еще одном важном отношении. Мальтус интересовала исключительно проблема численности; некоторая численность населения могла обеспечить себе адекватное пропитание, если бы ее избыток был каким-то образом устранен или, конечно, если бы не допустили его рождения. Но Дарвин начал уделять внимание проблеме того, кто из тех, кто уже есть в наличии, устраняется, а кто выживает. Это неизбежно предполагало качественную разницу между индивидами в популяции. Но как только дана эта качественная разница, которой Мальтус не затрагивал, процесс становится уже не просто процессом устранения, а процессом отбора.

Есть еще один элемент, нужный для довершения картины и закрытия системы. Это ответ на вопрос: откуда берутся качественные различия между индивидуальными организмами? В дарвиновской теории его дает постулат случайной изменчивости. В наследственности заключен постоянный процесс случайной изменчивости относительно предшествующего унаследованного типа. Из этих вариаций одни в борьбе за существование устраняются, другие выживают и воспроизводят свой вид. Но те, которые выживают, – не что-то «среднее»; это отобранная группа, так что в процессе видоизменяется сам модальный тип. Именно в силу сочетания изменчивости и отбора концепция статического приспособления к фиксированным факторам, характерная для Мальтуса и других утилитаристов, уступает место эволюционной теории.

Но это – сущностно позитивистский эволюционизм. Ибо какие элементы придают направленность этому процессу? Конечно, условия среды. Именно адаптация к этим условиям конституирует ту приспособленность, которой объясняются отбор и репродукция. Правда, одна только среда не могла бы произвести эволюцию; но другой элемент – случайный по типу, и он играет роль, логически аналогичную той, которую в утилитарной системе играют случайные цели. Таким образом, детерминирующим, задающим направление элементом является только среда.

В той мере, в какой эта «биологизаторская» тенденция, фактически принявшая прежде всего дарвиновскую форму, приобрела господствующее положение, как раз и происходил отказ от утилитарной позиции в пользу радикально-антиинтеллектуалистского позитивизма. Поскольку решающими являются условия сре-

ды, то не имеет значения, какие цели, как людям может казаться, они преследуют; фактически ход истории определяется безличным процессом, над которым они не имеют никакого контроля. Следует заметить, что в этом сдвиге субъективная категория целей исчезает, а вместе с ней и норма рациональности. Дарвиновская изменчивость образует полностью объективный элемент, не требующий для своей теоретической формулировки никаких субъективных отсылок. Даже если бы рациональное действие могло эмпирически иметь место как один из способов адаптации к среде, суть в том, что оно совершенно выпадает из общего каркаса теоретической системы и становится контингентным феноменом, несущественным фактом в строгом смысле слова.

Вместе с этим исчезновением нормативных аспектов утилитарной системы, т.е. целей и рациональности, наступает еще одно в высшей степени важное последствие: проблема порядка в том смысле, в каком она нами выше обсуждалась, улетучивается¹. Без нормативных элементов действия порядок в нормативном смысле становится бессмысленным. Единственный порядок, интересующий ученого, изучающего человеческое действие, – это порядок фактический, как с субъективной, так и с объективной точки зрения. И тут, по иронии судьбы, обнаруживается, что порядком, доминирующим в этом фактическом мире, оказывается именно то, что играло в утилитарной мысли роль антитезы социального порядка, – «состояние войны». Оно сменило имя и стало «борьбой за существование», но во всех существенных чертах это все то же гоббсово естественное состояние, раскрывающееся через выражение «клюв и клык всегда в крови»². Но этот факт с тех пор редко замечается: теоретическая точка зрения существенно изменилась, старая проблема ушла. В лучшем случае интерес к нему возникает, как, например, у Гексли, только с этической, но не с научной точки зрения. Несомненно верно, что концепция конкурентного порядка, созданная экономистами, стала своего рода моделью для биологической теории отбора³. В ней тоже «неприспособленные»,

¹ Она «решается» путем признания ее бессмысленной.

² Широко известная и цитируемая фраза из поэмы А. Теннисона «In Memoriam» (1850). Приводится в переводе А.И. Гастева. – *Прим. пер.*

³ «Принцип выживания наиболее приспособленного можно было рассматривать как широкое обобщение рикардианской экономической теории». *Keynes J.M.*

неэффективные, дорогостоящие производители устранялись или подлежали устранению, пусть только с рынка, а не из жизни! Но не надо забывать, что приложение этой модели к целям биологической теории содержало в себе глубокое изменение ее смысла. Ибо одно из важнейших прозрений Мальтуса состояло в том, что конкуренция может быть благотворной и устранять тех, кто непригоден с точки зрения социального интереса, только при некоторых специфических условиях, а именно предполагающих нормативный порядок. Но условия борьбы за существование вообще не содержали такого элемента порядка. Они были именно теми условиями анархии, которых Мальтус и его соратники-экономисты боялись.

Таким образом, «социал-дарвинизм», как можно вслед за Парето назвать эмпиристское применение дарвиновской биологии к человеческому действию, играет очень важную роль в аналитической классификации теоретических систем в поле человеческого действия. Он или какая-то другая теория, находящая конечные объяснительные принципы в объективном ненормативном влиянии условий действия, – обычно наследственности и среды – образуют логический итог процесса разрушения нестабильной утилитарной системы, пока он остается внутри позитивистского каркаса и в то же время уклоняется от «рационалистической» схемы. Следовательно, по поводу любого автора всегда будет смысл спросить, какова его позиция, имплицитная или явная, по отношению к этой возможности решения его теоретических проблем и логического закрытия его теоретической системы. Если он отвергает это решение, то для него, поскольку он отходит от утилитаризма, остаются открытыми только две другие позиции: либо он рационалист, в прописанном выше особом смысле, и, следовательно, берет другую версию радикально-позитивистской позиции, либо он отбрасывает позитивистскую систему координат вообще.

Хотя на дарвиновское движение, несомненно, по-разному влияли бывшие тогда в ходу в социальной мысли концепции, как мальтусовская, так и другие, в первую очередь оно было результатом биологического изучения нечеловеческих организмов. Его

The end of laissez faire. New Republic ed. P. 17 (цитата приводится в пер. Е.В. Виноградовой по: Кейнс Дж.М. Конец laissez-faire // Истоки. Вып. 3. – Москва : ГУ–ВШЭ, 2001. – С. 264).

влияние на социальную мысль было отчасти обусловлено его общим господством над просвещенными умами на исходе XIX в., а также тем, насколько точно в применении к вещам человеческим оно вписалось в логические нужды теорий, которые мы здесь рассматриваем. Но как социальная теория – это кривой путь, главным образом заимствование из биологии. Теперь можно коротко показать три других пути, которыми, по большей части, хотя и не только, анализ самого человеческого действия вел к радикально-позитивистской позиции – либо в антиинтеллектуалистской ее форме, либо в рационалистической, либо в сочетающей первые две.

Другие пути к радикальному позитивизму

Одна из примечательных характеристик дарвиновского движения в его приложении к социальным проблемам – это полный отказ от субъективного ради объективной точки зрения. Он неявно содержится в замене утилитарной категории случайных желаний или целей категорией случайных вариаций. Это объективно наблюдаемые вариации, и данное понятие не несет в себе никаких субъективных референций. Такой же объективизм можно заметить в первом из вышеупомянутых путей – через некоторые школы психологии. Вместо того чтобы приписывать напрямую общебиологическим факторам, единообразию человеческого поведения могут атрибутировать определенным чертам человеческого индивида – тенденциям поведения организма в целом. Поскольку субъективная референция исключена, они должны, как мы уже видели, быть полностью аналитически сводимыми к некоторой комбинации несубъективных факторов, обычно к наследственности и среде, как они были строго определены в главе 2.

Именно по вопросу относительного преобладания той или другой из двух возникает разница мнений. Одна из альтернатив делает основной упор на наследственные тенденции поведения; ее можно назвать теорией «инстинкта». Она не является, однако, конечным решением, так как дальше естественно возникает вопрос о том, каково происхождение этих особых инстинктивных тенденций, почему люди имеют эти тенденции, а не другие. В терминах факторов наследственности и среды ответ, в конечном счете, неизбежно оказывается какой-то формой понятия ценности для выжи-

вания. В целом это будет предполагать процесс естественного отбора. Конечная основа теории инстинкта, следовательно, становится биологической, и она ведет к тому же результату, что и более косвенным путем – социал-дарвинизм.

Другая альтернатива делает упор на среду. Хотя здесь, естественно, мыслимы разные версии; самым влиятельным движением стал бихевиоризм. Он, что весьма любопытно, ответвление того же интеллектуального древа, что и дарвинизм, причем настолько, что его запросто можно было бы назвать дарвинизмом индивидуального поведения. Дарвиновскую биологию, в конце концов, интересовали в основном изменения в наследственном характере вида. Бихевиоризм, со своей стороны, постулировал в качестве источника индивидуальных черт множество случайных движений. Следует считать, что они случайным образом варьируют относительно наследственных тенденций действия, которые в случае бихевиоризма свелись бы к небольшому числу подлинно безусловных рефлексов. Эти случайные движения подчиняются процессу средового обусловливания, благодаря которому некоторые из них, отвечая функциональным потребностям организма в адаптации к среде¹, закрепляются обусловливанием и становятся условными рефlekсами, а другие, не отвечая таким потребностям, устраняются. Ясно, что случайные движения в бихевиоризме напрямую соответствуют случайным изменениям в дарвинизме, а процесс обусловливания – просто еще одна форма процесса естественного отбора.

Но при этом в остатке остаются еще исходные наследственные черты, или «доминантные рефlekсы», и объяснение их, в свою очередь, будет естественно принимать форму биологической теории естественного отбора. Таким образом, бихевиоризм тоже заканчивается по существу тем же, чем и социал-дарвинизм². Фактически, разница между ним и его злейшим врагом, психологией

¹ Поскольку изучаемой в данном случае средой является конкретная социальная среда, то ясно, что бихевиористская позиция, понимаемая как общая теория человеческого действия, предполагает порочный круг рассуждения, разорванный в главе 2.

² Естественно, в большей части бихевиористской литературы реально изучаемый индивид – это конкретный индивид в социальной среде. Эти радикальные биологистские последствия проявляют себя только при попытке распространить данную схему на общий факторный анализ человеческого поведения.

инстинктов, с представленной нами точки зрения совершенно вторична: это только разница в сравнительных акцентах, соответственно на среде и наследственности. Вдобавок к тому, бихевиоризм по своему особому типу анализа более тесно связан со специфически дарвиновскими способами мышления. Но самое важное то, что обе эти позиции, в конце концов, сводят истолкование человеческого поведения к терминам теории биологического отбора.

Эти две альтернативы можно рассматривать как основные формы позитивистского антиинтеллектуализма. Как отмечалось в главе 2, позитивистская социальная мысль подходила к субъективному аспекту действия в терминах роли научного знания, т.е. стандартом был *когнитивный* аспект субъективного. Это обстоятельство вынуждало к реакции против рационализма, пока он сохранялся внутри позитивистской рамки, и вело в сторону обращения к факторам наследственности и среды¹. Следовательно, социал-дарвинизм можно считать логическим итогом выстроенного на позитивистской основе антиинтеллектуалистского движения.

Бихевиоризм в связи с этим особенно важен. Он не только насквозь пропитан общей тенденцией редукции факторов человеческого поведения к биологическим терминам, но идет еще дальше. Эта редукция естественным образом разделяется с аналитической необходимостью субъективного подхода, поскольку не может обнаружить ничего, что нельзя было бы свести к общим терминам, применимым ко всем биологическим организмам; она делает субъективное «эпифеноменом». Бихевиоризм в своей методологии выводит радикальное следствие: субъективный подход является не только излишним, но и незаконным; он противоречит канонам «объективной» науки². Таким образом, содержательная научная теория интегрируется с методологической доктриной, стремящейся сделать ее результаты не только эмпирически корректными, но и методологически неизбежными; ведь если всякая референция к субъективным категориям исключается с самого на-

¹ Здесь нет необходимости повторять основания для этого утверждения. См. выше главу 2.

² В специфически бихевиористском смысле, реально ограничивающем данные собственно науки фактами, которые можно установить в терминах концептуальных схем химии и физики. Все другие элиминируются: им просто отказывают в статусе фактов.

чала, то объективизм становится закрытой системой¹. С этой методологической стороны бихевиоризм дает нам предельный тип, такой же, какой дает нам социал-дарвинизм в содержательном контексте. В конечном счете, бихевиористский объективизм – единственная позиция для радикально последовательного позитивиста.

Только что рассмотренные движения, хотя и не исключают радикально, кроме бихевиоризма, субъективную точку зрения, в целом облечены для аналитических целей в объективистские термины. Нам остается проследить основные движения, в которых импликации позитивистской позиции были проработаны в эксплицитно субъективных терминах. Здесь можно считать релевантными два из них. Первое, исторически находившееся в теснейшей связи с экономическим аспектом утилитарной мысли, – это гедонизм. Как и большинство рассмотренных здесь теорий, теория гедонизма выросла под покровительством эмпиристской методологии. Отсюда неудивительно, что в таких конкретных сущностях, как «удовольствие» и «счастье», высветились позже двусмысленности, на основе которых гедонистическая мысль потом распалась на отдельные школы. Здесь нам нужно обсудить только одну из них.

Общий логический контекст, в котором выросло учение о том, что люди движимы в первую очередь стремлением к удовольствию и избеганию страданий, нетрудно понять. Во-первых, наука редко соглашается остановиться на постулировании некоторых конечных данных. Неизбежно, прежде всего в эмпиристской атмосфере, должен был возникнуть вопрос о конечных мотивациях поведения, т.е. следовало не просто исходить из того, что у людей есть некоторые желания, но и должна была быть предпринята попытка понять, почему они у них есть. Это происходит прежде всего при осознании того, что в рамках условий среды доступны качественные выборы между возможностями действия.

Во-вторых, сосредоточение утилитарного мышления на экономической стороне жизни указывало, в каком направлении можно искать решение этой проблемы. Ибо механизм конкурентных рыночных связей, казалось, сводил человеческую мотивацию к общему знаменателю: все люди, похоже, следовали единому направлению поведения – продвижению собственных экономических

¹ Закрытой как логически, так и эмпирически.

ких «интересов». Отсюда возникал вопрос о том, что лежит в основе этой общей экономической мотивации. В чем суть этого общего элемента? Проблема эта, заметим, ставилась в терминах схемы «средства–цели»: какова «цель» индивидуального действия?

В этом контексте, следовательно, было естественно заметить две вещи: во-первых, что есть разница между вещами, к которым люди стремятся, и вещами, которых они избегают; во-вторых, что успех в достижении первых обычно сопровождается позитивными чувствами, а столкновение против воли с тем, чего хотелось избежать, – наоборот, негативными. Если эти две тональности чувств назвать, соответственно, удовольствием и страданием, то мы получим общую рамку гедонистической теории.

Далее встает вопрос о статусе этих элементов в объяснении действия. Одно из возможных объяснений – то самое, которое нас здесь интересует, т.е. подлинный «психологический гедонизм». Так можно обозначить воззрение, согласно которому объяснением направления, принимаемого рациональным действием, будет тот *факт*, что в человеческой природе одни акты создают для актора удовольствие, а другие – страдание. Является ли связка между определенным актом и удовольствием или страданием наследственной или обусловленной прошлым опытом индивида, для актора она *факт*, с которым он должен считаться; это не его *деяние*, по крайней мере в данном контексте. Тогда выполнение некоторых актов становится, по существу, необходимым средством для получения удовольствия или избежания страдания.

Так, без разрушения рационалистической схемы, неопределенность чисто утилитарной позиции устраняется. Исходя из природы человека, элемента случайных желаний больше нет. Почему он стремится к данной конкретной цели, становится известно; это средство получить удовольствие или избежать страдания. В нашей терминологии, это переход от утилитарной к радикально-позитивистской позиции путем сведения целей как фактора действия к «условиям». Почему люди действуют так, как они действуют, объясняется, по существу, человеческой природой.

Подобно антиинтеллектуалистским психологиям, это тоже не является окончательной позицией. Ведь остается проблема, почему удовольствие присоединяется к одним особым формам действия, а страдание – к другим. Правда, это может быть принято как

набор конечных данных, но, видимо, нет весомых причин это делать. Естественным ходом будет проследить проблему на один шаг вперед. Средства для этого у нас уже есть. Базовый принцип понимания человеческой природы (как и природы всякого организма) – принцип адаптации к среде. Так, объяснением частных случаев удовольствия и боли является то, что приносящие удовольствие акты – это акты, идущие на пользу выживанию вида, а акты, приносящие страдание, не способствуют ему. Таким образом, теперь еще и третьим путем аргументация возвращает нас к социал-дарвинизму¹.

Другое направление, в котором развивался классический утилитарный гедонизм, можно опустить, пока не показан последний путь, которым можно прийти к положению, что конечное объяснение человеческого действия кроется в условиях его среды. Это путь, уже коротко очерченный в связи с Годвином.

Поиск истоков этой линии мысли возвращает к влиянию нормативной концепции закона природы, «который есть разум». Превращение разума в закон *человеческой* природы предполагает, как уже отмечалось, понимание его как правителя страстей, а не их слуги. Это означает, если привести это к используемым здесь терминам, что он является уже не просто способностью к изобретению путей и средств реализации целей, а становится инстанцией определения самих целей.

Итак, пока концепция природы остается эксплицитно нормативной, смысл, в котором функцией разума является адаптация к природе, остается за пределами внимания. Несущая основа здесь является, в позитивистских терминах, метафизическим элементом, находящимся вне сферы науки и для нее непостижимым. Вместе с тем была сильная тенденция к отождествлению природы, в этом смысле, с факторами, входящими в причинное объяснение эмпирических явлений. Нормативная и объяснительная версии закона природы тяготели к слиянию. Это было даже неизбежно, поскольку разум понимался в позитивистском духе, как «способность, явленная в позитивной науке». Тогда реальностью, к которой наш

¹ Гедонизм, таким образом, является комбинацией двух логически возможных полярных типов: рационалистического, поскольку пользуется схемой «средства–цели», и антиинтеллектуалистского в теории человеческой природы, объясняющей ее особый способ функционирования.

разум нас адаптирует, должна быть реальность «фактов» нашего эмпирического внешнего мира.

Отсюда далее выросла концепция прямой рациональной адаптации к конечным условиям действия путем определения целей в согласии с этими условиями. Эта тенденция мысли очень заметно выражена в «левом» крыле индивидуалистического позитивизма, у французских рационалистов, у Годвина и Оуэна, а также у утопических социалистов. Конкуренция с этой точки зрения была нерелевантна, поскольку каждый индивид адаптировал свое действие непосредственно к конечным условиям, и ни в каких подобных опосредованиях его приспособление не нуждалось. У конкуренции не было функции в этой социальной схеме. Поэтому упор в этой группе делался на процессы спонтанной кооперации индивидов; при этом проявлялся мощный анархистский или социалистический тренд, в зависимости от того, делался ли основной акцент на преимуществах свободы или кооперации.

Итак, мы видим крайнее радикальное решение поднятой Гоббсом проблемы порядка, полученное путем отрицания самого существования этой проблемы. Но этот взгляд, пока он был подлинно позитивистским, реально отличался от других, обсуждавшихся в структуре его понятийной схемы, только своим пониманием природы процесса детерминации действия: в этом решении проблемы адаптация происходит напрямую, через рациональное постижение фактов; в антиинтеллектуалистском решении – косвенно, через отбор. Но в обоих случаях конечный результат – конечные определяющие факторы – одинаков: адаптация к условиям осуществляется, в конечном счете, через влияние самих этих условий. В действительности даже разница процесса при внимательном анализе исчезает, ведь если «условия» в итоге составляют единственные детерминанты действия, то субъективный аспект становится просто отражением этих «фактов»; он сугубо эпифеноменален¹. Таким образом, все позитивистские реки впадают, в

¹ Единственное отличие от дарвинизма – устранение необходимости отбора. Основой становится ламарковская биология с ее доктриной наследования приобретенных характеристик. Ламарка и в самом деле тесно связывали с этой рационалистической тенденцией мысли, в то время как Дарвина – с позитивистским антиинтеллектуализмом.

конце концов, в одно и то же море, и это море механистического детерминизма.

Полезность

Но вернемся к гедонизму. Форма, рассмотренная выше, была названа подлинным психологическим гедонизмом. То есть, удовольствие считается истинной причиной рационального действия в такой форме, что становится реальной целью действия, тогда как видимое разнообразие конкретных целей оборачивается ни чем иным, как множеством средств для этой единственной цели, всего лишь отражающим разнообразие нашей наследуемой природы и эмпирического мира, в котором мы живем.

С другой стороны, при той же отправной точке возможна и другая интерпретация значимости удовольствия – как связанного с достижением действительно преследуемых целей. То есть, удовольствие можно считать не реальной целью, а показателем степени достижения нашей реальной цели, неважно какой. Вместо того чтобы делать его психологическим и, возможно, в конечном счете физиологическим фактором действия, эта интерпретация сделала бы его проявлением – в сфере чувств – некоторого процесса, *объяснение* которого надо искать в рамках других категорий. Эта тенденция мысли появилась в самосознании совсем недавно, в форме современного экономического понятия полезности.

В этих терминах возможно сказать, что всякое экономическое действие движимо целью максимизации полезности. Но это в конце концов означает, что элемент порядка в экономических связях нужно искать только на уровне средств. Это положение – всего лишь следствие (или один из способов формулировки) постулата экономической рациональности. Иначе говоря, *непосредственной* целью всякой экономической деятельности, поскольку она является экономической, служит приобретение контроля над средствами удовлетворения нужд. Именно в силу своей конвертируемости как средств для удовлетворения альтернативных целей, блага и услуги могут трактоваться в терминах этого общего знаменателя, полезности. Чем более применим к вещи этот общий характер, тем больше она будет чисто экономической. Поэтому экономическим средством *par excellence*, воплощением чистой полезности являет-

ся «общая покупательная способность» – средство, которое применимо для удовлетворения всех и любых нужд, насколько они могут быть связаны с экономическим контекстом.

В своей строго утилитарной форме полезность, тем самым, становится общей мерой успеха рационального действия, т.е. распоряжения средствами для удовлетворения случайных нужд. Но конечным субъективным *фактором* действия все еще остаются нужды, а не полезность. Эта позиция получает логически ясную разработку благодаря очищению понятия полезности от ассоциации с психологическим гедонизмом; процесс этот был чрезвычайно мучительным. Эта мучительность неувидительна, ибо в утилитарной версии позитивистской социальной мысли присутствует базовая нестабильность. Следовательно, пока эта позиция остается подлинно позитивистской, переход к радикальному позитивизму неизбежен. Для экономиста психологический гедонизм был, естественно, простейшим путем осуществить этот переход. Таким образом, в *позитивистском* контексте есть немалая доля истины в упреке «институционалистов»¹, что ортодоксальная экономическая теория логически связана с гедонизмом. Ведь, по крайней мере, в том, что касается конкуренции, радикальное рационалистическое решение неприемлемо, поскольку делает конкуренцию излишней, в то время как позитивистский антиинтеллектуализм подрывает постулат экономической рациональности, и с еще более серьезными последствиями. Теория экономической мотивации, построенная на понятии полезности, верна, и это не гедонистическая теория. Но это предполагает радикальную ревизию всей позитивистской системы координат, в которой выросла ортодоксальная экономическая теория. Характер этой ревизии составит одну из центральных тем при рассмотрении первых двух объектов нашего пристального анализа, Маршалла и Парето.

¹ См.: *Mitchell W.C.* Human behavior and economics : a survey of recent literature // *Quarterly journal of economics.* – 1914. – Vol. 29, N 1. – P. 1–47; *Veblen T.* The preconceptions of economic science // *Veblen T.* The place of science in modern civilization and other essays. – New York : B.W. Huebsch, 1919. – P. 82–179.

Эволюция

Наконец, нужно привнести немного ясности в то, какое место занимает в позитивистском контексте понятие эволюции. Будет точным сказать, что от Гоббса и до конца XVIII в. в этой великой традиции мысли преобладала тенденция мыслить в терминах статичного приспособления фиксированных элементов друг к другу. Постепенно, однако, проявилась тенденция мыслить в терминах эволюционного процесса.

Первая великая фаза эволюционизма возникла на основе радикального французского рационализма, и первое великое имя здесь, пожалуй, Кондорсе. Именно это движение мысли прямолинейнее всего применило методологию позитивной науки к субъективному аспекту действия. Пока речь шла только о роли позитивистски определенной способности разума, тенденцией было мыслить статически. Но скоро стало очевидно, что, хотя способность разума возможно и статична, нельзя сказать то же самое о ее продукте, научном знании. Напротив, последнее подчинено процессу кумулятивного роста. Следовательно, действие определяется не напрямую разумом, а косвенно, через рациональное понимание условий и применение этого знания для направления действия. Таким образом, конкретный результат будет меняться в зависимости от состояния знания.

Из этих соображений появляется теория кумулятивного социального изменения, динамическим фактором которого является прогрессивное накопление научного знания, т.е. линейная теория социальной эволюции. Отмеченные в предыдущей главе факторы, ограничивающие рациональность действия, а именно невежество и ошибки, занимают место в теории, но как характеристики ранних стадий этого процесса, прогрессивно устраняемые в его ходе. Иррациональности в любой данный момент времени – показатели незавершенности этого процесса.

Эта рационалистическая теория социальной эволюции располагается на одном полюсе позитивистской мысли. Совершенно ясно, что сами по себе случайные желания не могут дать динамического элемента. На утилитарной основе единственным возможным размыканием является фактор растущего научного знания, на этот раз средств и условий. Таким образом, в обеих теориях в

центр выносятся научное знание и его применение в технологии. Когда мысль отходит от рационалистического или утилитарного полюсов, она, оставаясь в позитивистской рамке, должна оформиться в терминах того или иного вида позитивистского антиинтеллектуализма.

В отсутствие какого-либо динамического фактора в самих конечных условиях среды он может быть обнаружен только в чем-то таком, что меняет наследственный тип, т.е. в чем-то вроде случайных вариаций в дарвинизме, где фактором, из которого вытекает определенное направление изменения, является фактор окружающих условий. Стало быть, на рационалистическом и антиинтеллектуалистском полюсах позитивистской мысли задается одно и то же фундаментальное направление процесса эволюционного изменения – лучшая адаптация к окружающим условиям. На одном полюсе эта адаптация есть прямая рациональная адаптация через применение научного знания, на другом – косвенная адаптация посредством отбора между вариациями. Но в обоих случаях этот процесс линейный и происходит путем прогрессивного накопления приближений к асимптотической цели. Главное здесь то, что это единственные возможности, открытые на строго позитивистской основе. Прежде всего, место для позитивной роли целей есть только в утилитарной форме, а она не дает основы для теории изменения. Следовательно, любое изменение в целях, не являющееся отражением других факторов, должно считаться индикатором появления в обсуждаемой мысли непозитивистских элементов¹.

Так завершается обустройство сцены для мыслительной драмы, которая будет представлена в этом исследовании. Первый удар будет нанесен в той стратегической точке, где находятся статус экономической теории и его связь с утилитарной позицией. Первым теоретиком, которого мы возьмем, будет Альфред Маршалл. С его собственной точки зрения и с точки зрения остального научного мира, он ограничивал свое теоретическое внимание экономическими проблемами. Однако в том, как он их определял и

¹ В главе 4 будет показана важность этого положения для истолкования значимости некоторых элементов мышления Маршалла.

как он с ними работал, будет обнаружена постановка вопросов, представляющих для нас чрезвычайный интерес.

Второй шаг в анализе будет посвящен работе Вильфредо Парето, который, хотя и был тоже экономистом, так дополнил свою экономику социологической теорией, что это сделало очевидной проблему связи этих двух дисциплин и связи обеих со всей позитивистской схемой. Наконец, за истолкованием Парето последует подробное рассмотрение мысли Эмиля Дюркгейма, который поставил те же фундаментальные проблемы несколько иначе, введя в оборот еще одну логическую возможность позитивистской традиции, социологистскую, детальным разбором которой мы отложим до того момента, когда вплотную займемся его работой. Эти три исследования завершат трактовку позитивистской социальной мысли. Это можно, как было предположено выше, считать попыткой проследить через работу этих трех авторов, что происходит, когда последствия нестабильности утилитарной позиции развертываются в направлении, противоположном тому, в котором ведет затронутая нами в нынешнем обсуждении тенденция к радикальному позитивизму.

В завершении этого исторического очерка, во избежание недоразумений, можно добавить несколько слов. Теоретические понятия, которые здесь рассматривались, можно трактовать с двух точек зрения; в этом обсуждении нас интересовала преимущественно одна из них, та, которой, в общем и целом, придерживались сами авторы этих идей. А именно – они трактовались как общие теоретические рамки для понимания человеческого поведения в обществе в целом. Будет утверждаться – и будет предпринята попытка во всех подробностях доказать, – что *в этом смысле все версии позитивистской социальной мысли конституируют несостоятельные позиции*, по причинам как эмпирическим, так и методологическим.

Это не следует, однако, понимать в том духе, что понятия, получившие разработку в связи с этими теориями, попросту неверны и, следовательно, бесполезны для нынешней или будущей социальной науки. Напротив, в целом каждая из разработанных основных категорий – подлежа, конечно, уточнению и совершенствованию, нашла постоянное место в подходе к проблемам человеческого поведения. Критика здесь направлена не против их адек-

ватности для должным образом определенных и ограниченных целей, а против их претензии на формирование основы для адекватных общих теорий общества. Было бы серьезным недоразумением полагать, что, коль скоро позитивистские социальные теории здесь строго критикуются с точки зрения ряда теоретических целей, то, следовательно, используемые в них понятия непригодны ни для каких целей вообще. Скорее будет предпринята попытка разработать очертания общей понятийной схемы, в рамках которой важные элементы валидности, заключенные в них, найдут законное место и тем самым избегнут опасности потеряться в ходе общей критической атаки на эмпирические результаты их использования в позитивистском контексте¹.

*Пер. с англ. В.Г. Николаева**

¹ Отказ институционалистов от концептуальных инструментов ортодоксальной экономической теории – прекрасный пример этого. Хотя они часто эмпирически правы в своей критике выводов, полученных с использованием этих понятий, они тем не менее катастрофически неправы на теоретическом уровне, не видя возможности избежать этих последствий путем использования тех же инструментов в контексте иной понятийной схемы.

* Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; vnik1968@yandex.ru

Nikolaev Vladimir Gennad'evich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; vnik1968@yandex.ru

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал
Серия 11

СОЦИОЛОГИЯ
2023 № 3

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Д.Г. Валикова

Подписано к печати 20.12.2023 г.

Формат 60×84/16	Бум. офсетная №1
Печать офсетная	Цена свободная
Усл. печ. л. 13,25	Уч.-изд. л. 11,1
Тираж 300 экз.	Заказ №
(1–110 экз. – 1-й завод)	

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У